

П. А. ДРУЖИНИН • ГЕРАЛЬДИКА И РЕДКАЯ КНИГА I

П. А. ДРУЖИНИН
ГЕРАЛЬДИКА
И
РЕДКАЯ КНИГА
I

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

П.А. ДРУЖИНИН

ГЕРАЛЬДИКА
И
РЕДКАЯ КНИГА

В двух томах

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТРУТЕНЬ»

П.А. Дружинин

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ СУПЕРЭКСЛИБРИС

Источниковедческое
исследование

МОСКВА
2014

УДК 097+929.6

ББК 63.2+76.1

Д 11

ПОД РЕДАКЦИЕЙ М.Ф. РУМЯНЦЕВОЙ

На переплете:

Морис Кантен де Латур (1704–1788). Портрет Жанны Антуанетты Пуассон, маркизы де Помпадур (1721–1764), у ног которой положен портфель для гравюр с ее гербом. Пастель, 1755. Париж, Лувр, INV276614.

Договор на использование BOR0175397(2).

Portrait en pied de la marquise de Pompadour /La Tour Maurice Quentin de ©RMN–Grand Palais (Musée de Louvre)/Gerard Blot

Дружинин ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Д 11 ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ СУПЕРЭКСЛИБРИС: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ / П.А. Дружинин. М.: Трутень, 2014. 264 с.: илл. (Дружинин П.А. Гереальдика и редкая книга: в 2 т. / П.А. Дружинин; под ред. М.Ф. Румянцевой; Т. 1.)

ISBN 978-5-904007-07-2

ISBN 978-5-904007-08-9 (т. 1)

Настоящее издание включает избранные труды П.А. Дружинина в области геральдического исследования книжных памятников. На основании богатейшего материала, долгие годы собиравшегося в хранилищах редких книг и частных коллекциях, автор систематизирует геральдические источники, нанесенные на переплеты старинных книг в качестве знаков дворянской собственности; реконструирует историю их происхождения, бытования и изучения, предлагает методiku их атрибуции, подробно останавливается на вопросе фальсификации геральдических источников. Сводный каталог русских гербов на книжных переплетах — так называемых геральдических суперэкслибрисов — составляет второй том издания и является уникальным справочником по истории геральдики и книжного собирательства дореволюционной России.

УДК 097+929.6

ББК 63.2+76.1

ISBN 978-5-904007-07-2

ISBN 978-5-904007-08-9 (т. 1)

© Дружинин П.А., 2014

Посвящается памяти
московского букиниста
Карла Карловича Драффена
(17 VI 1936 — 24 IX 1999)

ОТ РЕДАКТОРА

Предисловие «От редактора» — малопонятный и вряд ли продуктивный жанр. Все что мог сделать редактор, чтобы помешать автору в его творческом полете, он уже сделал, — и на суд читателя выносятся то, что получилось как результат то ли сотрудничества, то ли борьбы автора и редактора.

Но не могу отказать себе в удовольствии сказать несколько слов о работе по-своему уникальной. И дело здесь не в том, или не только в том, что книга Петра Александровича Дружинина — редкий пример сочетания, с одной стороны, рассчитанного хотя и на заинтересованного, но все же широкого читателя рассказа об увлекательнейшем научном поиске в области столь романтической сферы исторического знания как геральдика и его нетривиальных результатах и, с другой стороны, серьезного глубокого высокопрофессионального научного исследования, выполненного на самом современном уровне.

Об увлекательности книги — судить исключительно читателю, а вот о научном новаторстве автора позволю себе сказать несколько слов.

Геральдический суперэкслибрис — культурный объект, комплексно и всесторонне исследуемый в книге Петра Александровича Дружинина, принадлежит предметному пространству *геральдики*. Геральдика (от лат. *heraldus* — глашатай), или гербоведение, — это и практическая деятельность по созданию гербов — отличительных знаков отдельного лица, рода, а также страны, города, корпорации, — и наука, изучающая гербы, практики их составления, их функционирование в социуме.

Возникнув из *практической потребности* удостоверения личности участников средневековых рыцарских турниров, геральдика уже во второй половине XIII века фиксируется в произведениях поэтов-герольдов, а в первой половине XIV в. появляется первый гербовник — «Цюрихский» и первое изложение правил составления гербов итальянца Бартоло да Сассоферрато. Важнейшее социальное значение геральдика сохраняла на всем протяжении существования сословного феодального общества, а в России вплоть

до отмены сословий Декретом ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» 10 ноября 1917 года.

Научное значение геральдики определилось вместе со становлением научного исторического знания и, особенно, в связи с профессионализацией исторических исследований в XIX веке и сопровождавшей ее разработкой все более тонких методов т.н. критики исторических источников с целью получения из них проверенной достоверной информации. Геральдика прочно заняла свое подobaющее ей место в составе традиционных т.н. *вспомогательных исторических дисциплин*, то есть тех областей знания, которые в прямом смысле слова помогали и, естественно, продолжают помогать историку устанавливать подлинность интересующих его документов — исторических источников, время их создания, авторство и тому подобные характеристики. Не случайно за этими дисциплинами закрепилось название *вспомогательные*, которое нынче воспринимается частью научного сообщества чуть ли не как уничижительное, что ведет к малоуспешным попыткам облагородить их обозначение и именовать, например, специальными историческими дисциплинами.

Но дело ведь не в именовании... *Вспомогательные исторические дисциплины*, включая геральдику, действительно играли вспомогательную роль в исторической науке XVIII–XIX вв., в той исторической науке, которая была наукой факта, понимаемого как неизменный «кирпичик» построения узкой «башни» политической истории.

Новые подходы в изучении истории, антропологический и культурологический повороты XX века, развернули историческое познание к человеку — и к человеку не прищипленному, как коллекционная бабочка, к одной точке на линейке политической истории, а к человеку, самоопределяющемуся в широком коэксистенциальном и историческом пространстве — в контексте культуры, и заставили задуматься о новом статусе вспомогательных исторических дисциплин, которые теперь призваны не только помогать историку в характеристике и оценке исторического источника, но и приобретают самостоятельное и весьма существенное историко-культурологическое значение, поскольку обращаются к универсалиям человеческого опыта: времени — хронология, освоению пространства — метрология и в ином ключе историческая география, письму — палеография, знаковым системам — сфрагистика, фалеристика, геральдика и т.д.

П.А. Дружинину удалось комплексное по существу, высокопрофессиональное по методу и исследовательским технологиям,

интересное по результату исследование такого, на первый, — да и на последующие, — взгляд малоинформативного (не примите за эвфемизм — малоинтересного) источника как геральдические суперэкслибрисы, которые, будучи вытисненными на переплетах знаками, естественно, уступают традиционным гербам хотя бы по прорисовке деталей, не говоря уже о красочности изображения.

Конечно же, с традиционной точки зрения работа П.А. Дружинина может быть отнесена к традиционной же области вспомогательных исторических дисциплин. Автор демонстрирует тонкие исследовательские методики с привлечением палеографии, фалеристики, нумизматики, генеалогии, кодикологии, истории книжного искусства. Но автор идет дальше...

Геральдические суперэкслибрисы рассматриваются в книге П.А. Дружинина как явление культуры, их история как история самостоятельного культурного феномена прослеживается в тесной взаимосвязи с историей дворянства, знаменитых дворянских фамилий (Разумовских, Шереметевых, Сумароковых...), с историей книжных собраний и библиотек. В результате автору удалось осуществить исследование, в котором геральдический суперэкслибрис, выступая как явление культуры, тем самым выполняет функцию исторического источника в более масштабном историко-культурном исследовании, что самым тесным образом связывает осуществленную Петром Александровичем Дружининым работу с феноменологической источниковедческой концепцией исторического познания и с концепцией когнитивной истории — весьма перспективными направлениями актуального исторического знания, стремящимися к реализации проекта *строгой науки* в историческом познании.

М.Ф. Румянцева

К ЧИТАТЕЛЮ

Настоящий двухтомник включает наши работы, посвященные геральдическим суперэкслибрисам — гербам владельцев на книжных переплетах — и их роли в истории книги и истории культуры. В первом томе помещено источниковедческое исследование, в котором мы попытались дать всестороннюю характеристику геральдического суперэкслибриса как уникального исторического источника, со всеми его специфическими особенностями и сложностями; во втором томе публикуется максимально полный свод русских геральдических суперэкслибрисов. Изданием этих двух сочинений мы подводим итог многолетней работе в области геральдического исследования книжных памятников.

Наш интерес к геральдическому суперэкслибрису возник более двадцати лет назад на почве увлечения историей европейского книгопечатания. Наиболее привлекательной для нас тогда казалась не столько содержательная, сколько эстетическая сторона, а именно — искусство книги. Уже в раннем возрасте нам посчастливилось подпасть под влияние типографических опытов выдающихся печатников; таким образом, издания Альдов, Этьеннов, Джона Баскервилля и, особенно, Джамбаттисты Бодони оказали решающее воздействие не только на формирование нашего вкуса, но и на будущие интересы. Безусловно, чтобы знакомство с такими выдающимися памятниками вообще смогло состояться, причем еще в отроческом возрасте, сыграли свою роль несколько обстоятельств.

Во-первых, можно только благодарить судьбу за то, что моя мама, окончившая Московский университет по кафедре истории средних веков, в середине 1980-х годов стала хранителем библиотеки князя Н.Б. Юсупова в подмосковном Архангельском — самой крупной музейной усадебной библиотеки в России; именно в Архангельском я смог прикоснуться к многочисленным памятникам книжности XVI–XVIII веков, причем как в нравственном, так и в прямом — тактильном — смысле этого слова, имея возмож-

ность не только брать в руки любую из книг, но и часами пересматривать книгу за книгой.

Во-вторых, это впечатление было тогда весьма своевременно усилено выходом двух изданий. Сначала — сборника «Книгопечатание как искусство»¹ (1987), благодаря которому оказалось возможным соединить впечатление от музейных экземпляров с текстами трактатов выдающихся печатников и художников книги: стараясь смотреть их глазами на их же произведения, я тогда пытался за древностью книг увидеть достоинства шрифта в его единстве с наборной полосой, почувствовать действительную красоту строгости эталонного книжного набора, оценить эстетическую прелесть экземпляров с большими полями... А в 1989 году вышли в свет «Рассказы о книгах» Шарля Нодье, подготовленные к печати Верой Аркадьевной Мильчиной². Как я понял несколько позднее, именно это сочинение сделало меня узником книги как предмета моего ежедневного интереса, затем и исследования, определив в дальнейшем выбор профессии историка книги.

Бесспорно то обстоятельство, что книговедческая литература трудна даже для квалифицированных переводчиков, поскольку различные тонкости библиофильства или технологии искусства книги доступны не всем и на родном языке, требуя не только знания языка оригинала, но и глубокой осведомленности в предмете; но в этом издании оказались учтены как специфические особенности и оттенки оригинального текста, так и соблюдены законы книговедческого жанра, кроме того, не был утрачен искрометный стиль автора — блестящего библиофила и беллетриста XIX столетия. Новеллы Нодье, снабженные иллюстрациями с изображением исторических переплетов лучших французских библиофилов³, наглядно убедили меня в том, что старинная книга — это не только произведение печатного искусства, «памятник», но синтез, в котором наряду с формальной типографической характеристикой издания важнейшую роль играет и судьба конкретного экземпляра, вписанная в историю культуры. Это было почти открытие, поскольку в отличие от отечественной традиции европейская наука о книге

¹ Книгопечатание как искусство: Типографы и издатели XVIII–XX веков о секретах своего мастерства / сост. Зиховски Р. фон, Тиман Г. / предисл. к русскому изданию, пер. с нем., франц., англ., итал., комментарий И.Е. Бабанова. М. 1987.

² Нодье Ш. Читайте старые книги: новеллы, статьи, эссе о книгах, книжниках, чтении : пер. с фр. / сост. и авт. предисл. В.А. Мильчина. Кн. 1–2. М., 1989.

³ Иллюстрации эти были почерпнуты из прекрасной книги Ива Дево (Devaux Y. Dix siecles de reliure. Paris, 1981).

всегда придавала огромное значение происхождению конкретного книжного памятника, и именно поэтому установление или просто фиксация provenance подчас напоминает в европейской книговедческой и книгопродавческой литературе сложное генеалогическое исследование.

Из-за увлеченности именно внешней стороной книжных памятников, особенно историей европейского переплетного искусства XVII–XVIII веков, неминуемо пришлось столкнуться с таким явлением как геральдический суперэкслибрис, поскольку значительная часть европейских изданий этого периода (а из экземпляров в особых художественных переплетах — большая часть) несет на себе гербы своих владельцев. Атрибуция знаков западноевропейского происхождения, особенно поначалу, представляла для нас значительные трудности; однако постепенное овладение принципами геральдической экспертизы и возможность пользоваться хотя бы и неодинаковой по полноте, но все-таки вполне достаточной для этих нужд научной литературой европейских стран, сделали эту процедуру доступной, что позволило в свое время опубликовать некоторые результаты своих исследований⁴. Однако, главным для нас стало создание полного свода русских геральдических суперэкслибрисов частных лиц и их атрибуция конкретным гербовладельцам.

В силу ряда обстоятельств, таких как продолжительный по времени поиск в книгохранилищах и частных собраниях, сложность атрибуции и т.д., работа растянулась на годы. Опубликованный после более чем десяти лет разысканий альбом-каталог «Русский геральдический суперэкслибрис»⁵ довольно быстро начал приращивать дополнениями⁶, а параллельно проводившееся исследование геральдического суперэкслибриса с позиций источниковедения способствовало уточнению некоторых атрибуций⁷. В дальнейшем мы еще раз пересмотрели весь корпус русских гербовых знаков, причем каждый был исследован заново посредством разработан-

⁴ Дружинин П.А. Книжный переплет и суперэкслибрис как памятники декоративно-прикладного искусства: (В связи с выставкой коллекции П.С. Романова). М., 1994; Дружинин П.А. Западноевропейский суперэкслибрис XVI–XIX вв. в собрании ВГБИЛ // Книга: исследования и материалы. М., 1997. С. 218–268.

⁵ Дружинин П.А. Русский геральдический суперэкслибрис. М., 2000.

⁶ Дружинин П.А. «Русский геральдический суперэкслибрис»: Дополнения и уточнения к книге // Библиофилы России: Альманах. Т. III. М., 2006. С. 353–373.

⁷ Дружинин П.А. Геральдический суперэкслибрис: Проблемы атрибуции // Вестник РГГУ. № 4/09: Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». М., 2009. С. 194–209.

ного полидисциплинарного метода атрибуции. Результаты этой работы публикуются в виде сводного каталога русских геральдических суперэклибрисов, который составляет второй том настоящего издания.

Формирование корпуса русских суперэклибрисов не могло происходить бессистемно, поскольку по ходу работы было необходимо решить ряд задач: начиная от разделения русских и европейских суперэклибрисов, и заканчивая вопросами персональной их атрибуции конкретным представителям дворянских родов. Таким образом, мы на практике смогли отработать многие методы, которые оказались наиболее подходящими в процессе геральдического исследования книжных памятников⁸. Помимо этого, мы детально разработали ряд важнейших и необходимых для характеристики исторического источника вопросов — начиная с типологии и терминологии, заканчивая историографией этого явления.

Особенной своей удачей мы считаем то обстоятельство, что наряду с исследованием самих суперэклибрисов оказалось возможным выявить в архивохранилищах сведения об изготовлении штампов-матриц для них, установить имена мастеров, вырезавших их, а также найти и несколько самих штампов, чудом сохранившихся до наших дней.

Неразрывная связь геральдического суперэклибриса и вспомогательных исторических дисциплин позволила в процессе исследования и разработки наиболее эффективных методик атрибуции этого исторического источника подготовить к изданию ряд справочников по русской геральдике и фалеристике⁹.

Конечно, такая работа не могла осуществиться без доброго отношения, помощи и ценных советов многих коллег и друзей. Пользуясь счастливой возможностью, я спешу принести слова искренней благодарности [Г.А. Абакумову], К.М. Азадовскому, Н.Н. Алешинной, Е.И. Архиповой, Я.И. Бердичевскому, М.В. Бокариус, И.Л. Великодной, Г.В. Вилинбаховой, [И.Н. Врубель], Б.А. Градовой, Ю.Ю. Гречиховой,

⁸ Дружинин П.А. Геральдический суперэклибрис XVIII — начала XX века в российских книжных собраниях: источниковедческое исследование : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук [Российский государственный гуманитарный университет]. М., 2009.

⁹ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи: Части I–X (1562 герба) / предисл., сост., ред. — П.А. Дружинин. М., 2009; Бантыш-Каменский Н.Н. Списки кавалерам Российских императорских орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского и Св. Анны с учреждения до установления в 1797 году орденского капитула [доп. и испр. изд.] / предисл., сост., ред. П.А. Дружинина. М., 2006.

Е.Н. Груздевой, К.Н. Грязевой, А.А. Гусевой, К.К. Драффену,
О.И. Еропкиной, Е.В. Журавлевой, Р.Б. Казакову, М.М. Климову,
С.В. Королеву, Т.И. Краснобородько, Г.Б. Кремневу, М.Е. Кудрявцеву,
И.В. Лебедевой, Е.В. Лепехиной, М.П. Лепехину, Н.Ю. Марковой,
А.Н. Михайлову, Е.З. Панченко, Т.А. Подстаницкой, С.А. Подстаницко-
му, Н.А. Попковой, Н.С. Прохоренко, Е.В. Пчелову, А. Рабиновичу,
В.А. Ракиной, М.Ф. Румянцевой, Е.А. Савельевой, А.Б. Савинову,
А.Л. Соболеву, В.А. Сомову, А.П. Толстякову, И.В. Тункиной,
Е.Н. Филинову, И.М. Шевелевой, Л.Б. Шицковой.

Наибольшую благодарность выражаю Елизавете Викторовне Дружининой, без заботы которой я бы никогда не смог заняться изучением истории книги.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «суперэклибрис» (от лат.: super — сверху, ex-libris — из книг) объединяет группу владельческих знаков конкретных собирателей, придворных или общественных библиотек, нанесенных на поверхность книжных переплетов металлическим штампом-матрицей посредством горячего тиснения.

Исследуемые в настоящей работе суперэклибрисы включают в свое изображение либо гербы целиком, либо геральдические фигуры, образуя, таким образом, обширную группу владельческих знаков, именующихся геральдическими суперэклибрисами.

Геральдический суперэклибрис появился в Западной Европе одновременно с книгопечатанием — в XV веке. Развиваясь на протяжении XVI и XVII веков, он получил наибольшее распространение в XVIII столетии. Уже в конце XVIII века, начиная со времён Великой французской революции, объявившей войну переплетам с гербами, использование суперэклибрисов постепенно сходит на нет, повсеместно замещаясь традиционным печатным экслибрисом, а в начале XX столетия практически прекращается. В России геральдический суперэклибрис как знак книговладения массово появляется в XVIII и употребляется до начала XX века.

В качестве исторического источника геральдический суперэклибрис оказывается незаменимым для исследования дворянского быта, изучения употребления родовой геральдики, характеристики интеллектуального развития русского общества Нового времени. Не меньшее значение суперэклибрис вообще и геральдический суперэклибрис в частности имеет для изучения русского переплетного и декоративно-прикладного искусства, поскольку во внешнем оформлении переплета русской книги суперэклибрис играет одну из ключевых ролей, а экземпляры книг с геральдическими суперэклибрисами в абсолютном большинстве случаев относятся к категории книжных памятников.

Характеристика геральдического суперэклибриса как владельческого знака, а также его неразрывная связь с самой книгой делают геральдический суперэклибрис исключительно информативным источником для установления происхождения и бытования как конкретных книжных памятников, доказательства и характеристики вопросов подлинности, выявления возможных фальсификатов, так и решения более масштабных исследовательских задач — реконструкции целых библиотек и книжных коллекций.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СУПЕРЭКЛИБРИСА В ЕВРОПЕ, РОССИИ И СССР¹

Интерес к геральдическому суперэклибрису возник в Европе еще в первой половине XIX столетия; но это был не столько научный, сколько эрудитский интерес, который стал следствием как широкого распространения суперэклибрисов в XVIII веке, так и бурного роста европейского книжного коллекционирования в 1820-е годы. Не последнюю роль в такой популярности «переплетов с гербами» у коллекционеров сыграла декоративность геральдического суперэклибриса, благодаря чему он нередко рассматривался исключительно в контексте декоративно-прикладного искусства и до сих пор не утратил своей привлекательности для коллекционеров. Специфической особенностью геральдических суперэклибрисов, также способствовавшей привлечению к ним дополнительного внимания, является избранность этого феномена, поскольку употребление таких владельческих знаков было прерогативой ограниченного круга собирателей книг: необходимым условием было не только наличие крупной собственной библиотеки, но и возможность заказывать переплеты со специальным тиснением, что требовало значительных средств.

Если распространность геральдических суперэклибрисов в Европе стимулировала начало их изучения — сперва выявление, а затем атрибуцию и каталогизацию, — то их коллекционирование и тесная связь с книгопереплетным искусством невольно ограничили изучение геральдических суперэклибрисов исключительно рамками книговедения.

Специфическая особенность опубликованных работ по данному вопросу состоит в том, что, собственно, исследований (лите-

¹ Историографический очерк имеет своей границей начало 1990-х гг., когда мы начали публиковать свои работы по данному вопросу.

ратуры) о геральдических суперэкслибрисах практически не существует, поскольку все печатные материалы по этой проблеме сводятся к каталогам или отдельным публикациям геральдических суперэкслибрисов.

Изучение и каталогизация суперэкслибрисов в Западной Европе имеет давнюю традицию. Тем не менее, общего каталога европейских геральдических суперэкслибрисов не существует, имеется лишь ряд сборников, книг или отдельных статей, где помещены воспроизведения и описания суперэкслибрисов, происходящих из различных стран, часто с подробными сведениями о владельцах книжных собраний. Это труды больше ознакомительного характера, поскольку корпус европейского геральдического материала чрезвычайно велик.

Несомненно, лучший пример такого обзорного издания — трехтомный труд немецкого исследователя Густава Адольфа Эриха Богенга «Великие библиофилы», напечатанный в Лейпциге в 1922 году², в котором характеризуются наиболее выдающиеся библиофилы прошлого и приводятся краткие описания их коллекций. Поскольку сам Богенг был специалистом в области книгопереплетного дела (им была написана фундаментальная работа по этому вопросу³), то переплетам с геральдическими суперэкслибрисами библиофилов он уделяет достаточно внимания: во втором томе, полностью отданном иллюстрациям, можно видеть воспроизведенными несколько десятков геральдических суперэкслибрисов, многие из которых являются памятниками декоративно-прикладного искусства. Наиболее знаменитые из них — суперэкслибрисы папы Павла V (1552–1623), Жака Огюста де Ту (1553–1617), графов Генриха Брюля (1700–1763) и Генриха Бюнау (1697–1762), а также некоторые редкие английские геральдические суперэкслибрисы. В числе универсальных (в географическом аспекте) изданий следует упомянуть о книге Людовика Булана «Владельческие знаки на французских и иностранных книгах»⁴, где с воспроизведениями геральдических суперэкслибрисов частных собраний библиофилов разных стран Европы соседствуют вытисненные иногда на переплетах гербы городов.

Наряду со специальными изданиями, посвященными геральдикским суперэкслибрисам, особой ценностью обладают иллюстри-

² *Bogeng G.A.E. Die grossen Bibliophilen: Geschichte der Buchersammler und ihrer Sammlungen. Bd. 1–3. Leipzig, 1922.*

³ *Bogeng G.A.E. Deutsche Einbandkunst. Halle, 1911.*

⁴ *Bouland L. Marques de livres anciennes et modernes francaises et etrangeres. Paris, 1925.*

рованные каталоги различных распродаж, где вместе с традиционными и широко известными знаками можно встретить редкие и малодоступные в специальной геральдической литературе суперэклибрисы, особенно португальские или испанские. Эталоном издания такого рода является каталог распродажи знаменитой коллекции Рафаэля Эмериана (1903–1976), издававшийся в Париже в 1972–1974 годах по мере продажи разделов его собрания⁵. Пять частей (в шести книгах) этого издания содержат воспроизведения и описания выдающихся экземпляров книг с геральдическими суперэклибрисами.

Единственной страной мира, где геральдический суперэклибрис выявлен и каталогизирован в максимальной полноте, является Франция. Уже во второй половине XIX века здесь стали издаваться работы, посвященные истории и употреблению геральдических суперэклибрисов. Этому предшествовал довольно широкий интерес французских коллекционеров, всегда высоко ценивших искусство переплета; причем во Франции в XIX столетии даже образовалось направление в книжном собирательстве — коллекционирование «переплетов с гербами». Первенствующим в популяризации этого направления в библиофильстве надо назвать знаменитого французского библиофила и писателя Шарля Нодье (1780–1844), уже с 1830 годов отдававшего в своих очерках в парижском *Bulletin du bibliophile* дань геральдическому суперэклибрису как важнейшей и интереснейшей составной части редкой книги⁶.

В 1870–1873 годах в Париже был издан составленный Жоаннисом Гигаром (1825–1892) двухтомный каталог геральдических суперэклибрисов — «Гербовник библиофила»⁷, вторым дополненным изданием напечатанный в 1890 году⁸; в этом ценнейшем для своего времени издании воспроизведено и проаннотировано несколько сотен геральдических суперэклибрисов французских библиофилов (а в издание 1890 года даже включено два русских герба). Интерес для характеристики французских суперэклибрисов представляет также большая статья французского историка и археолога Альсиуса Ледьё (1850–1912?) 1891 года, посвященная

⁵ *Bibliothèque Raphael Esmerian*. P. 1–5. Paris, 1972–1974.

⁶ Частично они опубликованы В.А. Мильчиной на русском языке: *Нодье III*. Читайте старые книги: новеллы, статьи, эссе о книгах, книжниках, чтении. Пер. с фр. / Сост. и предисл. В.А. Мильчиной. Кн. 1–2. М., 1989.

⁷ *Guigard J. Armorial du bibliophile, avec illustrations dans le texte*. Т. 1–2. Paris, 1870–1873.

⁸ *Guigard J. Nouvel Armorial du bibliophile*. Т. 1–2. Paris, 1890.

переплетам и суперэклибрисам библиотеки Абвиля⁹ — одного из древнейших французских городов, где автор выявил, атрибутировал и каталогизировал более ста геральдических суперэклибрисов французских собирателей. Статья эта оказалась столь ценна для библиофилов и книгопродавцев, что в том же году издатели Леон Грюэль и Робер Энгельман переиздали ее отдельно, на особой бумаге, тиражом в 50 нумерованных экземпляров¹⁰. Несколько ранее на базе экземпляров парижской Национальной библиотеки хранитель Анри Бушо (1849–1906) подготовил альбом «Художественные переплеты в Национальной библиотеке», вышедший в 1888 году¹¹; кроме переплетов, этот альбом знакомит и с геральдическими суперэклибрисами на них, причем с превосходными экземплярами. Как источник сведений о владельцах геральдических суперэклибрисов представляет ценность также двухтомное исследование Эрнста Кантен-Бошара (1830–1910) о французских женщинах-библиофилах XVI, XVII и XVIII веков, изданное в 1886 году¹², где автор рассматривает судьбы знаменитых любительниц и собирательниц книг.

Все многочисленные работы и заметки, посвященные французскому геральдическому суперэклибрису, включил в себя самый значительный в европейской истории геральдики максимально полный каталог под названием «Пособие для любителей французских гербовых переплетов», вышедший в Париже на протяжении десяти лет и составивший 29 отдельных выпусков (series)¹³. Геральдические суперэклибрисы в выпусках систематизированы по геральдическому принципу — по наличию в изображенных на них гербах какой-либо геральдической фигуры. Например, во втором и третьем выпусках описаны суперэклибрисы с наличием в геральдическом щите стропила (*chevron*); подобно же отдельные классификации имеют знаки с изображением лилий, звезд, фасций и прочих элементов. Отдельно рассмотрены знаки французских монархов и представителей королевской крови, описания и воспроизведения которых занимают три самосто-

⁹ *Ledieu A. Les reliures artistiques et armoriees de la bibliotheque communale d'Abbeville // Memoires de la societe d'emulation d'Abbeville. T. 1. Abbeville, 1891.*

¹⁰ *Ledieu A. Les reliures artistiques et armoriees de la bibliotheque communale d'Abbeville. Paris, 1891.* Мы пользовались экземпляром № 19 из собрания РНБ (шифр 16.79.5.16).

¹¹ *Bouchot H. Les reliures d'Art a la Bibliotheque Nationale. Paris, 1888.*

¹² *Quentin-Bauchart E. Les femmes bibliophiles de France (XVI, XVII & XVIII siecles). T. 1–2. Paris, 1886.*

¹³ *Olivier E., Hermal G., Roton R. Manuel de l'amateur de reliures armoriees francaises. Series 1–29. Paris, 1924–1935, table — Paris, 1938.*

ятельных выпуска. Суперэклибрисы в этом многотомном каталоге Эжена Оливье (1881–1964) и его помощников расположены под единой арабской нумерацией, проходящей сквозь все выпуски, в рамках которой с дополнительными номерами (1–1, 1–2, 1–3) расположены варианты знаков одного и того же владельца. Практически каждый номер (кроме геральдических суперэклибрисов, владельцев которых составителям определить так и не удалось) снабжен краткой — иногда даже чересчур — биографической справкой о владельце. Научный подход авторов к составлению этого многотомного справочника заметен хотя бы потому, что при описании конкретного суперэклибриса всегда указаны сведения о выявленном издании, на котором вытиснен этот знак и с которого конкретно он воспроизводится. Остается, однако, сожалеть, что издание построено по принципу альбома и каждый выпуск включает в себя, несмотря на значительный с виду формат и объем, лишь около ста знаков. И хотя таким образом составители имели возможность компенсировать затраты на издание, ныне исследователь, живущий не в Париже, сталкивается с серьезными трудностями: в российских государственных книгохранилищах, например, не имеется полного комплекта этого важнейшего издания; и только наличие в нашем собственном собрании полного экземпляра, происходящего из богатейшей библиотеки бывшего Zentralantiquariat Leipzig, позволило нам беспрепятственно пользоваться этим справочником.

Второй и последней из европейских стран, где суперэклибрис каталогизирован в достаточной мере, является Великобритания. Одной из первых работ стала статья Уильяма Флетчера (1830–1913) о геральдических суперэклибрисах, напечатанная в 1897 году в лондонском журнале «Библиографика»¹⁴; однако в 1909 году было издано намного превосходящее эту статью сочинение — каталог английских геральдических суперэклибрисов, составленный Кириллом Давенпортом (1848–1941), блестящим знатоком переплета и владельческих знаков¹⁵. Его труд с достаточной полнотой освещает вопрос, особенно если учесть опубликованные позже исправления¹⁶.

Интересным для исследователя может быть знакомство с одной из лучших работ по истории английского переплета — книгой

¹⁴ Fletcher W.Y. English armorial book-stamps and thier owners // Bibliographica: Papers on books their history and art. Vol. III. Part. XI. London, 1897. P. 309–343.

¹⁵ Davenport C.J.H. English Heraldic Book-stamps. London, 1909.

¹⁶ Clements H.J.B. Armorial book-stamps ant their owners // The Library: Transactions of the Bibliographical Society. Vol. XX. London, 1939. P. 121–135.

хранителя библиотеки Вестминстерского аббатства Говарда Никсона (1909–1983) «Пять веков английского переплета»¹⁷, где воспроизведено значительное число превосходных экземпляров книг с геральдическими суперэкслибрисами. Также через призму истории переплета для исследователя суперэкслибрисов представляет интерес двухтомное печатное описание коллекции английских переплетов, завещанной Британской Библиотеке известным английским библиофилом Генри Дэвисом (1897–1977)¹⁸.

Германия является той европейской страной, где геральдика имела исключительное и поистине выдающееся значение и распространение; однако, она не может похвастаться отдельными изданиями, посвященными немецкому геральдическому суперэкслибрису. Вызвано это, прежде всего, тем, что объем геральдического материала в Германии очень велик для исследования; и хотя велась подготовка больших сводов геральдических памятников, подобных французскому каталогу Эжена Оливье, но события Первой Мировой войны отделили появление таких трудов, а Вторая Мировая война, ввиду перемещения или уничтожения большей части книжного фонда Германии, сделала это попросту невозможным.

Несмотря на отсутствие единого каталога геральдических суперэкслибрисов Германии, в немецкой научной литературе имеется значительное число книг и несколько качественных статей, посвященных искусству немецкого переплета, где уделено внимание и немецкому геральдическому суперэкслибрису; пользуясь этими изданиями возможно получить некоторое представление по исследуемому вопросу.

Больше всего сведений о геральдических суперэкслибрисах можно почерпнуть из описаний собраний переплетов и коллекций немецких земельных библиотек. Одним из образцов такого рода литературы следует считать изданный форматом *grand in-folio* в 1925 году альбом, содержащий 100 таблиц с воспроизведениями лучших переплетов, частично украшенных геральдическими суперэкслибрисами, из коллекции Прусской Государственной библиотеки в Берлине, подготовленный известным немецким книговедом Максом Иосифом Гузунгом (1882–1944)¹⁹. Также значительной ценностью обладает юбилейный сборник, посвященный искусству переплета, который издан в 1959 году в Мюнхене к четырехсотле-

¹⁷ Nixon H.M. Five centuries of english bookbinding. London, 1978.

¹⁸ Foot M.M. The Henry Davis gift: A collection of bookbindings. London, 1978. Vol. 1–2.

¹⁹ Husung M.J. Bucheinbande aus der Preussischen Staatsbibliothek zu Berlin. Leipzig, 1925.

тию Баварской государственной библиотеки²⁰. Памятники Саксонской королевской библиотеки в Дрездене описаны в альбоме с пояснительным текстом немецкого ученого Германа Артура Лиера, изданном в Лейпциге в 1892 году²¹, где воспроизведено множество немецких геральдических суперэклибрисов. Дармштадтская земельная библиотека представлена выполненным ее директором Адольфом Шмидтом описанием коллекции переплетов — 100 таблиц in-folio, частично с изображением геральдических суперэклибрисов, напечатанным в Лейпциге в 1921 году²².

Что касается немецких суперэклибрисов XVI века, то они подробно рассмотрены в книге Конрада Геблера (1857–1946), посвященной немецким библиофилам XVI столетия, где имеется 35 листов таблиц с воспроизведениями переплетов, часть из которых украшена геральдическими суперэклибрисами владельцев²³. Достаточно трудному вопросу дешифровки литерных немецких суперэклибрисов XVI–XVII веков посвящен раздел в изданной в 1926 году в Вене монографии Ганса Богатты (1864–1947) о суперэклибрисах «Das supralibros»²⁴.

Интересен ряд статей немецкого книговеда Фердинанда Гельднера (1902–1989), посвященных обзору немецких суперэклибрисов — пфальцским знакам XVII и XVIII веков²⁵, а также книгам из личной библиотеки Иоганна Якоба Фюггера (1459–1525) с воспроизведением его суперэклибриса²⁶. Из статей о суперэклибрисах, опубликованных в периодических изданиях, необходимо упомянуть работу немецкого исследователя книжного собирательства Ганса-Эрлиха Тейтге (1926–2000), посвященную суперэклибрисам немецких государственных библиотек, напечатанную в берлинском книговедческом журнале «Маргиналии» в 1972 году²⁷.

²⁰ *Bucheinbande aus elf Jahrhunderten / Bayerische Staatsbibliothek, 1558–1958. Munchen, 1959.*

²¹ *Lier H.A. Bucheinbande aus dem Bucherschatze der Konigle offentliche Bibliothek zu Dresden. Leipzig, 1892.*

²² *Schmidt A. Bucheinbande aus dem 14–19 Jahrhundert in der Landsbibliothek zu Darmstadt. Leipzig, 1921.*

²³ *Haebler K. Deutsche bibliophilen des 16 Jahrhundert. Leipzig, 1923.*

²⁴ *Bohatta H. Das Supralibros. Wien, 1926.*

²⁵ *Geldner F. Die Supralibros des Pfalzischen Wittelsbacher des 17 und 18 Jahrhunderts // Archiv für Geschichte des Buchwesens. Band 5. Lieferung 2. Frankfurt am Main, 1963. S. 714–742.*

²⁶ *Geldner F. Überkannte „Fuggerbande“ die Fuggerischen supralibros und die anonymen Augsburgsburger „Fugger-Meister“ // Archiv für Geschichte des Buchwesens. Band 5. Lieferung 3/4. Frankfurt am Main, 1963. S. 1190–1226.*

²⁷ *Teitge H.-E. Rückenverzierungen und Superexlibris an altern bestanden der deutschen Staatsbibliothek // Marginalien. Heft 48. Berlin, 1972. S. 19–27.*

Самому известному прусскому библиофилу XVIII века — королю Фридриху Великому, украшавшему переплеты своих многочисленных библиотек суперэкслибрисами, — посвящены несколько работ. Лаконичный и интересный очерк Богдана Кригера (1861–1931), где воспроизведены суперэкслибрисы короля, был издан в 1925 году²⁸. На русском языке Фридриху Великому как писателю, издателю и библиофилу посвящена специальная монография, изданная нами в 2004 году²⁹; в ней воспроизведены многочисленные переплеты с королевскими суперэкслибрисами, а также геральдический суперэкслибрис президента Берлинской Академии наук П. Мопертю.

Для атрибуции геральдических суперэкслибрисов близкой к Германии Австрии наиболее полезна статья Стефана фон Страдонитца (1863–1933) «Суперэкслибрис»³⁰.

С достаточной степенью полноты каталогизирован геральдический суперэкслибрис в Швеции. Поистине драгоценным для европейской геральдики и книговедения является каталог Артура Щёгрена (1874–1951) 1915 года, в котором подробнейшим образом описаны и воспроизведены все геральдические суперэкслибрисы шведских королей и представителей августейшей фамилии³¹. Что же касается шведских суперэкслибрисов частных лиц, то они описаны в вышедшей с 1889 по 1894 год трехтомной монографии Карла Магнуса Карландера (1837–1911), посвященной шведским библиотекам и их владельческим знакам³². Работу Карландера существенно дополняет капитальный труд Иоганна Рудбека (1867–1935) «Шведский переплет», снабженный воспроизведениями большого числа геральдических суперэкслибрисов³³.

В качестве источника для изучения и атрибуции датских геральдических суперэкслибрисов несомненную помощь окажет изданное Анкером Кистером (1864–1939) в 1938 году описание переплетов собрания Копенгагенской Королевской библиотеки³⁴, где

²⁸ *Krieger B.* Die bibliotheken Friedrichs des Grossen // *Monatshefte für bucherfreunde und graphiksammler.* Leipzig, 1925. № 1. S. 3–19.

²⁹ *Дружинин П.А.* Книги Фридриха Великого, или Описание коллекции сочинений и изданий прусского короля, напечатанных при его жизни, сделанное по экземплярам, прежде принадлежавшим самому королю и его наследникам, а ныне находящимся в Российской государственной библиотеке. М., 2004.

³⁰ *Stradonitz S.K., von.* Über Super-Exlibris // *Zeitschrift für bucheinbande.* 8 Jahrgang. 1904/1905. Heft 9. Dezember 1904. Bielfeld und Leipzig, 1904.

³¹ *Sjogren A.* Svenska kungliga och furstliga bokngaremarken. Stockolm, 1915.

³² *Carlander C.M.* Svenska bibliotek och ex-libris. Stockholm, 1889–1894. Bd. 1–3.

³³ *Rudbeck J.R.G.* Svenska bokband. Stockholm, 1910–1914. Bd. 1–3.

³⁴ *Kyster A.* The Royal Library Copenhagen. / *Bookbindings in the public collections of Denmark.* Vol. I. Copenhagen, 1938.

воспроизведены коллекционные переплеты с датскими геральдическими суперэклибрисами.

Фотографии люксембургских геральдических суперэклибрисов приведены в 1972 году Эмилем ван дер Фекене (род. 1933) в описании книжных переплетов коллекции национальной библиотеки Люксембурга³⁵. Дополняет указанную работу составленное им же иллюстрированное описание переплетов с геральдическими суперэклибрисами самого выдающегося люксембургского библиофила Пьера Эрнеста Мансфельда (1517–1604)³⁶.

Сведения об испанских геральдических суперэклибрисах — очень своеобразных и интересных для исследователя европейской геральдики — почти полностью отсутствуют. Некоторый свет на них могут пролить лишь немногочисленные воспроизведения в историческом очерке хранителя Национальной библиотеки в Мадриде Матильды Лопес Серрано об испанском переплетном искусстве³⁷.

Описания геральдических суперэклибрисов славянских стран немногочисленны. Особенно в этом контексте важно изданное в 1931 году описание выставки чешского переплета и суперэклибриса, где воспроизведены несколько чешских геральдических суперэклибрисов³⁸. Также чешские геральдические суперэклибрисы в большом количестве воспроизведены в книге по истории книжного переплета известной исследовательницы Павлины Гамановой (1894–1978)³⁹.

Геральдические суперэклибрисы Польши (часть которой входила в состав Российской империи) каталогизированы достаточно полно. Еще в 1929 году в Кракове был издан альбом Казимира Пекарского (1893–1944), содержащий 40 листов воспроизведений геральдических суперэклибрисов. Но наиболее интересны издания последних лет, которые ввели в научный оборот большую часть польских геральдических знаков XVI–XVIII веков: в 1988 году был опубликован каталог, включающий ровно сто геральдических суперэклибрисов, составленный по материалам университет-

³⁵ *Vekene E. van der.* Bemerkenswerte einbände in der nationalbibliothek zu Luxemburg. Luxemburg, 1972.

³⁶ *Vekene E. van der.* Les reliures aux armoires de Pierre Ernest de Mansfeld. Luxemburg, 1978.

³⁷ *Lopez Serrano M.* La encuadernacion Española. Breve historia. Madrid, 1972.

³⁸ *Maly J.* Vystava ceskeho exlibris a supralibros v Praze // Sbornik pro exlibris a jinou užitkovou grafiku. Rocnik III, 1925–1931. V Praze, 1931. S. 119–183.

³⁹ *Hamanova P.* Zdejin knizni vazby. Praha, 1959.

ской библиотеки в Варшаве⁴⁰; а в 2001 году было опубликовано его продолжение — еще сто суперэклибрисов польских гербовладельцев⁴¹.

В России геральдический суперэклибрис был не слишком привлекателен для исследователей, что частично отражало меньшую распространенность этого явления по сравнению с Западной Европой. Незнание этого вопроса, отсутствие каталогов и сведений о русских владельцах суперэклибрисов позволили библиофилу и исследователю Борису Михайловичу Чистякову (1885–1942) отметить в 1929 году: «Насколько мало у нас в России владельцев суперэклибрисов и коллекционеров их, настолько же бедна у нас и литература о них»⁴². Эти слова справедливы лишь в отношении литературы — ведь при отсутствии литературы невозможно судить об истинном масштабе употребления в России геральдических суперэклибрисов. И действительно, сложность атрибуции суперэклибрисов зачастую была непреодолима даже для авторов публикаций, что вынуждало обнародовать суперэклибрисы без аннотаций, ограничиваясь их воспроизведением в качестве диковин.

Несмотря на такое положение, именно в России геральдический суперэклибрис впервые начал рассматриваться в качестве исторического источника. И связан такой поворот в его изучении и трактовке с деятельностью русского историка Владислава Крескентьевича Лукомского (1882–1946).

В.К. Лукомский положил основание геральдике именно как источниковедческой дисциплине, а его публикации по этой теме, ставя совершенно новую проблематику в источниковедении, отражали выдающиеся знания и эрудицию автора и содержали убедительные примеры практического применения исторического исследования геральдических источников⁴³. Именно В. К. Лукомский наглядно показал, что кроме основного вопроса геральдического исследования — собственно атрибуции герба и определения личности непосредственного гербовладельца, также наличие герба на

⁴⁰ *Spayllo M.* Polskie superexlibrisy XVI–XVIII wieku. Warszawa, 1988.

⁴¹ *Cubrzyńska-Leonarczyk M.* Polskie superexlibrisy XVI–XVIII wieku: Centuria druga. Warszawa, 2001.

⁴² Чистяков Б.М. Супер-эклибрис и библиофилия // Альманах библиофила. Л., 1929. С. 136.

⁴³ Лукомский В.К. Гербовая экспертиза (случаи и способы применения) // Архивное дело. № 1 (49). М., 1939. С. 46–76; Лукомский В.К. Герб как исторический источник // Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра. Вып. XVII. Л., 1947. С. 49–57.

любом предмете (в том числе и на книжном переплете) способствует разрешению важных источниковедческих вопросов⁴⁴.

Однако если В.К. Лукомскому и удалось привлечь внимание непосредственно к геральдике, то исследования геральдических суперэклибрисов так и не начались. Практически все публикации XX столетия по данной проблематике носят случайный характер. Типичным примером умозаключений, нередко встречающихся при упоминании суперэклибрисов, является мысль знаменитого исследователя русской графики и книжного знака В.Я. Адарюкова (1863–1932), который писал в 1921 году: «Несомненно, что в помещичьих и частновладельческих библиотеках были в сравнительно большом употреблении эти штампы, но, само собой разумеется, что они не были изящной работы, ибо переплетное мастерство у нас никогда не стояло высоко»⁴⁵. Источником такого мнения является не столько неискушенность исследователя⁴⁶, сколько недостаточная научная разработанность самого вопроса.

Лишь единицы придерживались иной точки зрения — в основном, это были немногочисленные коллекционеры геральдических

⁴⁴ Осознавая, что в изучении геральдических суперэклибрисов невозможно избежать достаточно закономерной для научного изучения исторических источников эволюции исследовательского процесса — сперва выявления, затем подробной каталогизации, и уже только после этого источниковедческого исследования, В.К. Лукомский на протяжении более чем двадцати лет разыскивал русские геральдические суперэклибрисы и к 1939 году подготовил к печати подробный каталог. «Исчерпывающий указатель <...> русских супер-эклибрисов, установленных мною, подготовлен к печати», — писал он тогда (Лукомский В.К. Гербовая экспертиза... С. 62.) Но издать эту книгу ему не представилось возможным по причине неприятия советской наукой исследований подобной тематики, а во время блокады Ленинграда рукопись вместе со всеми остальными бумагами В.К. Лукомского погибла от огня.

⁴⁵ Адарюков В.Я. Русский книжный знак. М., 1921. С. 35.

⁴⁶ Качества Адарюкова-исследователя были своеобразны. Издатель журнала «Старые годы» П.П. Вейнер пишет о нем: «Совершенно непричастный к искусству, бывший военный, затем удельный чиновник, они ни в книжном, ни соседних с ним искусствах ровно ничего не знал, но, дослужившись до пенсии и выйдя в отставку, от нечего делать и для подсобного заработка поступил в Эрмитаж для временной работы по инвентаризации в Гравюрном отделении <...> Незнакомство его с искусством и его литературою выливалось в постоянные „открытия Америк“...» (Вейнер П.П. Библиографические листки. «Старые годы»: их история и критика... / Изд. подг. И.А. Золотинкина. СПб., 2008. С. 92–93.) Менее категоричен в его оценке Э.Ф. Голлербах: «В.Я. Адарюков не слишком интересовался принципиальной стороной искусствознания. Он воплощал собою тип старого служаки, который при любом режиме считает своим единственным долгом добросовестное исполнение порученных ему обязанностей. Не мудрствуя лукаво, не вдаваясь в технические дебри, он прилежно продолжал корпеть над собиранием бесчисленных справок, над составлений описаний и словарей. <...> Оценивать Адарюкова нужно именно в этой области. Нелепо было бы упрекать его в недостатке оригинальных мыслей и остроумных сопоставлений...» (Голлербах Э.Ф. Встречи и впечатления. / Сост. Е.С. Голлербах. СПб., 1998. С. 176.)

суперэклибрисов, заложившие основы научного изучения этого исторического источника.

Если во Франции уже в середине XIX века было множество коллекционеров «переплетов с гербами», то в России они появились лишь в начале XX, а к концу XX века, со смертью известного московского библиофила Петра Степановича Романова (1920–1993)⁴⁷, их не стало вовсе.

Кроме упомянутого П.С. Романова, можно перечислить лишь нескольких крупных коллекционеров. Это, прежде всего, академик Николай Петрович Лихачев (1862–1936) — безусловно, самый значительный собиратель геральдических суперэклибрисов в России; Павел Евгеньевич Рейнбот (1855–1934) — библиофил, владелец знаменитой пушкинской коллекции, собиравший качественные экземпляры книг с геральдическими суперэклибрисами без особых географических пристрастий. После революции особенно были известны Сергей Александрович Мухин (1896–1933), историк Владислав Крескентьевич Лукомский (1882–1946)⁴⁸, библиограф и книговед Оскар Эдуардович Вольценбург (1886–1971). Заслуживает особого упоминания то, что некоторые из упомянутых выше собирателей задумали написать книги о русских геральдических суперэклибрисах (труд С.А. Мухина не был окончен, а практически оконченная работа В.К. Лукомского погибла при пожаре в дни ленинградской блокады).

В архиве Н.П. Лихачева сохраняются материалы о многочисленных покупках в странах Европы — Испании, Италии, Франции, Германии... Среди них встречаются и сведения о покупках владельческих экземпляров — например, книг с эклибрисом А.Д. Кантемира или с суперэклибрисом Ж.-Б. Массильона, выписанных из Парижа в 1911 году⁴⁹; или же издания с суперэклибрисом папы Сикста V, заказанного во Флоренции в 1913 году⁵⁰ и т.д.

Хочется, пользуясь возможностью, уделить внимание и С.А. Мухину, поскольку роль его в науке 1920-х годов о книге — ключевая. Он родился в Петрограде 2 ноября 1896 года в семье коммерции советника Александра Флегонтовича и его супруги Марии Нико-

⁴⁷ Зимой 1993–1994 годов в московском Мемориальном музее-квартире издателя И.Д. Сытина состоялась выставка «Книжный переплет и суперэклибрис XVI–XIX вв. из собрания П.С. Романова», подготовленная П.А. Дружининым.

⁴⁸ В 1931 г. в письме Э.Ф. Голлербаху В.К. Лукомский дает следующее описание этого раздела своей геральдической коллекции: «Собрание суперэклибрисов на переплетах книг (а не “вырезных”): русских — около 30 и около 20 иностранных». (ОР РНБ. Ф. 207 (Архив Э.Ф. Голлербаха). Е.х. 60. Л. 28).

⁴⁹ СПФ АРАН, ф. 246 (Н.П. Лихачев). Оп. 2. Д. 116. Л. 123, счет Libraire A. Saffroy.

⁵⁰ Там же. Д. 109. Л. 89, счет T. De Marinis et Cie, Florence.

лаевны Мухиных; в 1913 году был зачислен в Шестую Петербургскую гимназию, полный курс которой окончил 20 мая 1917 года. В 1917 году, когда отец был уже статским советником, поступил слушателем на историко-филологический факультет Петроградского университета; в начале 1918 года женился на Валентине Ивановне (урожд. Каиновой). Был отчислен из университета в 1918 году ввиду социального происхождения и так и не смог окончить образования. Работал в области экспертизы старой книги, с 1920-х годов — бессменный эксперт торговой конторы «Антиквариат». Приведем выдержку из политической производственной характеристики, данной ему комиссией по чистке советского аппарата в год его кончины:

«Мухин Сергей Александрович — специалист по иностранной книге, имеет печатную работу по переплетам. Опытный работник с многолетней практикой, хорошо знает французских классиков, романтиков, хуже инкунабулы и рукописи. Работает неплохо. Незаменим за малым количеством специалистов этого рода. Вне своей специальности он — полное ничтожество: политически неразвит, не интересуется никакой общественной работой, не любит и не понимает ее сомнительной „советскости“. Лично — он типичный представитель старой, елейно-любезной, тактично-воспитанной аристократии».

Поскольку в годы советской власти интерес к истории дворянства, в том числе к дворянской геральдике, откровенно не приветствовался, то и разработка этого вопроса в исторической науке велась крайне ограниченно. Научного же исследования или каталогизации геральдических суперэклибрисов не проводилось.

В связи с вышеизложенным, особую ценность имеют любые публикации или даже упоминания.

Геральдический суперэклибрис обращал на себя внимание археографов уже в XVIII столетии. Например, когда Василий Васильевич Крестинин (1729–1795) посылал в 1791 году в Петербургскую Академию наук Новгородский летописец, то основным отличием этой рукописи, которое оговаривал В. В. Крестинин в сопроводительном письме Е.Р. Дашковой от 20 августа 1791 года, был именно суперэклибрис: «Сия книга в лист величиною, различаться может от других великоновгородских летописцев старинного письма не знаю каким гербом, который тиснением переплетчика изображен на коже, покрывающей переднюю доску сея книги»⁵¹.

⁵¹ СПФ АРАН. Ф. 3 (Канцелярия АН). Оп. 1. Д. 397. Л. 190.

Первым, кто не только обратил внимание на суперэкслибрис, но и счел необходимым опубликовать его изображение, был Корнилий Яковлевич Тромонин (?–1847): издавая в 1842–1845 году литографированный увраж «Достопамятности Москвы», он воспроизвел на одном из листов в цвете (коричневым и золотым) верхнюю доску переплета Острожской Библии, поволоченную кожей, на которой вытиснен российский герб и титул Ивана Грозного⁵².

Попытки начать работу по исследованию геральдического суперэкслибриса в XIX столетии предпринимались в императорской Публичной библиотеке, и связаны они с деятельностью директора библиотеки барона Модеста Андреевича Корфа (1800–1876) и хранителя редкостей Публичной библиотеки Рудольфа Ивановича (Карла-Рудольфа) Минцлова (1811–1883), доктора философии Кенигсбергского университета и преподавателя немецкого языка в Александровском лицее. Необходимо отметить, что именно благодаря заботам М.А. Корфа, начинания которого поддерживались сначала Николаем I, а затем и Александром II, Публичная библиотека стала крупнейшим книгохранилищем Европы, замечательным как по численности, так и по ценности своих книжных и рукописных собраний. Стремление М.А. Корфа перенести в Петербург все лучшее, что он мог почерпнуть из посещений европейских книгохранилищ, обратило его внимание на особые экземпляры редких изданий — он особенно отмечал книги в исторических переплетах, происходившие из знаменитых библиотек.

В правилах Публичной библиотеки, утвержденных в 1851 году, библиотекарям было предписано принимать посильное участие в устройстве выставок: «Важнейшие примечательности Библиотеки, сокрытые дотоле, так сказать, под спудом, разместить на виду всем, в особо устроенных, по разным залам, витринах и шкафах за стеклами, и каждый предмет снабдить надписью или ярлыком, достаточно объясняющими его значение»⁵³. А уже в печатном путеводителе по библиотеке 1852 года в описании овального зала бельэтажа отмечены как шкафы по периметру, в которых были расставлены экземпляры, так и выставочные подвижные витрины, в которых книги были разложены. Последние представляли собой подвижные «станки», в каждом из которых укреплялось по четыре витрины. Среди экспонатов здесь оказались и исторические

⁵² Тромонин К. Достопамятности Москвы. М. [1842–1845]. Лист 33.

⁵³ Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. СПб., 1914. С. 304.

переплеты с суперэклибрисами. Им были посвящены как шкаф, так и витрина. «Во втором шкафе — отбор экземпляров, принадлежавших разным знаменитостям: книги с гербами королей французских, шведских, польских, также с гербами разных городов, или известных библиофилов времен протекших: Дианы Пуатье, славного Де Ту, Сегье, Кольберта, Гойма и других. Рядом с ними, книги менее известного происхождения, но отличающиеся оригинальностью или богатством переплетов»⁵⁴. А в четвертой витрине первого станка — «Восемь примечательных изданий, разного содержания, XVI-го и XVII-го веков, на переплетах которых оттиснуты гербы Генриха IV-го, Марии Медичи, Людовика XIII-го, Анны Австрийской, Принцессы Орлеанской (Mademoiselle d'Orléans), кардинала Ришелье, президента Де Ту и Кольберта»⁵⁵.

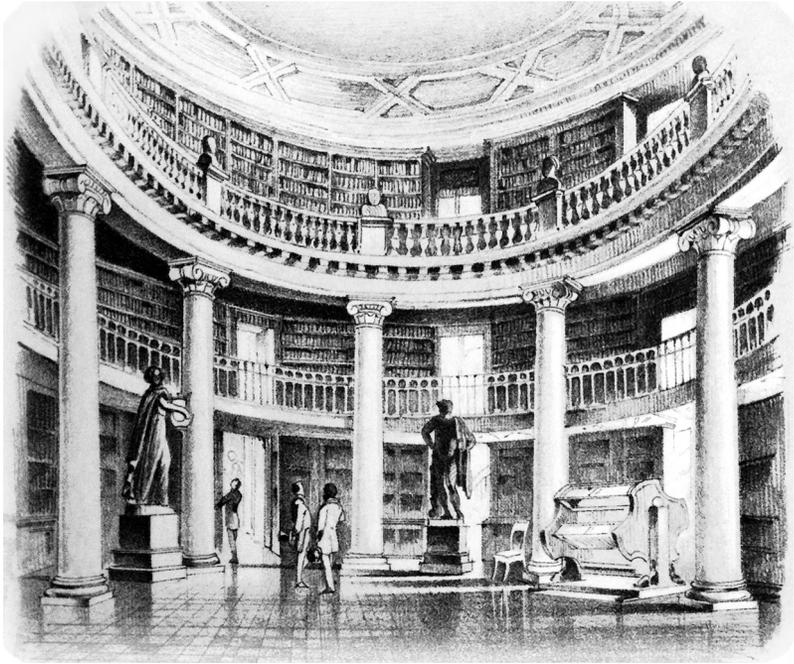
В 1853 году, под воздействием интереса публики, по распоряжению М.А. Корфа исторические переплеты были выделены в самостоятельную экспозицию (илл. I и II).

Сам барон Корф писал тогда: «Важную принадлежность благоустроенной библиотеки составляют *переплеты* — важную не только для внешнего благообразия, но и для самого сбережения книг, наконец и для истории искусства. В сем последнем смысле представилось любопытным и наставительным для наших посетителей совокупить в одно место образцы переплетов, имеющих особенную ценность или по их древности, или по употребленному на их материалу, или по украшающим их эмблемам, гербам и пр., которые свидетельствуют о принадлежности некогда тех экземпляров царственным особам, историческим знаменитостям, или известным библиографам, а к сим остаткам старины присоединить и замечательнейшие произведения нового искусства... Все эти издания старого и нового искусства помещены, совокупно, в поставленных вокруг столбов овальной залы бель-этажа шкафах особого устройства, которые, посредством простого, но удобного механизма, могут быть легко обрацаемы, всеми их сторонами, к свету. В каждую из помещенных здесь книг вложен ярлык, означающий, где сие известно, место и эпоху переплета... Другая, подобная же выставка переплетов к рукописям, в некотором отношении, по крайней мере по степени их древности, еще более примечательная, устроена внизу, в зале рукописей, в шкафу напротив одной из витрин с точными манускриптами»⁵⁶.

⁵⁴ Путеводитель по императорской Публичной библиотеке. СПб., 1852. С. 119.

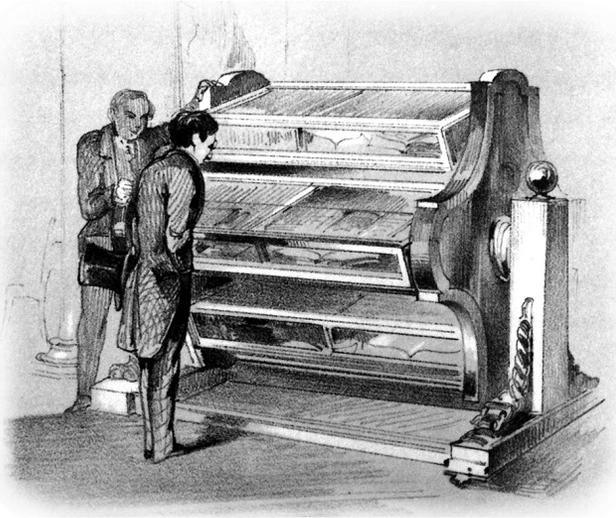
⁵⁵ Там же. С. 125.

⁵⁶ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1853 год. СПб., 1854. С. 18–20.

I

Овальный зал Публичной библиотеки, 1852

II

Станок с подвижными витринами

Специальный очерк «О выставке переплетов и заглавных листов в ротонде императорской Публичной библиотеки» был написан Р.И. Минцловым для немецких «Санкт-Петербургских Ведомостей»⁵⁷. Описывая основные разделы выставки, начинающейся хронологически с первых печатных книг, затем останавливаясь на переплетах эпохи Реформации, уникальных экземплярах из библиотеки Дианы де Пуатье, переплетах знаменитых французских мастеров нового времени — Паделу, Дерома и Тувенена, автор настаивает на большой ценности, которую имеют для истории владельческие экземпляры «с гербами» монархов и выдающихся деятелей прошлого⁵⁸. В числе прочих редкостей этой выставки Р. Минцлов упоминает о переплетах с геральдическими суперэкслибрисами европейских монархов и библиофилов. В заключение Минцлов указывает на особенно примечательные переплеты восточных рукописей библиотеки. В следующем году очерк Р.И. Минцлова был перепечатан редактором немецкого издания «Санкт-Петербургских Ведомостей» Ф.Е. Мейером в издаваемом им сборнике «Magazin für die Kunde des geistigen und sittlichen Lebens in Russland»⁵⁹.

Эта выставка, где были «собраны примечательные переплеты и исторические экземпляры с гербами и эмблемами их прежних владельцев», была некоторое время увлечением М.А. Корфа, и в следующем, 1854 году, витрины выставки были усовершенствованы: поскольку простые стекла того времени «по недостаточной их прозрачности, препятствовали удовлетворительному осмотру» книг, то были заменены полированными (зеркальными) стеклами⁶⁰. В те же годы в библиотеке экспонирование книжных и рукописных памятников достигло таких масштабов, что в 1858 году упоминается «Отдел библиографических редкостей и выставок», в ведение которого входили и исторические переплеты с суперэкслибрисами⁶¹ (а в 1862 году именно к этому отделу была причислена поступившая из Эрмитажа библиотека Вольтера). В 1859 году экспозиция

⁵⁷ [Minzloff R.] Ueber die Ausstellung von Einbänden und Titelblättern in der Rotunde der Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg // St. Petersburger Zeitung. St. Petersburg, 1853. № 196, den 6/18 september (Beilage). S. 927–928; Тогда же статья была отпечатана в виде отдельного оттиска (8 с., без титульного листа).

⁵⁸ Ibid. S. 3 (пагинация оттиска).

⁵⁹ [Minzloff R.] Ueber die Ausstellung von Einbänden und Titelblättern in der Rotunde der Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg // Magazin-für die Kunde des geistigen und sittlichen Lebens in-Russland: Wissenschaftliche Mittheilungen aus den Beilagen der St. Petersburger Zeitung. Jahrg. II / Herausgegeben von Clem. Fr. Meyer. St. Petersburg, 1854. S. 608–616.

⁶⁰ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1854 год. СПб., 1855. С. 18.

⁶¹ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1858 год. СПб., 1859. С. 73.

именовалась «выставкой экземпляров, принадлежавших знаменитым историческим личностям»⁶². В 1860 году «выставка исторических и вообще драгоценных переплетов, помещающаяся, за недостатком другого места, в темных шкафах, освещена посредством особого искусственного механизма»⁶³, в то время она представляла собой «шкафы с зеркальными стеклами, уставленные, снизу доверху, такими экземплярами книг разного содержания, которые, по свидетельству украшающих их переплеты эмблем, гербов и пр., принадлежали некогда царственным особам, историческим, в каком бы то ни было смысле, знаменитостям, или, наконец, известным библиографам и библиофилам»⁶⁴.

Однако намного больший интерес простых посетителей библиотеки вызывали выставки автографов или рукописных книг в Отделении рукописей, или же выставка печатных библий. Несколько анекдотический случай доносит до нас сохранившийся в бумагах М.А. Корфа отчет «редактора ученых работ» библиотеки и видного санскритолога Каэтана Андреевича Коссовича (1815–1883), одной из служебных обязанностей которого было проведение «обходов» — обзорных экскурсий по императорской Публичной библиотеке с демонстрацией основных достопримечательностей. 20 января 1860 года К.А. Коссович отметил среди экскурсантов приезжего помещика, который почему-то интересовался газетами, получаемыми библиотекой; К.А. Коссович пытался перевести внимание помещика на выставку книг с суперэкслибрисами: «Указывая на исторические переплеты, когда я сказал: „Вот эта книга принадлежала Наполеону 1-му, переплетена по его заказу, — эта Собескому, и т.д.“ — „Ну это не важно“, заметил мой помещик»⁶⁵.

Когда же в 1861 году М.А. Корф оставляет должность директора Публичной библиотеки, многочисленные его начинания в значительной степени не получают продолжения (исключение составил отдел *Rossica*). Экспозиция исторических переплетов, которую В.И. Соболюшкин в 1863 году определил как «Собрание экземпляров принадлежащих разным историческим знаменитостям и украшенных их гербами и вензелями»⁶⁶, в 1867 году была переставлена

⁶² [Корф М.А.] Десятилетие императорской Публичной библиотеки: Записка, представленная государю императору директором библиотеки. СПб., 1859. С. 19.

⁶³ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1860 год. СПб., 1861. С. 13.

⁶⁴ Путеводительно по императорской Публичной библиотеке. СПб., 1860. С. 61–62.

⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 380 (Архив М.А. Корфа). Оп. 1. Д. 42. Л. 104 об.

⁶⁶ [Соболюшкин В.И.] Императорская Публичная библиотека в эпоху перехода в ведомство Министерства Народного Просвещения: (Краткий очерк ее прошедшего и настоящего). СПб., 1863. С. 51.

в новые витрины. Р.И. Минцлов называет ее в 1872 году «музеем переплетов» и приводит описание интересующего нас раздела:

«Исторически-достопримечательные экземпляры, распознаваемые по гербам, выставлены в шкафах; направо от входа — множество французских книг, принадлежавших Бурбонам, Наполеону, Людовику Филиппу; из древнего времени одна книга, Плутарх на греческом языке, на обрезе которой видны вензеловые изображения имен Дианы Пуатье и Генриха II. Здесь есть также изящные книги, принадлежавшие Анне Австрийской, Шарлотте Орлеанской (матери регента), Помпадур, равно как Ришелье, Мазарини, Кольберту, Сегье, д'Агессо, Фуке, Боссюэту и особенно Де-Ту, которого три пчелы красуются более чем на сотне томов. На противоположной стороне идут папы и римские князья церкви, Неаполь, Савойя, Австрия, Пруссия, Англия, Швеция, Дания, Польша, Россия, Северная Америка, книги с гербами городов, другие из библиотек Брюля, Гойма, де-ла-Гарди; над дверями еще несколько неизвестных гербов»⁶⁷.

В 1856 году М.А. Корф, отправившись «с ученой целью» в продолжительное путешествие по Европе, встретился в Париже с Жаком-Жозефом Тешне (Techener; 1802–1873) — крупным букинистом, издателем наиболее авторитетного французского библиографического журнала «Bulletin du Bibliophile et de Bibliothécaire» и многолетним поставщиком редких изданий для формируемого бароном отделения Rossica. Рассказ М.А. Корфа о книжных сокровищах и новых поступлениях Публичной библиотеки настолько заинтересовал Ж.-Ж. Тешне, что французский издатель попросил М.А. Корфа представить для «Bulletin du Bibliophile» несколько статей о наиболее примечательных экземплярах.

Статья о переплетах, которая готовилась по просьбе парижского книготорговца и издателя, была заказана Р.И. Минцлову и закончена им в 1857 году⁶⁸. Кроме того, у барона М.А. Корфа созрел более масштабный проект — он задумал издание литографированного альбома с изображением исторических переплетов собрания Публичной библиотеки. Оригиналы иллюстраций для литографирования были поручены архитектору Публичной библиотеки и академику архитектуры Ивану Ивановичу Горностаеву (1821–1874), который тогда работал над воплощением своего знаменитого проекта — «кабинета Фауста», зала в готическом стиле,

⁶⁷ Минцлов Р.И. Прогулка по С.-Петербургской императорской Публичной библиотеке. СПб., 1872. С. 42.

⁶⁸ Указание на заказчика статьи см.: Отчет императорской Публичной библиотеки за 1859 год. СПб., 1860. С. 69–70.

устроенного по мысли М.А. Корфа в Публичной библиотеке для хранения инкунабул. В отчете Публичной библиотеки за 1857 год барон М.А. Корф сообщает о работе над иллюстрациями как о завершенной: «Состоящий при библиотеке... академик Горностаев скопировал гербы, которыми украшены переплеты многих в ней книг, составляющих теперь ее собственность, но прежде принадлежавших разным историческим лицам: монархам, полководцам, государственным сановникам, ученым, известным библиофилам и пр. Рисунки эти, вместе с описанием гербов и самих книг, сделанным старшим библиотекарем Минцлофом, препровождены к известному парижскому книгопродавцу Тешнеру»⁶⁹. Но литографирование альбома не было осуществлено, по-видимому, из-за двух причин: во-первых, М.А. Корф оставил должность директора Публичной библиотеки. Во-вторых, и сам Тешне тогда задумал (возможно, его интерес возник именно благодаря проекту М.А. Корфа) издать большой альбом, в который войдут изображения наиболее ценных исторических переплетов и переплетов с гербами, что и было им осуществлено в 1861–1861 годах: альбом in-folio, который состоял из 50-ти листов с воспроизведениями, был награвирован офортисом Жюлем Жакмаром (Jacquemart; 1837–1880); издание выходило ливрезонами, то есть отдельными тетрадами-выпусками, по 5 листов иллюстраций с сопроводительным текстом.

Но статья Р.И. Минцлова была напечатана. *Bulletin du Bibliophile et de Bibliothécaire*, publ. par J. Techener в объединенном номере за ноябрь–декабрь 1858 года поместил «Заметку о старинных переплетах императорской Публичной библиотеки», одновременно статья была отпечатана и в виде отдельного оттиска⁷⁰. Эта работа не просто открывает историографию изучения суперэкслибриса в России, но делает это на лучшем для того времени научно-библиографическом уровне.

Уже в подстрочном примечании редакция журнала называет автора одним из наиболее видных (*plus distingués*) русских библиографов, что убедительно доказывается и самой статьей: Р.И. Минцлов предлагает описание коллекции переплетов с суперэкслибрисами императорской Публичной библиотеки. Русские императорские знаки он атрибутирует, в основном, исходя из хронологии, то есть путем соотнесения гербов на переплетах с датами на титуль-

⁶⁹ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1857 год. СПб., 1858. С. 108–109.

⁷⁰ *Minzloff R. Notice sur les reliures anciennes de la Bibliotheque Imperiale de St. Petersbourg*. Paris, 1859.

ных листах книг, и таким образом выделяет их в соответствующие разделы (Catherine I; Pierre III et Catherine II, Alexandre I, Nicolas I). Отдельно стоит сказать о том, что описание русских знаков завершается разделом, посвященным геральдическим суперэклибрисам графа Петра Борисовича Шереметева (1713–1788) — «Aux armes du comte P. de Chéremétieff», где перечислены две книги с его суперэклибрисами.

Западноевропейский отдел много обширнее — тут также не только перечисление книг с гербами монархов Польши, Швеции, Дании, Пруссии, Франции, но и экземпляров с суперэклибрисами из коллекций знаменитых европейских библиофилов — Жана-Батиста Кольбера (1619–1683), Пьера Кроза (1665–1740), Жака Бениня Боссюэ (1627–1704), Никола Фуке (1615–1680), Пьера Сегье (1588–1672), Карла Генриха Хойма (1694–1736) и других; особенно пространны перечни книг из коллекции Жака Огюста де Ту (1553–1617), до сих пор составляющих сокровищницу библиотеки. К сожалению, это перечисление книг не иллюстрировано, и кроме указания на наличие герба автор не приводит никаких дополнительных сведений.

Оговорки требует и тот факт, что статья эта была написана по заказу французского библиографа и издателя, опубликована во Франции на французском языке, то есть адресована она именно европейскому читателю. В России же она не была замечена, и даже исследователи книжного знака никогда не упоминают об этом важном сочинении. Причем, русская часть статьи Р.И. Минцлова, практически полностью отданная описанию переплетов с императорскими гербами, наглядно демонстрирует тот раздел, к которому еще хотя бы как-то проявлялся тогда интерес в России — это знаки представителей царствующей фамилии.

На этом деятельность Публичной библиотеки по изучению геральдического суперэклибриса практически прекратилась. В 1863 году, когда князь С.М. Голицын предложил в обмен на несколько дублетов библиотеки *editio princeps* Сенеки 1475 года, происходившее из коллекции графа А.Г. Головкина, в переплете конца XVIII века с геральдическим суперэклибрисом графа, то приобретение было отмечено в отчете библиотеки: «*Luc. Ann. Senecae opera philosophica at epistolae. fol.*, в богатом сафьянном переплете, с гербом графов Головкиных»⁷¹. Однако в дальнейшем при включении в собрание библиотеки книжных редкостей или рукописей их переплетам особого внимания уже не уделялось, а этот приме-

⁷¹ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1863 год. СПб., 1864. С. 99.

чательный экземпляр неаполитанского фолио оказался исключен как дублет еще до 1870 года⁷², подтверждая слова К.А. Коссовича о том, что продажа дублетов императорской Публичной библиотеки «рассыпала в публике множество редких и драгоценных сочинений»⁷³.

Во второй половине XIX века появляются и единичные указания на геральдические суперэкслибрисы в каталогах частных библиотек: в 1866 году было издано описание библиотеки князя Михаила Александровича Голицына (1804–1860), составленное по рукописным записям князя его семейным врачом, доктором медицины, а затем и хранителем знаменитого Голицынского музея Карлом Марковичем (Карлом-Магнусом) Гюнцбургом (1816–1889). В числе прочих там описано итальянское издание «Генриады» Вольтера 1774 года, на переплете которого вытиснен герб Голицыных⁷⁴. Причем К.М. Гюнцбург указывает, что суперэкслибрис принадлежит князю Михаилу Петровичу Голицыну (1764–1848), и в подтверждение своих слов приводит текст записки видного библиографа Михаила Петровича Полуденского (1830–1868) от 7 апреля 1862 года⁷⁵, посвященной библиотеке замечательного русского собирателя князя М.П. Голицына; именно М.П. Полуденскому принадлежит указанная атрибуция (впоследствии оказавшаяся ошибочной, в 1924 году В.В. Зенкевич установил верную атрибуцию суперэкслибриса — он принадлежит князю М.М. Голицыну)⁷⁶.

В 1872 году библиограф Г.Н. Геннади, описывая в своей книге «Русские книжные редкости» экземпляр одного из так называемых аракатеевских изданий — «Рескрипты государя Павла I к графу Аракатееву», указывает: «На виденном мной экземпляре... на переплете вытиснен герб графа Аракатеева»⁷⁷.

Также со второй половины XIX века мы встречаем и единичные упоминания о суперэкслибрисах в исторической литературе. На-

⁷² Экземпляр фолио Сенеки, хранящийся ныне в РНБ (шифр 9.22.1.8), — в переплете XVI века, именно этот экземпляр внесен Р. Минцловым в рукописный каталог 1870 года как основной (хранится в Отделе редких книг РНБ), то есть к тому времени он был уже единственным экземпляром Публичной библиотеки.

⁷³ Извлечение из отчета, представленного директору императорской Публичной библиотеки, статс-секретарю барону Корфу, редактором ученых ее работ, надворным советником Коссовичем. СПб., 1852. С. 16.

⁷⁴ Catalogue des livres de la bibliotheque du prince Michel Galitzin / Redige d'apres ses notes autographes par Ch. Gunzbourg. M., 1866. P. 189–190.

⁷⁵ Ibid. P. 190.

⁷⁶ Зенкевич В.В. Суперэкслибрисы в собрании Н. П. Лихачева: [Реферат доклада, сделанного 15 января 1924] // Труды ЛОЭ. Вып. II–III. Л., 1924. С. 8.

⁷⁷ Геннади Г.Н. Русские книжные редкости. М., 1872. С. 129.

пример, в 1862 году И.Е. Забелин в книге «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» описывает облачение одной из книг царя Федора Алексеевича: «Переплетена в коже, на ней наведен золотом орел двояглавой»⁷⁸. Или же в 1902 году П.И. Бартнев, комментируя один из документов архива князей Куракиных, пишет: «Иван Иванович Мелиссино, куратор Московского Университета. У него была библиотека, и на книгах отпечатано изображение пчелы (мелисса)»⁷⁹.

Именно с 1902 года начинается систематическое становление науки о суперэклибрисе в России. Первый популяризатор книжных знаков, известный библиофил и историк искусства Василий Андреевич Верещагин (1858–1931) писал: «С развитием книгопечатания, а особенно с распространением цельных кожаных переплетов, эклибрисы также часто начали появляться на их крышках и корешках, в виде вытисненных золотом штампов, как и на печатных ярлыках. Такие знаки — гербы, вензеля, монограммы, эмблемы и девизы, обыкновенно называемые суперэклибрисами, можно видеть в замечательно изящном исполнении на переплетах многих французских и итальянских книг XVI и XVII столетия»⁸⁰.

Тогда же В.А. Верещагин опубликовал в своей книге «Русский книжный знак» первые русские суперэклибрисы — то были знаки заводчика Андрея Родионовича Баташева (?–1799), причем как «знак неизвестного собирателя»⁸¹, и Никиты Николаевича Сумарокова (1765–1812), также как «знак неизвестного собирателя»⁸². В том же 1902 году в журнале «Антиквар» как «знак неизвестного» был воспроизведен и геральдический суперэклибрис Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797)⁸³.

Императорская Публичная библиотека, прекратившая указывать на суперэклибрисы при описании поступлений, возобновляет их упоминание: в отчете за 1902 год описаны экземпляры с геральдическими суперэклибрисами французских королей и бранденбургских маркграфов⁸⁴.

⁷⁸ Цит. по: *Лебедева И.Н.* Личная библиотека царя Федора Алексеевича // Книга в России XVIII — середины XIX в.: Из истории Библиотеки Академии наук: Сб. научных трудов. Л., 1989. С. 84–92. Воспроизведения этого суперэклибриса см.: Каталог книг из собрания Аптекарского приказа / Сост. Е.А. Савельева. СПб, 2006. С. 315, 352, 373, 376.

⁷⁹ Архив князя Ф.А. Куракина. М., 1902. Т. X. С. 442.

⁸⁰ *Верещагин В.А.* Указ соч. С. 33–34.

⁸¹ Там же. С. 12.

⁸² Там же. С. 19.

⁸³ Антиквар: Библиографический листок. 1902 г. СПб., 1902. С. 276.

⁸⁴ Отчет императорской Публичной библиотеки за 1902 г. СПб., 1910. С. 16, 36.

В 1903 году известный филолог, библиограф и исследователь русского переплетного искусства Павел Константинович Симоны (1859–1939) опубликовал геральдический суперэклибрис графа Петра Борисовича Шереметева, без персональной атрибуции⁸⁵, а в 1907 году этот же геральдический суперэклибрис без всякой аннотации (в качестве иллюстративного фона) был воспроизведен в журнале «Старые годы»⁸⁶. В 1914 году в журнале «Русский библиофил» появилось воспроизведение геральдического суперэклибриса барона Александра Сергеевича Строганова (1771–1815), но также без персональной атрибуции⁸⁷.

Первой выставкой, отражавшей возросший в XX веке интерес к искусству книги, переплету и его декоративно-художественным элементам, к которым зачастую относят геральдический суперэклибрис, была устроенная Кружком любителей русских изящных изданий в Петрограде в 1914 году экспозиция «Русская и иностранная книга XV–XIX века». Основным информативным источником об упоминаемой выставке является с изыском изданный каталог⁸⁸, составленный членами кружка — известными петербургскими библиофилами. Из пятисот экспонатов, представленных на этой выставке, 29 являлись книгами с русскими и европейскими геральдическими суперэклибрисами, по большей части без всяких атрибуций. На примере единичных атрибуций геральдических суперэклибрисов можно видеть типичную ситуацию, которая была характерна для первой трети XX века: если широко известные по европейской литературе геральдические суперэклибрисы известнейших библиофилов прошлого, таких как, например, фаворитка Людовика XV маркиза де Помпадур (1721–1764) или французский министр финансов Никола Фуке (1615–1680), обычно снабжены аннотацией (хотя и не всегда), то сложные знаки, особенно не французские, либо не аннотируются вовсе, либо их атрибуция является ошибочной.

После революции 1917 года произошло заметное повышение интереса к геральдическим суперэклибрисам, что объясняется огромным потоком книг из дворянских библиотек, хлынувшим на книжный рынок. На многих из этих книг, особенно на экзем-

⁸⁵ Симоны П.К. Из книжной старины XVIII столетия // Антиквар, № 11–12. СПб., 1903. С. 333.

⁸⁶ Соловьев Н. Русская книжная иллюстрация XVIII века // Старые годы: Ежемесячник для любителей искусства и старины. СПб., 1907. Июль–сентябрь. С. 438.

⁸⁷ Русский библиофил. СПб., 1914. № 4. С. 28.

⁸⁸ Русская и иностранная книга XV–XIX века: [Каталог] / Кружок любителей русских изящных изданий / [Сост. Кедров П.Д., Остроградский М.А., Рейнбот П.Е.]. СПб., 1914.

плярах в прекрасных переплетах, имелись геральдические суперэклибрисы. Такая доступность книг с суперэклибрисами способствовала не только их коллекционированию, но и изучению. К сожалению, одновременно с этим прекратила существование постоянная выставка переплетов с гербами, более полувека украшавшая Публичную библиотеку, оставшись ныне лишь на редких фотографиях (илл. III), а книги были распределены между отделами библиотеки⁸⁹.

1 ноября 1922 года состоялось учредительное собрание Петроградского общества эклибрисистов, созданного с «целью посвятить себя изысканиям и исследованиям по происхождению и распространению в России книжного знака»⁹⁰. Интерес к деятельности Общества был велик — уже в первый год своего существования Обществом было проведено 24 заседания (по 1 и 15 числам месяца), где было заслушано свыше 30 докладов и сообщений, «весьма важных по новым открытиям, серьезным атрибуциям и строгой систематизации всего материала»⁹¹. 4 мая 1923 года совет Петроградского общества эклибрисистов (в лице В.С. Савонько и В.А. Бриллианта) обратился в правление Российской Публичной библиотеки с просьбой принять общество в состав РПБ «на правах автономного учреждения и под наименованием Общество эклибрисистов при Российской Публичной библиотеке»⁹², представив даже образец нового устава, но правление библиотеки, рассмотрев вопрос, 22 ноября отказалось от этого предложения.

Петроградское (с 1924 года Ленинградское) общество эклибрисистов за время своего существования (по 1 января 1930 года, когда оно было принудительно введено в состав Ленинградского общества библиофилов), выпустило в свет 22 издания, посвященные книжному знаку⁹³. Особой ценностью обладают XIII выпусков выходивших под редакцией историка В.К. Лукомского Трудов ЛОЭ, которые ныне являются незаменимым источником для исследователей книжного знака⁹⁴. Непосредственно гераль-

⁸⁹ Чистяков Б.М. Суперэклибрис... С. 137.

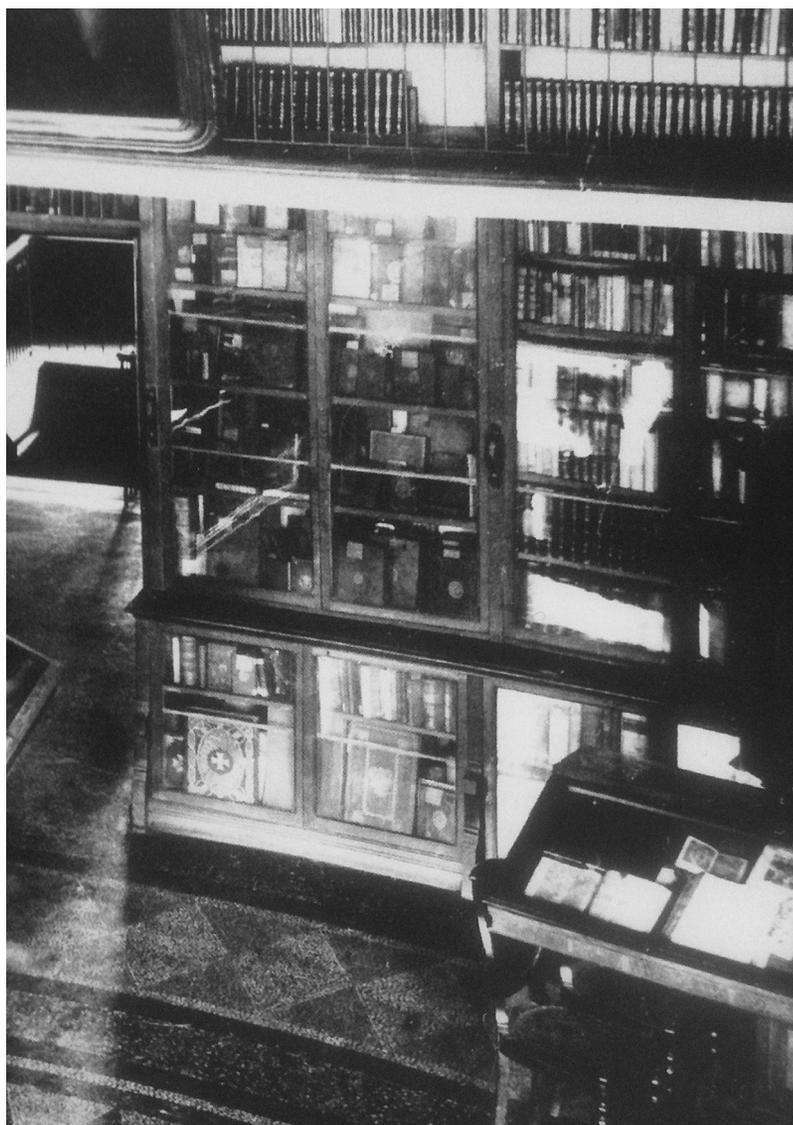
⁹⁰ Труды Ленинградского Общества Эклибрисистов. Вып. I. Л., 1924. С. 2.

⁹¹ Там же.

⁹² Архив РНБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 23. Л. 1–3.

⁹³ Чистяков Б.М. Библиография изданий Ленинградского Общества Эклибрисистов // Летопись Ленинградского Общества Эклибрисистов / Труды Л. О. Э. Вып. XIII. Л., 1931. С. 24–29.

⁹⁴ В 2005 году тиражом в 36 экземпляров был напечатан свод всех тринадцати выпусков Трудов под редакцией А.Н. Михайлова, однако такой тираж стал причиной недоступности издания для читателей (Труды ЛОЭ. Выпуск I–XIII и Указатель, Ленинград 1924–1934 / Публикация А.Н. Михайлова. СПб., 2005).

III

Выставка исторических переплетов в Публичной библиотеке
(фотография начала XX века)

дическим суперэклибрисам в печатных изданиях Общества уделено не так много внимания: за все годы существования Ленинградского Общества Эклибрисистов геральдическим суперэклибрисам было посвящено только восемь докладов⁹⁵, которые были сделаны В.В. Зенкевичем, В.К. Лукомским, С.А. Мухиным, В.К. Охочинским.

Особенно стоит отметить два первых доклада, состоявшиеся в январе 1924 года: 2 января, как свидетельствует подлинный протокол, «собрание заслушало доклад С.А. Мухина “Русский *superexlibris*”, сопровождавшийся демонстрацией многочисленных репродукций, а частью и подлинных переплетов. В прениях приняли участие А.Б. Сахаров, М.И. Соломонов и В.С. Охочинский. Председатель [В.С. Савонько] отметил новизну темы, до сих пор систематически не затронутой, полноту доклада и желательность дальнейшей разработки ее. П.Г. Иванов выразил желание, всеми единодушно поддержанное, чтобы докладчик принял меры к сохранению воспроизведений *superexlibris*’ов более прочным способом, чем карандашное калькирование на папиросной бумаге»⁹⁶. (Стоит отметить, что такой способ фиксации тиснений на книжных переплетах, наиболее удобный в исследовательской работе, используется историками книги до сих пор). А 15-го числа В.В. Зенкевич продолжил начинание С.А. Мухина, выступив с докладом о суперэклибрисах собрания Н.П. Лихачева, принеся с собой подлинный экземпляр из знаменитой коллекции, украшенный геральдическим суперэклибрисом графа А.Г. Головкина. «Как уверяет докладчик, это первый случай, что книга из собрания Н.П. Лихачева вышла за пределы его музея»⁹⁷.

Еще одним свидетельством возросшего в конце 1920-х годов интереса к проблематике частновладельческих библиотек является и состоявшаяся в 1928 году в музее-усадьбе «Архангельское» под Москвой выставка художественных переплетов, где были представлены и экземпляры с геральдическими суперэклибрисами многих русских и западноевропейских библиофилов, а также представителей коронованных фамилий Европы. Подготовкой этой выставки занимались сотрудники музея под руководством директора Алексея Александровича Найдышева⁹⁸.

⁹⁵ Указатель докладов и главнейших сообщений, состоявшихся в заседаниях Ленинградского Общества Эклибрисистов // Указатели к трудам Ленинградского Общества Эклибрисистов. Л., 1934. С. 7–15.

⁹⁶ ОР РНБ. Ф. 76 (Биснек А.Г.) Д. 56. Л. 36–36 об.

⁹⁷ Там же. Л. 37.

⁹⁸ *Невежина В.М.* Книжная выставка музея «Архангельское» [М., 1928].

В следующем 1929 году была опубликована единственная за все время отдельная статья о геральдическом суперэкслибрисе под названием «Супер-экслибрис и библиофилия»⁹⁹. Ее автор, упоминавшийся выше Б.М. Чистяков — один из энтузиастов исследования геральдических суперэкслибрисов, включил в книгу как результаты своих исследований, доложенных им прежде на заседании ЛОЭ, так и достаточно подробный вводный очерк, где он делает акцент на важном значении суперэкслибриса как владельческого знака. К статье приложены воспроизведения двух геральдических суперэкслибрисов — родных сестер Марии-Жозефины-Луизы Прованской (1753–1810; супруги будущего французского короля Людовика XVIII) и Марии-Терезии д'Артуа (1756–1805, супруги будущего французского короля Карла X). Также в этой статье воспроизведен переплет с геральдическим суперэкслибрисом князя Григория Федоровича Долгорукого (1657–1723), который первым из русских библиофилов стал во второй половине 1710-х годов ставить свой геральдический суперэкслибрис на книги личной библиотеки.

В последующие годы упоминания о русских геральдических суперэкслибрисах, а тем более их воспроизведения в печатных изданиях, были крайне немногочисленны — тому причиной ликвидация и централизация библиофильских обществ, а также серьезные внутривластные изменения. Ленинградское общество библиофилов, в которое с 1 января 1930 года вошло ЛОЭ, само было ликвидировано 25 июня 1931 года, а коллекция книжных знаков ЛОЭ была «принесена в дар» Публичной библиотеке. В сентябре 1931 года члены упраздненных ЛОЭ и ЛОБ получили возможность образовать секцию библиофилов и экслибрисистов Северо-Западного отделения Всесоюзного общества филателистов, которое 25 февраля 1933 года было реорганизовано в Ленинградское общество коллекционеров. Как можно установить по архивным документам, интерес к собиранию и изучению суперэкслибрисов сохранился и в период существования секции библиофилов и экслибрисистов в составе ЛОК: например, 27 июля 1934 года Б.М. Чистяков, который был избран заместителем председателя секции, направил в Ленинградскую Книжную Палату следующую просьбу: «Секция библиофилов и экслибрисистов Ленинградского общества коллекционеров просит отпустить за наличный расчет для пополнения ее библиотеки и музея некоторое количество книг с super-exlibris'ами, а также изданий в интерес-

⁹⁹ Альманах библиофила. Л., 1929. С. 127–148.

ных и характерных переплетах»¹⁰⁰. Но в 1937 году и ЛОК было ликвидировано.

Единственным печатным органом, в котором могли публиковать свои статьи и заметки бывшие члены ЛОБ и ЛОЭ, стал журнал «Советский коллекционер», издаваемый Советской филателистической ассоциацией и Всесоюзным обществом филателистов¹⁰¹. Но публикации о книжном знаке не могли соперничать с материалами по филателии — единственным воспроизведением суперэклибриса в этом печатном органе оказалась в 1929 году иллюстрация к статье члена ЛОЭ Павла Давыдовича Эттингера (1866–1848) «Эклибрис у нас и за рубежом» — это был знак польского канцлера Самуэля Мацеевского (1498–1550)¹⁰². Кроме того, важной вехой, наметившей исследование книжных знаков с позиций источниковедения, стала заметка бывшего председателя ЛОЭ Владимира Степановича Савонько (1877–1937) «Новые вспомогательные исторические дисциплины», в которой этот исследователь настаивает особом месте эклибрисистики в ряду этих дисциплин¹⁰³.

В 1932 году Б.М. Чистяков опубликовал в отдельной памятке заседания секции библиофилов и эклибрисистов Северо-западного отдела ВОФ геральдические суперэклибрисы известного русского коллекционера Ивана Ираклиевича Куриса (1840–1898)¹⁰⁴; в 1937 году известный историк европейской книги Владимир Сергеевич Люблинский (1903–1968) опубликовал геральдический суперэклибрис Михаила Семеновича Воронцова (1782–1856), ошибочно приписав его Александру Романовичу Воронцову (1741–1805)¹⁰⁵; в 1939 году В.К. Лукомский воспроизвел в своей статье уже известный по публикации 1902 года геральдический суперэклибрис Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797) с правильной его атрибуцией¹⁰⁶; в 1947 в посмертной статье того же В.К. Луком-

¹⁰⁰ ОР РНБ. Ф. 76 (Биснек А.Г.) Д. 121. Л. 1 (отпуск).

¹⁰¹ См. подробнее: *Худолей В.В., Михайлов А.Н.* История Ленинградского общества эклибрисистов (1922–1930). М., 2006.

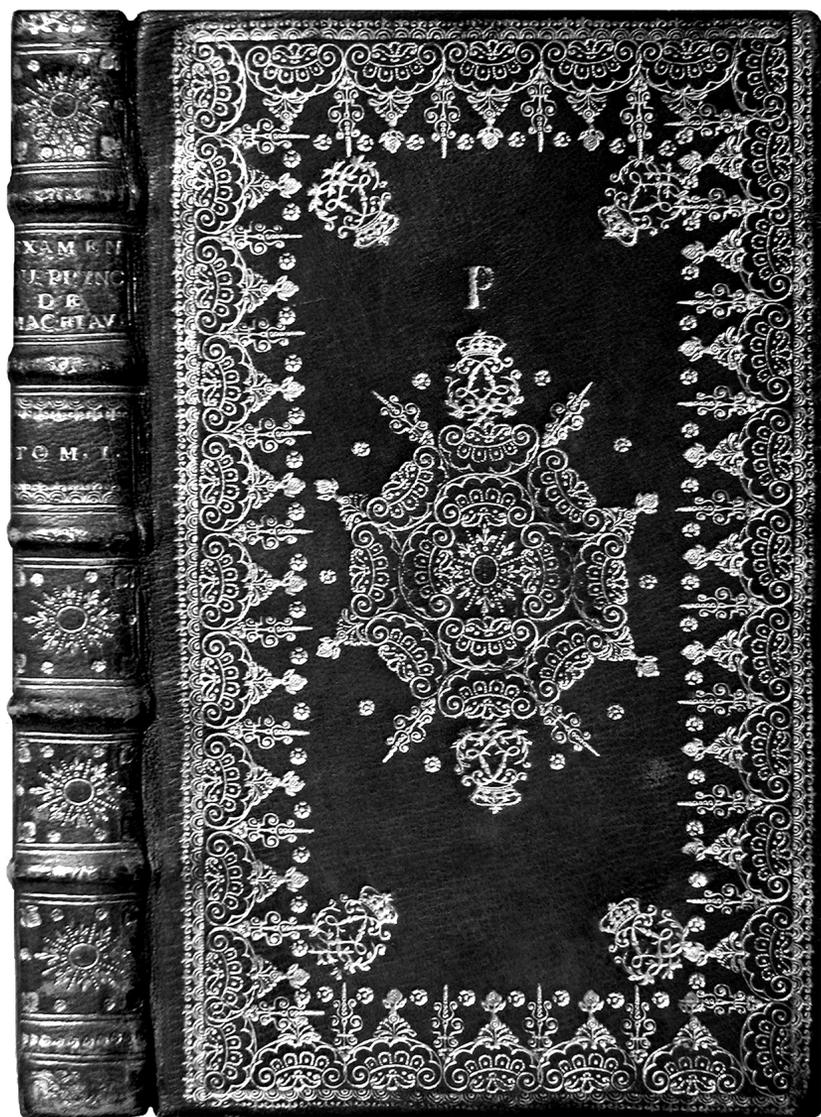
¹⁰² *Эттингер П.* Эклибрис у нас и за рубежом // Советский коллекционер. М., 1929. № 4/6. С. 42.

¹⁰³ *Савонько В.* Новые вспомогательные исторические дисциплины / Эклибрисистика // Советский коллекционер. М., 1928. № 6 (88), декабрь. С. 14–15.

¹⁰⁴ Иван Ираклиевич Курис и его коллекции: Доклад Б.М. Чистякова / XXV заседание секции библиофилов и эклибрисистов Северо-Западного отдела ВОФ. Ленинград, Зимний дворец, 26 мая 1932 г. [Памятка заседания]. Л., 1932.

¹⁰⁵ *Люблинский В.С.* Наследие Вольтера в СССР // Русская культура и Франция. (Литературное наследство; Т. 29/30). М., 1937. Т. I. С. 46.

¹⁰⁶ *Лукомский В.К.* Гербовая экспертиза... С. 61.

IV

Переплет «Анти-Макиавелли» Фридриха II, 1741
(экземпляр из библиотеки Потсдамского дворца)

ского «Герб как исторический источник» был репродуцирован геральдический суперэклибрис Григория Ивановича Чернышева (1762–1831)¹⁰⁷. В 1968 при описании книжных знаков библиотеки Воронежского университета был воспроизведен геральдический «суперэклибрис Р. Тизенгаузен»¹⁰⁸, в действительности суперэклибрис известного орнитолога, библиофила и музыканта Константина Тизенгауза (1786–1853), чье имя после второго раздела Речи Посполитой вошло в состав Российской Империи и с 1796 года стало уездным городом. В 1969 году в описании библиотеки Н.П. Смирнова-Сокольского был воспроизведен геральдический суперэклибрис графа Алексея Андреевича Аракчеева (1769–1834)¹⁰⁹. В 1970 году, как «герб Паниных XVIII века», был опубликован геральдический суперэклибрис графа Никиты Петровича Панина (1770–1837)¹¹⁰.

В 1970-е годы начинается возрождение научного интереса к книжному переплету, владельческим экземплярам и, соответственно, к геральдическим суперэклибрисам. Наиболее весомый вклад в их изучение был внесен музейными, а отнюдь не библиотечными работниками (такое обстоятельство подчеркивает, что книжный переплет и суперэклибрис почти всегда — памятник культуры и искусства), и безусловное первенство здесь принадлежит Государственному Эрмитажу. В сентябре 1972 года, во время международного симпозиума, состоявшегося по случаю первого Международного года книги (проводился по предложению Советского Союза под эгидой ЮНЕСКО), Эрмитаж развернул выставку «Искусство переплета IX — начала XX века», подготовленную Кирой Абрамовной Морген¹¹¹. Тогда же началась атрибуционная работа в фондах эрмитажной библиотеки, по результатам которой в 1975 году была издана статья Жермены Константиновны Павловой «Среди эклибрисов и книжных собраний Государственного Эрмитажа»¹¹², (к сожалению, из геральдических суперэклибрисов там был описан и воспроизведен лишь суперэклибрис

¹⁰⁷ *Он же*. Герб как исторический источник... С. 54.

¹⁰⁸ Указатель книг с книжными знаками из собрания Фундаментальной библиотеки ВГУ / Воронежский университет. Фундаментальная библиотека / Сост. А.И. Слуцкий, Л.К. Коськов; под ред. О.Г. Ласунского. Воронеж, 1968. С. 19.

¹⁰⁹ *Смирнов-Сокольский Н.П.* Моя библиотека: Библиографическое описание. М., 1969. Т. 1. С. 519.

¹¹⁰ *Минаев Е.М., Фортинский С.П.* Эклибрис. М., 1970. С. 13.

¹¹¹ [Морген К.А.] Искусство переплета IX — начала XX века: (К международному году книги) / Государственный Эрмитаж. [Буклет выставки]. Л., 1972.

¹¹² *Павлова Ж.К.* Среди эклибрисов и книжных собраний Государственного Эрмитажа // Книга: исследования и материалы. Сб. 31. М., 1975. С. 155–181.

И.И. Куриса, ранее уже известный по публикации Б.М. Чистякова). В 1977 году прекрасный сафьянный переплет французской работы с этим же суперэкслибрисом вошел в число наиболее значительных образцов переплетного искусства собрания Государственного Эрмитажа, включенных в набор открыток «Западноевропейский переплет XIV–XX веков»¹¹³, также в этот набор вошли изображения трех переплетов с европейскими гербами.

В том же 1975 году при описании книжных знаков библиотеки Тартуского университета был опубликован суперэкслибрис князя Г.Ф. Долгорукого¹¹⁴, уже известный по публикации Б.М. Чистякова 1929 года.

Кроме перечисленных публикаций важно отметить единичный за все послевоенные годы пример комплексной атрибуционной работы: в 1961 году в печатном каталоге книг библиотеки Вольтера, хранящейся в ГПБ, Владимиром Александровичем Бриллиантом (1883–1969) — в прошлом ученым секретарем ЛОЭ — были атрибутированы несколько западноевропейских геральдических суперэкслибрисов из библиотеки Вольтера¹¹⁵.

В 1980-х годах во многих библиотеках начинается работа по изучению индивидуальных признаков книжных памятников. Первая публикация с упоминанием геральдических суперэкслибрисов была подготовлена сотрудницей Научной библиотеки Саратовского университета, видным библиографом Нелли Алексеевной Попковой, которая положила начало масштабной работе по научному описанию владельческих знаков саратовских библиотек, завершившейся в 2000-х годах и оказавшей значительное влияние на работу по каталогизации книжных памятников провинциальных книгохранилищ; в очерке 1982 года она пишет о существовании экземпляров с суперэкслибрисами графа Д.П. Бутурлина, дворян Коскулей, графа Д.Н. Мавроса¹¹⁶.

В 1985 году сотрудниками Отдела редких книг Научной библиотеки МГУ Евгенией Суреновной Кашутиной (1944–2012) и Натальей Гансовной Сапрыкиной (1952–1983) в каталоге книжных знаков собрания Научной библиотеки МГУ были опубликованы

¹¹³ Западноевропейский переплет XIV–XX веков: Из собрания Государственного Эрмитажа / Составитель Ж. Павлова [Набор из 16-ти открыток]. Л., 1977.

¹¹⁴ Экслибрис в научной библиотеке Тартуского государственного университета. Тарту, 1975. Вып. I. С. 19.

¹¹⁵ Библиотека Вольтера: Каталог книг. М.–Л., 1961. С. 70, 1165–1167.

¹¹⁶ Попкова Н.А. Экслибрис на книгах Научной библиотеки Саратовского университета // Опыт работы зональной Научной библиотеки Саратовского университета. Саратов, 1982. № 25. С. 21–51.

сразу пять русских геральдических суперэклибрисов: Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797), графа Петра Борисовича Шереметева (1713–1788), Павла Григорьевича Демидова (1738–1821), князя Александра Михайловича Голицына (1723–1807) и графа Никиты Ивановича Панина (1718–1783)¹¹⁷. Три из пяти указанных геральдических суперэклибрисов опубликованы в этом издании впервые; однако в атрибуции некоторых из них были допущены неточности: суперэклибрис П.Б. Шереметева был атрибутирован авторами как «суперэклибрис Шереметевых»¹¹⁸, а геральдический суперэклибрис графа Н.И. Панина — как знак «братьев Паниных»¹¹⁹. Кроме того, в этом издании был опубликован один геральдический суперэклибрис западноевропейского происхождения, атрибутированный авторами как суперэклибрис «Compin 1667 года» — «богатого семейства из Лиона, связанного с местным иезуитским домом св. Иосифа»¹²⁰; в действительности же этот геральдический суперэклибрис принадлежит лионскому адвокату Пьеру Компэну (1597–1675), чей род происходит из Лотарингии¹²¹.

В 1991 году в американском городе Тенафли (штат Нью-Джерси) было издано описание русских книжных знаков из собрания библиотеки Стенфордского университета; в этом описании воспроизведен единственный геральдический суперэклибрис — дворян Суворовых, но опубликован он автором без всякой атрибуции, как «анонимный»¹²².

Таким образом, к началу нашей работы по изучению русского геральдического суперэклибриса публикации по данной проблематике были единичны, и за все годы до 1991 включительно было в общей сложности опубликовано лишь 26 русских геральдических суперэклибрисов, причем 9 из них или были атрибутированы неверно, или публиковались в качестве анонимных, то есть корпус опубликованных и правильно атрибутированных русских геральдических суперэклибрисов насчитывал всего 17 знаков.

Как следует из сказанного выше, попытки изучения в России геральдического суперэклибриса так и не имели удовлетворительного результата — и это несмотря на то, что у истоков изу-

¹¹⁷ Кашутина Е.С., Сапрыкина Н.Г. Эклибрис в собрании Научной библиотеки Московского государственного университета: Альбом–каталог. М., 1985.

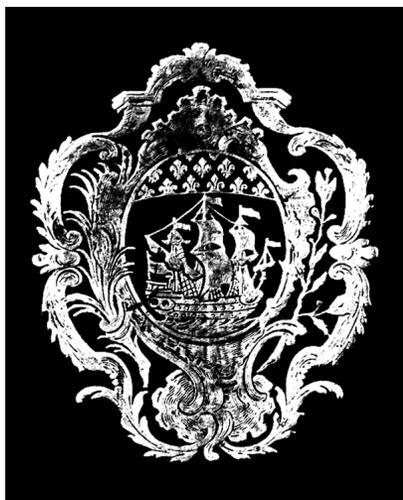
¹¹⁸ Там же. С. 42.

¹¹⁹ Там же. С. 44.

¹²⁰ Там же. С. 48.

¹²¹ Olivier E., Hermal G., Roton R. Manuel... Serie 12. Paris, 1928. Pl. 1199.

¹²² Studemeister M. Bookplates and their owners in imperial Russia: An illustrated Survey of Holdings at Stanford University. Tenafly, 1991. P. 32.

V

Герб Парижа

VI

Герб Амстердама

VII

Суперэклибрис П. Мопертюи
(на фрагменте – подпись мастера)

чения данной проблемы стояли такие выдающиеся специалисты в области вспомогательных исторических дисциплин как академик Н.П. Лихачев и профессор В.К. Лукомский. Академик Н.П. Лихачев так и не вышел за рамки их хотя и масштабного, но коллекционирования, а В.К. Лукомский попытался провести выявление и каталогизацию русских суперэкслибрисов, но ему не удалось завершить задуманное.

Указанные причины побудили нас заняться исследованием этого исторического источника, которое впоследствии производилось в соответствии с требованиями, предъявляемыми к вспомогательным историческим дисциплинам: выявление репрезентативного корпуса источников, затем разработка типологии, атрибуция выявленных источников, их научная каталогизация, и после этого источниковедческая характеристика данного вида исторических источников.

ГЛАВА I

ЭВРИСТИКА ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ СУПЕРЭКСЛИБРИСОВ

Первым, наиболее продолжительным этапом работы явилось формирование источниковой базы, то есть выявление корпуса книг с суперэклибрисами в российских собраниях.

Поскольку хронологически бытование геральдического суперэклибриса в России ограничивается 1917 годом, то выявление книг должно было коснуться только дореволюционных книжных фондов. А так как наибольшего распространения суперэклибрис достиг в XVIII веке, то книгам этого столетия надлежало уделить максимальное внимание.

Первоначально казалось правильным исключить из поля зрения многочисленные фонды иностранных книг, однако по результатам анализа публикаций русских геральдических суперэклибрисов выяснилось, что более половины русских гербовых знаков, сведения о которых были ранее опубликованы, нанесены на переплеты иностранных книг. В силу последнего обстоятельства исключать иностранные фонды из области поиска оказалось нецелесообразным, даже напротив — заставило отнестись к ним столь же внимательно, как и к фондам русских книг.

Но такое расширение поиска еще более усложнило достижение конечного результата — ведь на иностранных книгах, несомненно, будут и иностранные суперэклибрисы, которых во много раз больше, чем русских. То есть после выявления суперэклибрисов будет необходимо отделить русские суперэклибрисы от иностранных.

Значительную помощь в исследовании оказало то, что книги с геральдическими суперэклибрисами, безотносительно их географической принадлежности, зачастую направлялась в формируемые с конца 1950-х годов во многих библиотеках отделы редкой книги. Критерием отбора книг в такие обособленные хранилища является не только время издания книги или ее содержание, но и художественно-полиграфическое исполнение конкретного экземпляра — уникальные особенности переплета, шрифта, иллюстраций, владельческие знаки.

Однако скажем, что термин «редкие книги» до сего дня употребляется довольно широко, без четко фиксированного значения; и если в федеральных библиотеках это, прежде всего, книги XV–XVIII веков, то в областных и краевых библиотеках часто такими книгами являются, например, издания с автографами известных современников — уроженцев края. Также традиционно в состав фондов отделов редких книг входили прижизненные издания сочинений В.И. Ленина и т.п.

Первым отделом редкой книги стал организованный в 1918 году в библиотеке Румянцевского музея Музей книги (ныне Научно-исследовательский отдел редких и особо ценных изданий РГБ). В 1946 году Отдел редкой книги был организован в Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Петербурге (ныне РНБ). Среди отделов редких книг прочих библиотек особенно стоит выделить основанный в 1922 году Отдел редкой книги ГПИБ, который включил в себя коллекцию редкостей библиотеки Российского Исторического музея (ныне ГИМ), классифицированную по пяти признакам; ныне отдел насчитывает более 75 тысяч единиц хранения. Из вновь сформированных наиболее ценным собранием обладает организованный в 1974 году Научно-исследовательский отдел редких книг ВГБИЛ (более 40 тысяч томов).

Согласно статистике Министерства культуры РФ, в фондах публичных библиотек сохраняется около полумиллиона старопечатных изданий XV–XIX веков и около 9,5 миллионов редких и ценных изданий. Причем семьдесят процентов всех книжных памятников хранятся в РГБ и РНБ, а тридцать — в других федеральных и региональных библиотеках России. Доля областных и краевых библиотек в этой статистике составляет менее пяти процентов, поскольку долгие годы наиболее ценные издания отбирались для главных библиотек страны — РГБ и РНБ.

Кроме библиотек, подведомственных Министерству культуры РФ, особого внимания достоин Отдел редкой книги старейшей библиотеки России — Библиотеки Российской Академии наук. Отдел редкой книги БАН создан в 1952 году, а в настоящее время он насчитывает около 275 тысяч единиц хранения. Также Отделы редких книг имеются во многих музеях России. Наибольшие по количеству томов — в Государственном Эрмитаже, Государственном музее А.С. Пушкина, Литературном музее, музее-усадьбе «Архангельское», Павловском дворце-музее.

Таким образом, первоочередной задачей стало выявление книг с суперэкслибрисами в отделах редкой книги библиотек, музеев и архивов. В связи с такой масштабной задачей необходимо

было избрать метод выявления геральдических суперэкслибрисов в указанных книгохранилищах. Еще в 1972 году было отмечено, что «широкие возможности открывает поэкземplarное изучение книг при исследовании культуры и общественной мысли»¹. Это утверждение действительно справедливо: наилучшим способом поиска книг с суперэкслибрисами в отдельно взятом книгохранилище является именно собственноручный поэкземplarный просмотр книжного фонда. Вместе с удобством, он обладает еще одним свойством — на протяжении нашей работы он становился все менее и менее доступным для нас, поскольку режим хранения книжных памятников постоянно ужесточался, а ныне таким способом поиска могут воспользоваться только сами сотрудники книгохранилищ. (Не исключено, что в ближайшие годы исследователи получат доступ к формируемой Министерством культуры РФ системе учета музейного фонда, являющейся по сути электронной инвентарной книгой музеев России, снабженной фотографиями предметов; однако это касается лишь музейных собраний — библиотечные фонды еще долго будут недоступны для сторонних исследователей).

Нам в процессе исследования удалось провести поиск книг с геральдическими суперэкслибрисами во многих книгохранилищах. Среди книжных собраний, просмотренных поэкземplarно *de visu*, особенно стоит выделить коллекции: Отдела истории книги ГПИБ России² (Москва; более 75 тыс. томов), Научно-исследовательского отдела редкой книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино³ (Москва; более 40 тыс. томов), Кабинета редких книг и рукописей Научной библиотеки Государственного Эрмитажа⁴ (С.-Петербург; более 10 тыс. то-

¹ Мыльников А.С. О книговедческом методе в источниковедении (к постановке вопроса) // Книга: исследования и материалы. — Сб. 25. М., 1972. С.14.

² Основана в 1863 году как Московская городская Чертковская публичная библиотека, при образовании Российского исторического музея перешла в его ведение; в 1918–1919 годах в библиотеку поступило более полумиллиона томов из национализированных библиотек. Нынешнее название библиотека носит с 1938 года.

³ Основана в 1921 году при Главпрофобре, в 1922 году перешла в ведение Наркомпроса, до 1924 года функционировала под названием Неофилологической библиотеки. Источником комплектования в первые годы был Государственный книжный фонд, куда в избытке поступали иностранные книги из бывших дворянских усадеб, а в 1945–1946 годах директор библиотеки М.И. Рудомино провела более полугодом за границей, отбирая тройфенные книги для фондов библиотеки. Отдел редкой книги сформирован в 1974 году.

⁴ Одна из старейших и самая крупная искусствоведческая музейная библиотека, неотъемлемая часть Эрмитажа с момента его создания, включает большое число выдающихся книжных памятников. В основу библиотеки легли личные библиотеки Петра III и Екатерины II.

мов), отдела редких книг РНБ⁵ (С.–Петербург; более 70 тыс. томов); Отдела редких книг Государственного музея А.С. Пушкина⁶ (Москва; более 30 тыс. томов), собрания редких книг Отдела гравюры и рисунка ГМИИ им. А.С. Пушкина⁷ (Москва; около 2,5 тыс. томов), Отдела редких книг Музея-усадьбы «Архангельское»⁸ (Московская обл.; более 16 тыс. томов), Отдела редких книг Музея-усадьбы «Останкино»⁹ (Москва; около 3 тыс. томов), отдела редких книг музея-заповедника «Царское Село» (более 2 тыс. томов), а также личную библиотеку А.С. Пушкина в собрании ИРЛИ РАН «Пушкинский Дом» (С.–Петербург; более 3,5 тыс. томов).

Выборочный просмотр книжных памятников согласно внутренним картотекам и, в том числе, материалам, сопутствовавшим подготовке «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века», а в последнее десятилетие — «Сводного каталога русской книги первой четверти XIX века», также позволил выявить книги с геральдическими суперэклибрисами в крупнейших хранилищах редких книг: Научно-исследовательском отделе редких книг («Музей книги») РГБ¹⁰ (Москва), одного из наиболее крупных отделов РНБ — коллекции «Полиграфия» Иностранно-

⁵ Старейшая общедоступная библиотека России, основана в 1795 году, открыта для посетителей в 1814 году. В 1939 году библиотеке присвоено имя М.Е. Салтыкова-Щедрина, в 1992 году — нынешнее название. РНБ является вторым в нашей стране по репертуару и объему фондов книгохранилищем, отдел редких книг организован в 1946 году, насчитывает более 70 тыс. томов; отдел Полиграфия — более 300 тыс.

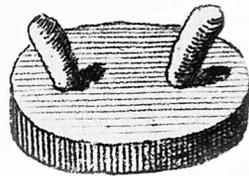
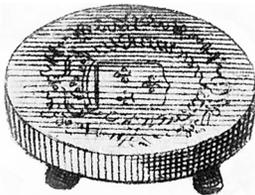
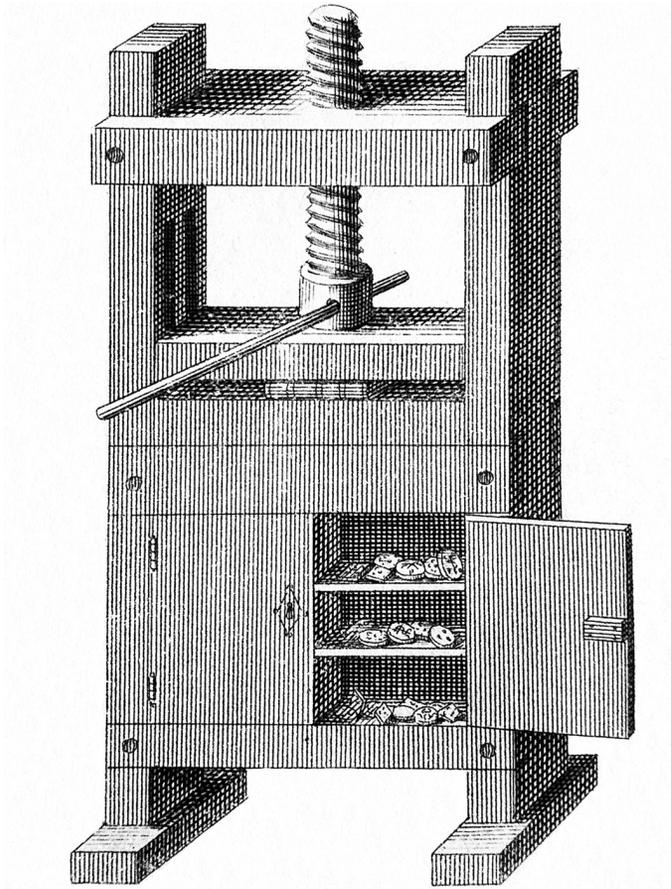
⁶ ГМП был организован в 1957 году, а книжный фонд, формировавшийся с момента учреждения музея, в настоящее время составляет более 70 тыс. единиц, почти половину которого составляет фонд отдела редких книг. Комплектование, производившееся в основном за счет обменно-резервных фондов крупных библиотек, было достаточно хаотичным, но позволило собрать большую коллекцию изданий с владельческими знаками — эклибрисами, суперэклибрисами и автографами.

⁷ Открыт для посетителей в 1912 году. Основным местом хранения редких книг является образованный в 1924 году Отдел гравюры и рисунка, где подбором книг занималась В.М. Неvezжина, благодаря которой ГМИИ им. А.С. Пушкина в настоящее время имеет богатую коллекцию европейских иллюстрированных изданий XVI — начала XX века.

⁸ Подмосковная государственного деятеля и коллекционера князя Н.Б. Юсупова, в 1917 году национализирована и передана в ведение Наркомата Обороны для санатория, одновременно там был устроен музей. Библиотека князя Юсупова в Архангельском ныне является самой большой усадебной библиотекой России.

⁹ Бывшая подмосковная графов Шереметевых. В 1918 году в усадьбе, уже вошедшей к тому времени в границы Москвы, был устроен Дворец-музей творчества крепостных (в 1937–1949 годах «Останкино» называлось «Пушкинское»).

¹⁰ Основана в 1862 году в составе Румянцевского музея, с 1919 года существует обособленно. В 1924 году переименована во Всероссийскую публичную библиотеку имени Ленина, в 1992 году получила современное наименование. Отдел редких книг организован в 1917 году, насчитывает более 300 тыс. томов.

VIII

Позолотный пресс и штамп-матрица геральдического суперэклибриса
Гравюра Шарля-Луи Симонно (1645–1728)

го книжного фонда¹¹ (С.-Петербург), Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ¹² (Москва), Научно-исследовательском отделе редких книг Библиотеки Российской Академии наук¹³ (С.-Петербург), библиотеке Санкт-Петербургской Духовной академии¹⁴ (С.-Петербург), собрании книжных памятников РГА-ДА¹⁵ (Москва), отделе редких книг Государственного музея-заповедника «Павловск»¹⁶, отделе книжного фонда ГИМ¹⁷ (Москва), отделе книжных фондов Всероссийского музея А.С. Пушкина¹⁸ (С.-Петербург).

Кроме обращения к перечисленным выше фондам редких книг библиотек и музеев Москвы и Санкт-Петербурга, были предприняты попытки провести выявление книг с геральдическими суперэкслибрисами и в провинциальных книгохранилищах — областных и краевых библиотеках России¹⁹. В качестве наиболее целесообраз-

¹¹ Насчитывает более 300 тыс. томов.

¹² Библиотека основана в 1755 году, вместе с университетом. Первоначальный фонд библиотеки в 1812 году стал жертвой пожара Москвы. Формирование фонда редких и особо ценных книг было начато в 1919 году, Отдел редких книг и рукописей организован в 1946, в настоящее время насчитывает более 150 тыс. томов.

¹³ Старейшая библиотека России, основана в 1714 году. Отдел редких книг организован в 1952 году. Особенности сложности при доступе к фонду Отдела объясняются последствиями пожара, постигшего библиотеку 14–15 февраля 1988 года, когда огнем было уничтожено несколько сот тысяч книг и периодических изданий, треть газетного фонда, а сверх того еще 3,5 миллиона единиц хранения пострадало от воды. ОРК насчитывает более 250 тыс. томов.

¹⁴ Основана в 1946 году одновременно с открытием Ленинградской Духовной Академии, в 1948 году ей из ГПБ было возвращено около 80 тыс. книг, ранее принадлежавших Санкт-Петербургской Духовной Академии, а в 1956 году из фондов БАН было передано около 100 тыс. экземпляров книг по богословию. В настоящий момент численность фондов составляет около 300 тыс. экземпляров, из которых более 100 тыс. — редкие издания.

¹⁵ Отдел редких изданий был сформирован в 1950-е годы путем выделения из общего фонда библиотеки архива русских книг до 1825 года и иностранных книг до 1800 года включительно; численность — около 50 тыс. томов.

¹⁶ Основан в 1777 году как резиденция цесаревича Павла Петровича, в 1796 году объявлен городом. В 1918 году в Павловске был организован музей. К тому времени библиотека насчитывала более 20 тыс. томов, однако частично книги были переданы в другие учреждения, частично проданы за границу, частично погибли во время войны; ныне насчитывается около 12 тыс. томов.

¹⁷ ГИМ учрежден в 1872 году, в 1938 году на базе его книжных фондов была организована Государственная публичная историческая библиотека, и музею пришлось собирать библиотеку заново, за исключением подсобных библиотек отделов музея, которые были сохранены. В настоящее время «Отдел книжного фонда» ГИМ составляет более 200 тыс. томов, однако, собственно редкие книги составляют меньшую часть.

¹⁸ Составляет более 20 тыс. томов.

¹⁹ Фонды редких и ценных изданий (книжных памятников) в библиотеках РСФСР. Указатель. М, 1990.

ного способа поиска была избрана форма письменного обращения в Отделы редких книг областных и краевых библиотек, а также библиотек некоторых университетов. Запросы о наличии книг с геральдическими суперэклибрисами были разосланы в отделы редких книг нескольких десятков библиотек.

Ответы на унифицированный исследовательский запрос в большинстве случаев были однотипными: «Библиотека не располагает книгами с суперэклибрисами», или же, «Библиотека почти не имеет изданий до 1917 года»; из нескольких библиотек ответ на запрос не был получен вовсе.

Также имелась группа схожих меж собою писем, аналогичных приведенному ниже ответу из Пермской государственной областной библиотеки им. Горького: «Сожалеем, что не можем предоставить Вам материал для Ваших исследований. В фондах нашей библиотеки отсутствуют издания с русскими суперэклибрисами. Единственный обнаруженный суперэклибрис — явно европейского происхождения (не атрибутирован)».

В подобных случаях всегда запрашивалось изображение суперэклибриса, а также сведения о книге, на переплете которой он был обнаружен. Поскольку до последнего времени электронные средства были развиты в библиотеках недостаточно, то обычно запрашивалось калькированное изображение; если же суперэклибрисов было много, или не имелось возможности переслать даже калькированное изображение, то геральдические суперэклибрисы исследовались на месте.

Как выяснилось впоследствии, работа по атрибуции и описанию корпуса русских геральдических суперэклибрисов оказалась бы неполной, если бы не книги с геральдическими суперэклибрисами, выявленные в провинциальных книгохранилищах — Научной библиотеке Тверского государственного университета (Тверь), Тверской областной универсальной научной библиотеке им. Горького (Тверь), Научной библиотеке Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск), Научной библиотеке Саратовского государственного университета (Саратов), Тульской областной универсальной научной библиотеке (Тула) и др.

Еще одним важным источником в предпринятом поиске геральдических суперэклибрисов оказались коллекции традиционных книжных знаков (эклибрисов), хранящиеся в библиотеках и музеях.

Еще с конца XIX века у коллекционеров печатных книжных знаков наблюдалась не вполне обычная привычка — изредка оставлять

у себя в собрании и суперэклибрисы. Казалось бы, печатная книга никак не может попасть на планшет или в конверт собирателя эклибрисов; но выход был найден — с кожаного переплета ножом вырезался лоскут с вытисненным суперэклибрисом, а сама книга выбрасывалась; или же могли отрываться и оставляться в коллекции переплетные крышки с суперэклибрисом или же весь переплет полностью (крышки и корешок). Но книжный блок всегда ожидала одинаковая участь — на выброс. Почти всегда, как можно судить по оставшимся крышкам, где сохранен корешок с названием, такому аутодафе подвергались книги на иностранных языках. И хотя ныне это кажется варварством, в те годы (конец XIX — первая половина XX века) иностранные книги, особенно разрозненные тома многотомных изданий XVIII столетия, ничего не стоили и воспринимались исключительно как хлам.

Из всех собраний эклибрисов, которые были просмотрены в процессе поиска, три оказались принципиально важными для исследования — коллекция эклибрисов фабриканта и коллекционера Алексея Петровича Бахрушина (1853–1904) в ГПИБ, собрание эклибрисов Отдела эстампов РНБ и ящик с переплетными крышками, хранящийся в составе собрания Павла Давидовича Эттингера (1866–1948) в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Особенно важно отметить, что во всех упомянутых источниках были выявлены геральдические суперэклибрисы, которые не встретились непосредственно в книжных фондах.

В процессе выявления геральдических суперэклибрисов не были обойдены нашим вниманием и частные книжные собрания. Этот критерий поиска вполне очевиден, поскольку не раз отмечалось, что даже при неизмеримо меньших, по сравнению с публичными библиотеками, объемах, изучение таких коллекций имеет большое значение: «Книга, однако, раз появившись на свет, никогда не существует изолированно. Она переходит из рук в руки, оседает в государственных, общественных, корпоративных или частных личных хранилищах. Отсюда вытекает необходимость анализа фондов библиотек. В особенности следует сказать о важности изучения фондов личных библиотек, зачастую менее известных, нежели крупные национальные хранилища»²⁰.

И хотя исследование частных библиофильских собраний происходило уже после основной работы в государственных хранилищах, да и просмотр частных коллекций более производился для

²⁰ Мильников А.С. О книговедческом методе в источниковедении (к постановке вопроса) // Книга: исследования и материалы. Сб. 25. М., 1972. С. 19.

полноты поиска и очистки совести, результаты их обследования намного превзошли ожидания. Отчасти это объясняется заинтересованностью частных коллекционеров (в отличие от значительного числа музейных и библиотечных работников) в проводимом исследовании и в максимально полных результатах такового. Являясь собственниками книг с геральдическими суперэкслибрисами, владельцы понимали, что атрибуция суперэкслибриса не только расскажет о прежнем владельце, но и серьезно увеличит культурную, а, главное, материальную ценности книги из их собрания.

Стоит сказать особо, что далеко не все коллекционеры, обладающие ценными книжными собраниями, стремятся в библиофильские кружки; и наоборот: многие участники этих библиофильских кружков являются сочувствующими, но никак не серьезными собирателями. По этой причине библиофильские организации новой России, постоянно меняющие свои названия, вряд ли можно почтить за собрания владельцев серьезных коллекций книжных редкостей; скорее — это наследники движения книголюбов.

Тем не менее, была необходимость оповестить о своей работе максимальное число владельцев книжных собраний. Этому способствовало то обстоятельство, что в ходе поиска нам посчастливилось заниматься устройством в Московском музее-квартире И.Д. Сытина выставки «Книжный переплет и суперэкслибрис в коллекции П.С. Романова (1920–1993)», а впоследствии и подготовить ее каталог²¹.

Кроме собрания П.С. Романова, в котором было выявлено и атрибутировано пять геральдических суперэкслибрисов русского происхождения (не считая множества иностранных), в дальнейшем был открыт доступ к собраниям здравствующих собирателей, список которых привести не имеем возможности по причине взятых на себя обязательств. После проведения исследования и атрибуции геральдических суперэкслибрисов оказалось, что частные собрания серьезно дополнили источниковую базу исследования и без их использования результаты были бы неполными.

Серьезную помощь оказало и обращение к зарубежным собраниям. Хотя поиск там касался лишь русских геральдических суперэкслибрисов и носил случайный характер, дополняя проводимые эвристические мероприятия, он оказался не бессмысленным. В Берлине, в собрании известного русского библиофила Якова

²¹ Дружинин П.А. Книжный переплет и суперэкслибрис как памятники декоративно-прикладного искусства: (В связи с выставкой коллекции П.С. Романова). М., 1994.

Исааковича Бердичевского (род. 1932) (в виде срезанных фрагментов переплетов), а также в собрании хозяев магазина антикварной книги *Antiquariaat Parugus* в Вoorбурге (Нидерланды) были найдены геральдические суперэклибрисы русских книговладельцев, не встретившиеся в российских собраниях.

Таким образом, в результате проведенной с конца 1980-х до конца 1990-х годов работы по выявлению книг с геральдическими суперэклибрисами нами были собственноручно поэкземплярно просмотрены более 180 тыс. книжных памятников. Также оказалось возможным получить сведения о книгах с геральдическими суперэклибрисами, а затем и описать эти суперэклибрисы *de visu*, воспользовавшись материалами, отложившимися в процессе библиотечной обработки и научного описания книжных памятников, комплекс которых превышает суммарно 1 млн. 450 тыс. томов. По библиотекам России рассылались тематические запросы, было обследовано несколько десятков частных библиофильских собраний Москвы и Санкт-Петербурга, оказались изучены крупные коллекции эклибрисов в государственных и частных собраниях, были привлечены зарубежные коллекции.

В общей сложности был выявлен 1491 геральдический суперэклибрис (1458 в виде книг с суперэклибрисом на переплете и 33 фрагмента кожи с книжного переплета или же в виде переплетных крышек, оторванных от книжного блока). Выявленные геральдические суперэклибрисы составили базу для дальнейшего исследования.

Итоговая характеристика геральдических суперэклибрисов, сгруппированных по способу их выявления, выглядит количественно так:

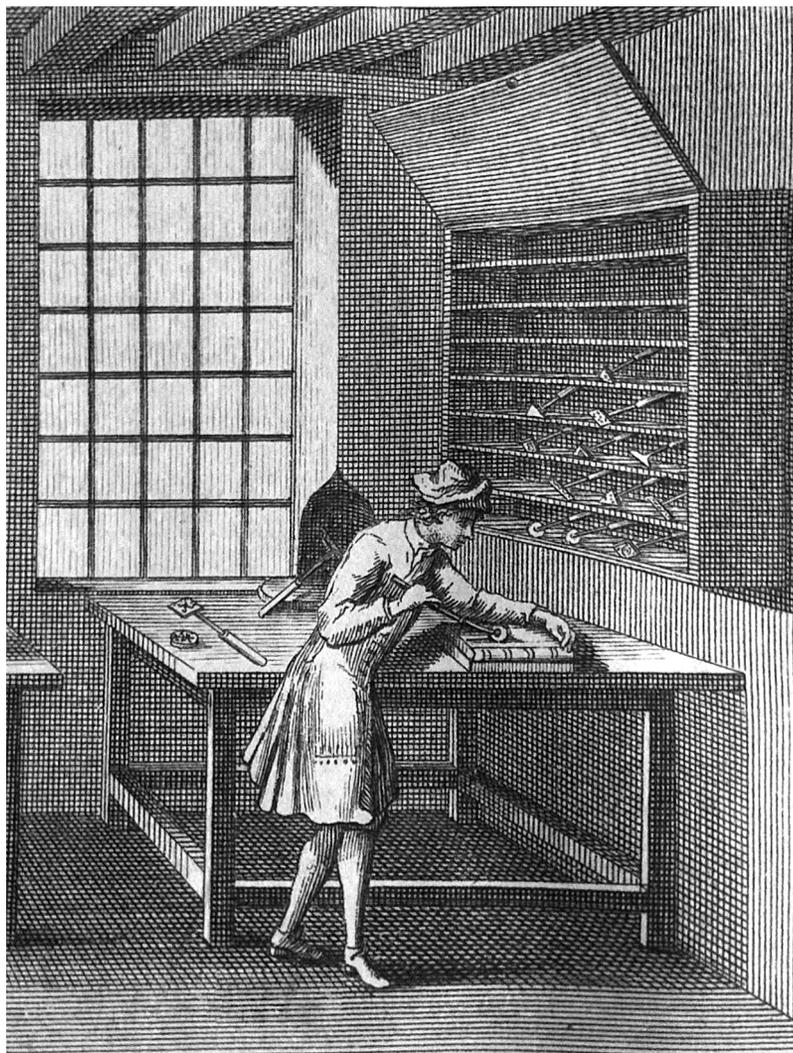
а) выявленные посредством поэкземплярного просмотра фондов книжных памятников (560 геральдических суперэклибрисов);

б) выявленные с помощью выборочного просмотра фондов редких книг по данным служебных картотек и материалам хранителей этих фондов (795 геральдических суперэклибрисов);

в) выявленные в фондах провинциальных книгохранилищ посредством запросов и последующего просмотра *de visu* (32 геральдических суперэклибриса);

г) входящие в виде переплетных крышек или срезов фрагментов кожи с переплетов (так называемые «вырезные») в собрания книжных знаков музеев и библиотек (24 геральдических суперэклибриса);

д) выявленные в частных собраниях (80 геральдических суперэклибрисов, из которых 71 знак сохраняется на книжных

IX

Переплетчик за золочением книжного переплета
Гравюра Шарля-Луи Симонно (1645–1728)

переплетах, а 9 — в виде срезанных фрагментов книжных переплетов).

Несомненно, наиболее достоверной для предварительных статистических выводов является часть этого комплекса, сформированная посредством собственноручного поэкземплярного просмотра. Этот вывод вполне очевиден при сопоставлении количества выявленных книг с геральдическими суперэклибрисами при поэкземплярном просмотре (560), а также суммы геральдических суперэклибрисов, выявленных по материалам работы хранителей фондов (795), с объемами книгохранилищ, послуживших базой для этой работы. Хотя вторая цифра и превосходит первую, однако она явно не отражает действительного количества суперэклибрисов в тех фондах, поэкземплярный просмотр которых оказался невозможен по условиям хранения книжных памятников²².

Что же касается основного корпуса выявленных геральдических суперэклибрисов (1491), то необходимо пояснить, что среди этих суперэклибрисов (особенно среди полученных при поэкземплярном просмотре), значительное число знаков было выявлено в нескольких экземплярах; причем некоторые из них (по большей части, как выяснилось при их исследовании, принадлежавшие крупным немецким коллекционерам XVIII столетия, чьи книжные собрания попали после 1945 года в библиотеки СССР) — в значительном количестве.

Перед началом непосредственной работы с суперэклибрисами (их атрибуции и описания) из числа 1491 были изъяты все повторения одних и тех же знаков. Таким образом, в результате у нас осталось 462 уникальных типа геральдических суперэклибрисов, готовых для дальнейшего исследования.

²² Возможно, хранители отмечали лишь экземпляры в особых переплетах, либо не отмечали повторяющихся суперэклибрисов, а регистрировали лишь одну книгу с одним конкретным типом геральдического суперэклибриса. Так или иначе, поэкземплярный просмотр предоставляет иные количественные соотношения книг с суперэклибрисами относительно объема книжного фонда.

ГЛАВА II

ТИПОЛОГИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ СУПЕРЭКСЛИБРИСА

Из-за отсутствия в литературе по данному вопросу четких определений, которые зафиксировали бы типологические характеристики суперэкслибрисов, до сих пор типология и терминология этого явления не были приведены в надлежащее для исторического источника или памятника декоративно-прикладного искусства состояние. Сложившаяся при изучении суперэкслибрисов терминологическая размытость и неопределенность, наблюдающаяся в отечественной историографии, является отражением не менее сложного состояния типологии и терминологии суперэкслибрисов, характерной для западноевропейской науки.

Эта хаотичность, архаичная для современного развития научной мысли, имеет свои объективные причины и происходит из-за того, что суперэкслибрис, зародившись в Европе на заре книгопечатания, распространился во многих странах Европы, причем практически в каждой из европейских стран он получил неодинаковое развитие и приобрел специфические особенности (под влиянием как национальной геральдики, так и прочих факторов). Именно поэтому в конце XIX века — когда суперэкслибрис получил окончательное признание как предмет коллекционирования и историко-культурный феномен — оказалось невозможным привести его к общеевропейской терминологии или типологии. Обстоятельство это отнюдь не способствовало его дальнейшему изучению.

Оказалось даже, что термин «суперэкслибрис» до недавнего времени вообще отсутствовал в принятой для этого явления лексике некоторых европейских стран — в том числе во Франции, хотя именно в этой стране суперэкслибрисы получили наибольшее распространение, именно в этой стране родилась мода на их коллекционирование, и именно в этой стране они в XX веке были наиболее полно каталогизированы.

Понятие «суперэкслибрис» до последнего времени не употреблялось ни во французской, ни в английской научной литературе.

Во Франции понятие суперэкслибрис входит составной частью в большую общность явлений, определяемых как *reliure aux armes* — переплет с гербом, без специального пояснения — непосредственно суперэкслибрис ли это, либо украшение переплета или издательский знак в виде герба; но, несомненно, именно книги с геральдическими суперэкслибрисами составляют наибольшую часть «переплетов с гербами». Этим обстоятельством объясняется и то, что первый каталог суперэкслибрисов, изданный во Франции в 1870 году Жоаннисом Гигаром, назывался «*Armorial du bibliophile*»¹ («Гербовник библиофила»), куда автор поместил как геральдические, так и иные типы суперэкслибрисов.

Изданный позднее наиболее полный справочник французских суперэкслибрисов также продолжил эту терминологическую традицию: он называется «*Manuel de l'amateur de reliures armoriees francaises*»² («Пособие для любителей французских гербовых переплетов»). Отдельную категорию французских книг с суперэкслибрисами составляют переплеты, на которых вытиснены сочетания литер или же вензель владельца, и именуются они *reliure au chiffre* — переплет с шифром, однако большая часть таких шифров вошла в состав указанных каталогов.

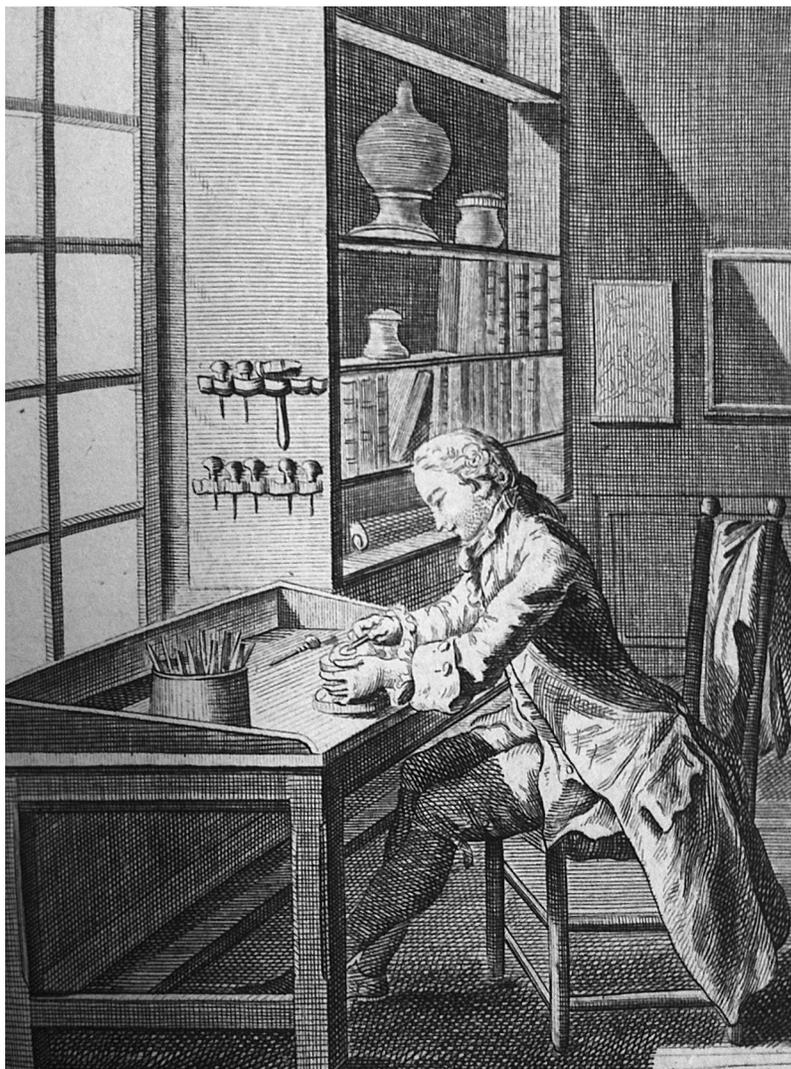
При этом, термин суперэкслибрис (*super-libris*) также изредка встречается во французской литературе по книговедению и книгопродавческих каталогах, но обозначаются им лишь те знаки, которые не являются ни геральдическими суперэкслибрисами, ни шрифтовыми инициалами, поскольку во Франции указание *reliure aux armes* — каноническое для определения переплетов с геральдическими суперэкслибрисами, а *reliure au chiffre* — с инициалами.

В Англии термин суперэкслибрис также применяется лишь в последние годы, поскольку традиционно, когда в английской литературе приводится описание переплета с геральдическим суперэкслибрисом, равно как с любым гербом — города, государства или частного лица, — то после указания выходных данных книги отмечается и наличие на ее переплете *coat of arms*, то есть собственно герба.

Еще в конце XIX века английский исследователь Уильям Флетчер пытался уйти от такого общего обозначения и установить для английских суперэкслибрисов специальный термин: свою статью

¹ *Guigard J. Armorial du bibliophile*. P. 1–2. Paris, 1870–1873.

² *Olivier E., Hermal G., Roton R. Manuel de l'amateur de reliures armoriees francaises*. Paris, 1924–1935.

X

Резчик печатей за работой
Гравюра Бенуа-Луи Прево (1735–1804)

1897 года о суперэкслибрисах он назвал «English armorial book-stamps and thier owners» («Английские гербовые книжные штампы и их владельцы»)³. Вслед за ним в 1909 году Кирилл Давенпорт, автор единственного каталога английских суперэкслибрисов, назвал свой труд «English Heraldic Book-stamps»⁴ («Английские геральдические книжные штампы»).

Однако, термин book-stamps также имеет достаточно широкое смысловое значение, а распространившиеся в огромных масштабах с начала XX века библиотечные каучуковые штампы дискредитировали его и сделали неприемлемым для обозначения суперэкслибрисов; по этим причинам укорениться в литературе вопроса этот термин так и не смог.

Страной, где латинский термин «суперэкслибрис» впервые стал применяться для обозначения владельческих знаков, выполненных на поверхности книжного переплета посредством тиснения, стала Германия. Именно в немецкой книговедческой литературе рубежа XIX–XX веков этот термин находит должное применение, тем самым еще раз подтверждая национальную черту немцев — строгость и аккуратность во всем, в том числе и в вопросах научной терминологии. В немецкой традиции термин «суперэкслибрис» имеет два варианта написания — собственно *superexlibris*, а также *supralibros*, причем второй вариант написания получил даже несколько большее распространение и в настоящее время является в немецком языке основным.

Именно из Германии и немецкой научной литературы термин «суперэкслибрис» был перенят другими странами, прежде всего ее северными соседями — Данией и Швецией, а в начале XX столетия был введен В.А. Верещагиным и в России⁵.

И хотя термин «суперэкслибрис» заметно более емкий, нежели «переплет с гербом», вопросы их принципиального различия совершенно туманны и не отражены в литературе, терминологическое же разнообразие в научных языках разных стран не только вносит серьезную путаницу в литературу по этой теме, но, прежде всего, свидетельствует о недостаточной разработанности типологии суперэкслибрисов. Единственная дифференциация, которая намечена в книговедческой традиции некоторых стран, — отделе-

³ Fletcher W.Y. English armorial book-stamps and thier owners // *Bibliographica: Papers on books their history and art*. Vol. III. Part. XI. London, 1897. P. 309–343.

⁴ Davenport C. J. H. *English Heraldic Book-stamps*. London, 1909.

⁵ С.А. Мухин в своем докладе «Русский суперэкслибрис», сделанном в ЛОЭ 2 января 1924 г., упоминал об этом: «Термин „super-exlibris“, введенный В.А. Верещагиным» (Летопись ЛОЭ // Труды ЛОЭ. Л., 1924. Вып. II–III. С. 6).

ние геральдических суперэклибрисов от шрифтовых. Однако этого совершенно недостаточно, поскольку остаются без толкования многие другие типы суперэклибрисов — государственные и городские гербы на переплетах, символы учебных заведений и прочие, без принятия четкой типологии которых невозможно научное исследование ни каждого типа суперэклибрисов в отдельности, ни всего феномена в целом.

Прежде чем перейти к вопросу типологии и терминологии суперэклибрисов, еще раз скажем, что термин «суперэклибрис» обозначает совокупность различных типов книговладельческих знаков, нанесенных на книжные переплеты посредством горячего тиснения металлическим штампом-матрицей.

Расположение суперэклибриса на книге

Прежде всего стоит оговорить локализацию суперэклибриса: он может располагаться на различных частях книжного переплета, но где бы на переплете ни был вытиснен знак собственности книговладельца — он является суперэклибрисом.

Наибольшее распространение получила традиция расположения суперэклибриса в центральной части верхней крышки переплета (в первую очередь, это относится к геральдическим суперэклибрисам). Также весьма часто суперэклибрис наносится не только на верхнюю, но и на нижнюю крышку книжного переплета; суперэклибрис может располагаться в углах крышек переплета, выполняя вместе со знаком книговладения декоративную функцию: это традиционно либо фрагменты герба владельца, либо — намного чаще — его вензель.

Корешок книжного переплета также может нести на себе суперэклибрис. Если в XVII–XVIII веках суперэклибрисы на корешках книжных переплетов не были привычными и чаще всего состояли только из вензеля — «шифра» владельца, то в первой половине XIX века книговладельцы всё чаще заказывают тиснение геральдических суперэклибрисов на корешках своих книг; во второй же половине XIX века особенную популярность приобретают и суперэклибрисы в виде инициалов, которые тиснятся в нижней части корешка.

Описанная эволюция — перемещение суперэклибрисов с крышек на корешок — вполне объяснима. В XIX столетии печатная книга, благодаря возрастающим тиражам и снижению стоимости одновременно с повышением числа читающей публики, уже перестала быть достоянием обеспеченных слоев населения и оказалась

намного более доступной рядовому читателю. Это отразилось и на книжном переплете, к которому предъявлялись уже иные требования: он должен был быть, прежде всего, доступным, что стало причиной попыток удешевления его изготовления. Именно поэтому в XIX столетии общеупотребительный ранее кожаный переплет повсеместно вытесняется так называемым составным — полукожаным переплетом, где кожей покрывались только уголки крышек и корешок, а крышки оклеивались цветной бумагой.

Поскольку тиснение металлической матрицей по коже значительно декоративнее, технологически проще, да и намного долговечнее, нежели по бумаге или картону, то изменение технологии книгопереплетного дела стало причиной перемещения суперэклибрисов с переплетных крышек на корешок. Кроме того, штамп-матрица для тиснения геральдического суперэклибриса на корешке намного меньше, а, соответственно, и дешевле в резьбе и тиснении, нежели штамп-матрица для тиснения на крышке переплета. Одновременно суперэклибрис даже заметнее — он оказывается виден тогда, когда книга покоится на полке книжного шкафа. К тому же, для нанесения на корешок книги в качестве суперэклибриса инициалов или фамилии книголадельца переплетчик вообще не нуждался в специальном штампе-матрице, а пользовался литерами и из своей наборной шрифтовой кассы.

Крышками и корешком книжного переплета ограничиваются традиционные места локализации суперэклибриса. Правда, встречаются суперэклибрисы, состоящие из инициалов или даже полной фамилии владельца, вытисненные на дублюре — отвороте кожи по борту внутренней стороны переплетной крышки, там где иногда располагаются золототисненные подписи мастеров-переплетчиков. Суперэклибрис в таком виде (на этой части переплета) представляет собой исключительное явление, а примеры таковых единичны. Первым библиофилом, который стал таким образом помечать книги своей библиотеки, был торговец лесом и знаменитый французский собиратель Поль Жирардо де Префон (?–1765?). Возможно, причиной появления у него такого суперэклибриса явилось отсутствие у него дворянского достоинства, и, соответственно, личного герба.

Единственным русским владельцем такого знака, который заказывал петербургскому переплетчику А.А. Шнелю тиснение суперэклибриса в виде своей фамилии на дублюре книжного переплета, был известный русский библиофил, старообрядец поморского согласия Максим Екимович Сеницын (1864–1934).

Еще раз подчеркнем, что случаи, когда вытисненная на дублюре фамилия представляет собой именно суперэкслибрис, то есть знак книговладения, действительно являются исключительными и могут быть легко спутаны с более частым, даже традиционным явлением: начиная с конца XVIII века (а в наибольшем своем распространении в середине XIX — начале XX века) именно на дублюре ставили таким же образом свою собственную фамилию сами переплетчики, подписывая таким образом свое произведение. Такими подписями переплетчиков обычно помечены высокохудожественные цельнокожаные переплеты XIX — начала XX века, особенно французские⁶.

Кроме описания тех частей книжного переплета, где может быть вытиснен суперэкслибрис, необходимо оговорить сразу, что традиционно европейская наука не рассматривает в качестве суперэкслибриса: это декоративная ручная роспись на обрезах особых экземпляров книг, получившая некоторое распространение в XVI–XVIII веках в немецких землях; это металлические накладки или живописные вставки с гербами или символами тех лиц, которым книги были предназначены. Причиной, по которой такие явления традиционно рассматриваются лишь в контексте истории переплетного, изобразительного или декоративно-прикладного искусства, но отнюдь не как суперэкслибрисы, состоит в том, что все они носят единичный характер и не являются книжными знаками. Тогда как суперэкслибрис, наносимый на книжный переплет посредством латунного штампа-матрицы, заведомо предназначен для неоднократного использования и изначально представляет собой знак книговладения (*super ex-libris*).

Типология суперэкслибриса

Поскольку суперэкслибрисы разнообразны по своему виду, то для их изучения необходима систематизация по типам и принятие соответствующей каждому типу терминологии, поскольку иначе невозможно ни их изучение, ни объективная научная оценка.

⁶ В XVIII веке многие знаменитые французские переплетчики — такие как Никола-Дени Дером младший (1731–1788) — пользовались специальными этикетками, которые они наклеивали на внутреннюю сторону верхней крышки переплета, в нижнем углу у корешка; такая традиция встречается и в России на рубеже XIX–XX веков (наиболее характерным в этом плане является московский мастер А.П. Петцман). Что касается тиснения на дублюре или корешке подписи переплетчика, то это вошло в традицию благодаря французским мастерам Ф. Бозериану и Р. Симье, в России на рубеже XIX–XX веков это практиковали мастера французского происхождения Ю. Мейер и Э. Ро.

Геральдический суперэкслибрис

Наиболее известным типом суперэкслибриса является геральдический. Как и следует из названия, причиной отнесения суперэкслибриса к этому типу служит наличие в его изображении герба или геральдических фигур.

Наиболее многочисленными и перспективными с точки зрения использования в качестве исторического источника являются геральдические суперэкслибрисы частных лиц. Во Франции — стране наибольшего их распространения — количество таких превышает три тысячи.

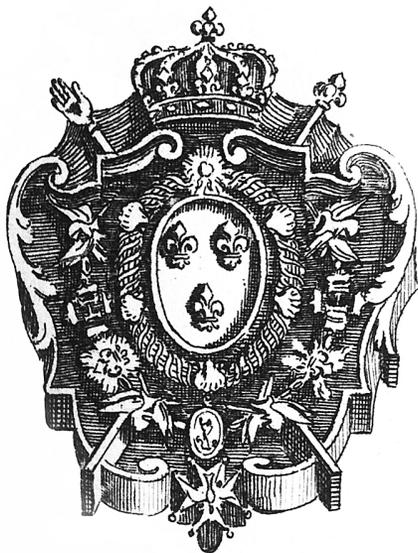
Типологически к геральдическим суперэкслибрисам относятся и суперэкслибрисы с личными или фамильными гербами представителей правящих династий — императоров, царей, королей, курфюрстов, герцогов и т.д. В европейской научной традиции эти суперэкслибрисы традиционно рассматриваются обособленно от геральдических суперэкслибрисов частных лиц и составляют специальные разделы в каталогах европейских суперэкслибрисов⁷, что вполне оправданно. Именно поэтому геральдические суперэкслибрисы с гербами правителей или правящих фамилий составляют отдельный тип — суперэкслибрисы монархов, характеристика которого будет помещена ниже.

Несмотря на то, что геральдические суперэкслибрисы легко могут быть отнесены к своему типу, до сих пор остается нерешенным вопрос отделения собственно суперэкслибрисов (знаков книговладения) от гербов, нанесенных на книжные переплеты в качестве декоративно-художественного элемента (назовем их «издательские суперэкслибрисы»).

Именно сложность решения этой проблемы объясняет то обстоятельство, что во многих странах Европы до сих пор находится в употреблении термин «переплет с гербом». Этот термин не может ввести в заблуждение, поскольку является всеобъемлющим, но, с другой стороны, он оставляет открытой проблему дифференциации. А без ее разрешения невозможно полноценное использование геральдического суперэкслибриса в качестве исторического источника.

Таким образом, вопрос издательских знаков требует типологической дифференциации и характеристики, почему и составляет специальный раздел предлагаемой типологии.

⁷ *Guigard J. Nouvel armorial... T. I. Paris, 1890. P. 1–84; Olivier E., Hermal G., Roton R. Manuel... Series 25–27. Paris, 1934–1935.*

XI

Штамп-матрица суперэклибриса короля Людовика XV
Гравюра Робера Бенара (1734–1786)

XII

Штамп-матрица суперэклибриса Московского университета
2-я половина XVIII в.

Шрифтовой суперэкслибрис

Этот тип суперэкслибриса включает владельческие знаки, состоящие из инициала (инициалов) книговладельца или из полного начертания его фамилии. Такие суперэкслибрисы в разных источниках именуются также литерными, вензелевыми (вензельными), и, наконец, «шифрами».

Поскольку в основе этих суперэкслибрисов лежат знаки письменности, а именно шрифт, который является устойчивой формой знаков письменности, то такой тип суперэкслибрисов следует именовать шрифтовым.

В отличие от геральдических суперэкслибрисов, претерпевших за свою историю вполне традиционную эволюцию (зарождение в XV веке, распространение на протяжении XVI — первой половины XVII, расцвет во второй половине XVII — XVIII веке и затем медленное угасание), шрифтовой суперэкслибрис имеет два пика своего развития. Первый — в XVI веке в немецких землях, когда большое число переплетов снабжалось начальными буквами титула и имени книговладельца (преимущественно на переплетных крышках). После этого шрифтовой суперэкслибрис на протяжении двух с половиной веков играл второстепенную роль, существуя в значительно меньших масштабах, нежели геральдический суперэкслибрис, а часто дополняя его: большинство шрифтовых суперэкслибрисов начала XVII — первой половины XIX века лишь сопровождают геральдические.

Новый расцвет шрифтовых суперэкслибрисов начался с распространением в XIX веке полукожаных переплетов и доступностью книг массовому читателю, почему на корешках многих переплетов при изготовлении мастера ставили инициалы заказчика, являющиеся таким образом шрифтовым суперэкслибрисом.

Шрифтовые суперэкслибрисы XIX — начала XX века, в отличие от ранних, намного более многочисленны, но имеют качественное отличие, которое умалывает их значение в качестве исторического источника. Дело в том, что большая часть шрифтовых суперэкслибрисов более раннего времени (речь идет о вензелях или монограммах) наносилась на книжные переплеты не посредством набора литер из шрифтовой кассы переплетчика, а предварительно вырезались мастерами в виде специального латунного штампа, подобно геральдическим суперэкслибрисам, — таковы и знаменитые шрифтовые суперэкслибрисы библиотек Фридриха Великого⁸ и многие другие. Что же касается знаков более позднего времени, то абсолютное их

⁸ *Bogeng G.A.E. Die grossen Bibliophilen... Bd. II. Leipzig, 1922. Abb. 180–181.*

большинство вытиснено на переплетах (почти всегда на корешках) именно набором из шрифтовой кассы переплетчика, и преимущественно шрифтом того же начертания, что и заглавие.

Таким образом, шрифтовые суперэклибрисы, вытисненные на поверхности книжного переплета посредством одного резного латунного штампа, имеют одинаковый оттиск и даже могут отмечаться на книгах, которые переплетались несколькими переплетчиками для одного книговладельца на протяжении некоторого времени, вплоть до нескольких десятков лет, что является несомненным доказательством принадлежности этих книг одному владельцу.

Что же касается шрифтовых суперэклибрисов, нанесенных на поверхность книжного переплета посредством набора из шрифтовой кассы, то лишь в исключительных случаях они представляют собой начертание фамилии полностью: таковы, например, кроме уже упоминавшихся выше шрифтовых знаков, помещенных на дублюре, шрифтовые суперэклибрисы двух знаменитых русских историков — Н.К. Шильдера и М.И. Семевского, нанесенные на корешки книг их личных библиотек.

Большинство же шрифтовых суперэклибрисов XIX — начала XX века (как в Европе, так и в России) представляют собой вытисненные на корешке книжного переплета инициалы книговладельца и состоят из двух литер — начальных букв его имени и фамилии. Поскольку почти всегда они выполнены посредством тиснения шрифтом из арсенала шрифтовой кассы переплетчика, атрибуция их возможна исключительно в тех случаях, когда кроме самого такого шрифтового суперэклибриса на книге имеются дополнительные владельческие знаки. Такими дополнительными владельческими знаками могут быть владельческие записи, инскрипты, или же обычные печатные эклибрисы. То есть шрифтовой суперэклибрис «П.Е.», довольно часто встречающийся на корешках полукожаных переплетов второй половины XIX века, лишь при наличии владельческих записей или печатного эклибриса может быть атрибутирован как суперэклибрис знаменитой библиотеки П.А. Ефремова. Точно так же не о каждой книге, имеющей на корешке шрифтовой суперэклибрис «В.Б.» можно сказать, что она принадлежала В.Г. Белинскому, хотя большинство книг библиотеки писателя были снабжены именно таким суперэклибрисом (часть из них сохраняется единым комплексом в музее И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново»)⁹.

⁹ Библиотека Белинского / Предисл. и публ. Л. Ланского // Литературное наследство. М., 1948. Т. 55: Белинский, т. I. С. 443.

То есть шрифтовой суперэклибрис, в отличие от геральдического, не всегда может являться бесспорным источником для утверждения о принадлежности нескольких книг с одинаковыми суперэклибрисами одному конкретному книголадельцу.

Сюжетный суперэклибрис

Суперэклибрисы, которые не являются геральдическими или шрифтовыми, относятся к третьему основному типу суперэклибрисов — сюжетному. К этому типу относятся знаки, рисунок которых состоит из изображений фигур человека и животных, или архитектурных, декоративных, растительных мотивов, равно как и других декоративных изображений, отражающих вкусы, увлечения или профессиональную направленность книголадельца.

Из трех основных типов суперэклибриса — геральдического, шрифтового и сюжетного — последний является наименее распространенным. Отчасти это объясняется тем обстоятельством, что на протяжении существования суперэклибриса использование его оставалось, за исключением шрифтовых суперэклибрисов в XIX — начале XX в., прерогативой дворянской или религиозной знати, почти все представители которой имели собственный герб, а потому и заказывали в абсолютном большинстве случаев геральдические суперэклибрисы.

Чаще всего сюжетные суперэклибрисы использовались теми, кто не имел своего герба. Например, французский исследователь Ж. Гигар воспроизводит в своем каталоге сюжетный суперэклибрис французского фабриканта, политика и библиографа Анри Терно-Копана, изображающий голову барашка, и объясняет такой необычный суперэклибрис тем обстоятельством, что владелец его внес значительные усовершенствования в технологию обработки шерсти¹⁰.

Смешанный тип

Смешанный тип суперэклибриса характеризуется сочетанием двух или даже всех трех основных типов суперэклибрисов. В действительности, такие сочетания не столь часты, а встречающиеся образцы их традиционно неравнозначны, то есть тяготеют либо к одному, либо к другому типу. Как типичный пример этого — геральдический суперэклибрис А.Р. Баташева¹¹ (илл. 55, с. 203).

¹⁰ Guigard J. Armorial... T. 2. Paris. 1870–1873. P. 212.

¹¹ Верещагин В.А. Указ. соч. С. 15.

Намного чаще встречаются книги, на которых соседствуют несколько суперэкслибрисов одного и того же владельца: на верхней крышке геральдический, а на нижней — шрифтовой. Но поскольку они могут использоваться и по отдельности, то не следует их считать смешанным типом суперэкслибриса, а числить как два разных знака — геральдический и шрифтовой, но оговаривая возможность их сочетания.

Также нередко в шрифтовом суперэкслибрисе может присутствовать геральдический элемент — корона; однако, в данном случае уже корона является дополнительным элементом, подчеркивающим достоинство владельца, и такой суперэкслибрис может быть рассмотрен в контексте шрифтовых суперэкслибрисов. Исключением являются знаки монархов, составляющие следующий тип.

Суперэкслибрисы монархов

Знаки монархов и членов их фамилий в большинстве случаев выполнены на высоком художественном уровне, декоративны и часто представляют собой настоящие произведения искусства. Традиционно суперэкслибрисы монархов пользовались повышенным вниманием и всегда служили украшением как музейных экспозиций, так и книжных распродаж. Чаще они геральдические, но встречаются и шрифтовые, которые иногда сопровождают геральдические, а иногда и употребляются отдельно, наиболее часто — в виде коронованных вензелей. В XIX столетии, когда придворные библиотеки стали достигать серьезных размеров — во много десятков тысяч томов — в употребление вошли шрифтовые суперэкслибрисы, преимущественно на корешках книг, которыми отмечались вновь поступающие тома.

Суперэкслибрисы монархов, в силу своей декоративности, привлекли интерес исследователей раньше, нежели суперэкслибрисы частных лиц, а каталогизация их чаще производится отдельно от прочих знаков. Вместе с тем, суперэкслибрисы монархов представляют собой специфическую группу, научное изучение которой сопряжено с рядом серьезных трудностей. Это происходит потому, что почти всегда герб монарха был не только его личным гербом, но и государственным гербом его владений; таким гербом могли украшаться государственные документы, предметы дворцового обихода, фронтоны зданий, наконец, книжные переплеты.

Именно в силу такой широкой общеупотребительности монарших гербов, далеко не все они, нанесенные на книжные переплеты,

могут считаться собственно книжными знаками — то есть суперэклибрисами. Когда такой знак вытиснен на книге из личной библиотеки монарха, то, несомненно, этот герб на переплете является геральдическим суперэклибрисом. Когда же этот герб наносится на переплеты книг, выходящих из придворной типографии и раздающихся придворным сановникам или посылаемых в подарок другим дворам, или же просто такой герб украшает особую часть тиража изданий придворной типографии, то вряд ли к такому вытисненному гербу подходит название суперэклибрис — ведь нанесен он не в качестве знака книговладения, а в качестве государственного символа или декоративного элемента оформления книжного переплета.

Как говорилось выше, вопрос такого разделения в европейской традиции никак не разрешен, поскольку в большинстве случаев все геральдические знаки объединяются понятием «переплет с гербом». В России же, ввиду очевидной нецелесообразности именования суперэклибрисом знака, не являвшегося в действительности символом книговладения (собственности), еще в начале XX века было введено понятие «издательский суперэклибрис». Поскольку это понятие применяется не только к суперэклибрисам монархов, но и к другим знакам, то так называемые издательские суперэклибрисы выделены в отдельный тип принятой типологии.

Суперэклибрисы учреждений и ведомств

Заметное место в корпусе суперэклибрисов занимают знаки учреждений и ведомств. К этому типу относятся суперэклибрисы публичных и ведомственных библиотек, библиотек учебных заведений (университетов, академий, коллежей), библиотек религиозных организаций (орденов, конгрегаций, иезуитских коллегий, монастырей) и прочих организаций совершенно различного направления и подчинения.

Если в Западной Европе суперэклибрисы этого типа уже в XVI–XVII веках получили большое распространение (особенно их много у библиотек различных заведений ордена иезуитов), то в России образцы суперэклибрисов этой группы встречаются преимущественно в XIX–XX веках, причем в большинстве случаев уже в виде шрифтовых суперэклибрисов.

Дополнительная сложность в изучении суперэклибрисов ведомственных библиотек состоит в том, что они могли отмечаться знаками, напоминающими суперэклибрисы монархов. К приме-

XIII

XIV

Штампы-матрицы суперэклибрисов для «загербования» книг Академической библиотеки, вырезанные мастером Я.И. Рябининым в 1800 году (малый и большой варианты, с ручками)

ру, прусский король и знаменитый библиофил XVIII века Фридрих Великий употреблял для своих личных библиотек несколько различных суперэкслибрисов, тогда как для государственного собрания — Берлинской королевской библиотеки — применялся специальный шрифтовой суперэкслибрис, состоящий из вензеля «FR» под королевской короной¹².

«Издательские суперэкслибрисы»

Завершает настоящую типологию раздел так называемых издательских суперэкслибрисов. Определение «издательский суперэкслибрис» обособляет согласно предлагаемой типологии еще одну, причем весьма обширную, группу тисненых посредством металлического штампа-матрицы знаков, которые хотя и напоминают внешне суперэкслибрисы, в действительности таковыми не являются. «Издательские суперэкслибрисы», несомненно, имеют самостоятельное значение, однако в контексте исследования владельческих знаков — суперэкслибрисов — они могут своим присутствием под видом знаков книговладения не только исказить источниковую базу исследования, но и сделать несостоятельными его выводы.

Как можно понять из предварительных упоминаний, так называемый издательский суперэкслибрис имеет своей целью отнюдь не демонстрацию непосредственно собственности его владельца, а украшение переплета; подавляющее большинство таких «издательских суперэкслибрисов» — геральдические и представляют собой гербы монархов или сановников. Причем нередки случаи, когда для тиснения на переплете владельческого суперэкслибриса и «издательского суперэкслибриса» употребляется один и тот же латунный штамп-матрица. Из последнего указания становится очевидным, насколько порой сложен вопрос дифференциации таких знаков.

Наиболее характерными примерами, которые встречаются практически в каждом крупном книгохранилище Европы, являются издания Королевской типографии в Париже XVII–XVIII столетий — «Королевский альманах» и «Службы Страстной седмицы», на переплетах которых почти всегда присутствует вытисненный золотом герб того французского монарха, которому хронологически соответствует год издания конкретного экземпляра. Вполне очевидно, что такой герб воспринимается в качестве геральдиче-

¹² Teitge H.E. Ruckenverzierungen und superexlibris an altern bestanden der deutschen staatsbibliothek // Marginalien: Heft 48. Berlin, 1972. S. 19–27.

ского суперэклибриса, тогда как в действительности представляет собой наиболее типичный образец так называемого издательского суперэклибриса. Такие гербы присутствуют на значительной части тиража указанных изданий, поскольку печатались они в придворной Королевской типографии и распределялись среди придворных (такая традиция даже породила в конце XIX века моду среди французских библиофилов — собирать ежегодно издававшиеся альманахи с королевскими гербами).

То же самое можно сказать о многих других изданиях Королевской типографии в Париже — со времени ее основания в 1640 году на значительной части вышедших из под ее станов книг, особенно если речь идет об особой части тиража, были вытиснены королевские гербы. Знаменитое издание этой типографии — многотомное цельногравированное издание «Cabinet du Roi» — почти всегда имеет на своих крышках гербы французских монархов.

Одновременно многие книги XVII–XVIII веков из библиотек французских королей, сохраняющиеся ныне в Национальной библиотеке в Париже, имеют геральдические суперэклибрисы французских монархов (в полном смысле слова суперэклибрисы — как книговладельческие знаки), вытисненные теми же металлическими штампами-матрицами, что и «издательские суперэклибрисы» на многочисленных экземплярах изданий Королевской типографии.

В России мы также можем встретить образцы того, как одним и тем же штемпелем наносился и владельческий и издательский знак — например, геральдический суперэклибрис графа Дмитрия Николаевича Мавроса (1820–1896), который употреблял его не только для нанесения на экземпляры своего библиофильского собрания, но и украшал таким же суперэклибрисом печатные каталоги собственной библиотеки.

Встречаются также случаи, когда переплетчик использует суперэклибрис лишь в качестве украшения, тогда как ранее тот же штамп-матрица служил для нанесения суперэклибриса и остался в его кассе переплетных украшений и декоративных филет. В процессе работы с книжными фондами РГБ был выявлен очень любопытный пример такого рода — экземпляр гаагского издания книги Фридриха Великого «Анти-Макиавелли» 1741 года¹³ (илл. IV, с. 45). Он происходит из личной библиотеки автора — короля Фридриха II, — переплетен в сафьянный переплет голландской работы,

¹³ *Friedrich II. Examen du Prince de Machiavel, avec des notes historiques & politiques.* 3-me ed. T. I. La Haye, 1741. In-8-о. (МК РГБ, инв.№ XVIII-11745).

а на крышках его вытиснены два разных шрифтовых суперэкслибриса, один из которых короля Людовика XV, а другой — Фридриха Великого. Как оказалось, первый представляет собой украшение — «издательский суперэкслибрис», а второй — подлинный знак книговладения, шрифтовой суперэкслибрис библиотеки Потсдамского дворца Фридриха Великого. Конечно, этот пример исключительный, но очень показательный для сути вопроса.

Также к так называемым издательским суперэкслибрисам следует отнести гербы стран и монархий, вытисненные на книгах. В качестве примеров можно привести часто встречающиеся гербы Парижа (илл. V, с. 49) или Москвы на специальных экземплярах книг, посвященных этим городам.

Герб Утрехта, Амстердама (илл. VI, с. 49), Лейдена и прочих нидерландских городов часто встречается на книгах XVII–XVIII веков, поскольку такими книгами награждались за успехи в науках и благонаравие ученики учебных заведений этих городов — такие случаи также представляют собой так называемые издательские суперэкслибрисы.

Таким образом, все геральдические изображения, похожие внешне на суперэкслибрисы, но не являющиеся в действительности знаками книговладения, можно отнести к так называемым издательским суперэкслибрисам.

Если обратиться к российским реалиям, иллюстрирующим этот вопрос, то к знакам подобного типа можно отнести эмблему Московского печатного двора (лев и единорог), наносившуюся в качестве срединки на переплеты многих книг, выходивших из под станов Московской синодальной типографии. О такой практике упоминается уже в 1869 году: «Лев и единорог вместе весьма часто встречаются на царских утварях и т.п. Эта царская эмблема была в древнее время также и гербом государева Печатного двора, что видно <...> и из постоянного почти употребления ее на книжных переплетах, изготовлявшихся в типографии»¹⁴.

Таким же образом — как к так называемым издательским суперэкслибрисам — следует относиться и ко многим знакам (по преимуществу вариантам русского государственного герба), которые наносились на переплеты книг, выходивших в XVIII столетии из петербургских типографий — Академической и Сенатской.

Отдельно следует оговорить случаи, когда мы видим на книжном переплете вытисненный русский государственный герб, но переплет безусловно европейской работы — такие экземпляры

¹⁴ Румянцов В. С. Древние здания Московского Печатного Двора. М., 1869. С. 10, 55.

присылались из-за границы в качестве подарка русским императорам и императрицам, и они как раз снабжены так называемыми издательскими суперэклибрисами. Особенным отличием этих «суперэклибрисов» (большая часть из таких экземпляров — французской работы) служат заметные геральдические ошибки, обусловленные не столько незнанием русской геральдики (для уточнения деталей изображения было достаточно взглянуть на монету или гравированный портрет с императорским гербом), сколько отсутствием у переплетчиков необходимых инструментов для тиснения. Самой характерной ошибкой является покрытие российского герба (двуглавого орла) не императорской, а королевской короной, поскольку в арсенале французских королевских переплетчиков не было иной филеты для тиснения¹⁵.

Таким образом, так называемые издательские суперэклибрисы представляют собой довольно многочисленную группу, также нуждающуюся в изучении.

¹⁵ *Korolev S.V.* French books with Catherine II's coat of arms from the former Hermitage library // *Cahiers du Monde russe*. Paris, 2006. 47/3, Juillet-Septembre. P. 659–666; *Королев С.В.* Книги с «суперэклибрисами» императрицы Екатерины II из собрания бывшей Эрмитажной иностранной библиотеки. Часть I. // «Про книги»: Журнал библиофила. М., 2007. № 3. С. 112–118; То же. Часть II // «Про книги»: Журнал библиофила. М., 2008. № 3. С. 109–114.

ГЛАВА III

МАСТЕРА И ОБРАЗЦЫ

Важным в контексте исследования является вопрос о мастерах, которые изготавливали штампы-матрицы для тиснения суперэкс-либрисов; тем более, что ни в зарубежной, ни в отечественной литературе этот вопрос не изучен вовсе. Изготовлением латунных штампов занимались не переплетчики, не ювелиры, а «резчики по металлам и твердым камням», основной деятельностью которых было изготовление печатей; если же речь идет о высокохудожественных образцах — таковые выполнялись как резчиками медальных и монетных штемпелей, так и пунсонными мастерами. В целом же, изготовлением латунных штемпелей занимались чаще всего не собственно художники, а ремесленники; причем, если даже выдающиеся медальеры не всегда ставили свои инициалы на резанных ими медальных и монетных штемпелях, то ремесленники, как и в случае с латунными и стальными печатями под сургуч, вовсе не оставляли своих подписей.

Единственный известный нам случай, когда непосредственно на суперэкслибрисе имеется подпись резчика, — геральдический суперэкслибрис президента Берлинской Академии наук Пьера-Луи-Моро де Мопертюи (1698–1759), вырезанный прусским мастером, подписавшимся на декоративном колечке в нижней части рокайльной рамки Ullisch¹ (илл. VII, с. 49).

Еще раз подчеркнем, что переплетные мастера практически никогда не занимались изготовлением инструментов для собственного ремесла: латунных штампов, филет, рóлей и прочих подручных инструментов для горячего тиснения — они их либо получали по наследству, либо заказывали у резчиков по металлу, причем зачастую выписывали их из других городов или даже стран.

¹ На книге: *Oeuvres d'Ovide*. Т. I–II. S.l., Edition Royale, 1750. –12-о. (Музей-усадьба «Архангельское», инв. №№ 8323–8324.) Экземпляр выявлен Е.В. Дружининой, суперэкслибрис атрибутирован и воспроизведен в кн.: *Дружинин П.А. Книги Фридриха Великого...* М., 2004. С. 224.

Соответственно, если суперэклибрис вытиснен на переплете, на котором имеется подпись или ярлык переплетчика, то этот переплетчик не может рассматриваться как изготовитель штампа для суперэклибриса. Также нужно учитывать то обстоятельство, что владелец суперэклибриса, заказывая штамп-матрицу, хранил его впоследствии у себя и расставался с ним лишь на время, отдавая какому-либо переплетчику книги в работу, и получал назад вместе с переплетенными книгами.

Доказательств этому мы нашли множество. Например, в фонде Голицыных в РГАДА отложился счет переплетчика Василия Чернявского, поданный 24 декабря 1789 года вице-канцлеру, известному любителю изящных искусств и библиофилу князю А.М. Голицыну (1723–1807). В этом счете, перечисляя выполненную работу, мастер отдельно указывает, что из всех переплетенных по заказу князя книг «на семь книг поставлены гербы»². Переплетчикам Академической библиотеки в конце XVIII века выдавались латунные штампы для «загербования» переплетов академических книг. А пример более позднего времени — выдача переплетчикам под расписку латунных штампов суперэклибрисов придворной библиотеки Николая II, зафиксированная в «Книге пропусков для лиц, выходящих из Собственных его императорского величества библиотек с какими-либо предметами» за 1908–1914 год, сохраняющейся в архиве Государственного Эрмитажа³.

Что касается самих латунных или медных штампов, посредством которых суперэклибрисы наносились на поверхность книжных переплетов, то они сохранились в единичных экземплярах, поскольку обстоятельства совершенно не способствовали их сбережению: внешне они имеют вид слесарного инструмента, отнюдь не декоративного, к тому же подверженного коррозии; да и цветной металл, из которого они сделаны, традиционно был дорог и шел в переплавку, когда надобность в таких инструментах отпадала.

Чтобы представить процесс изготовления штампа суперэклибриса и работу переплетчика, мы воспроизводим здесь несколько гравюр XVIII столетия. Прежде всего, это гравюры Шарля-Луи Симонно (1645–1728), на которых изображены как штамп суперэклибриса и позолотный пресс, посредством которого герб наносится на книжный переплет, так и сам переплетчик за золочением книжного переплета (илл. VIII–IX, с. 55, 61); гравюру Бенуа-Луи

² РГАДА. Ф. 1263 (Голицыны). Оп. 1. Д. 6187. Л. 195.

³ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 2. Оп. 14-б. д. 1 (1908).

Прево (1735?–1804) с изображением резчика печатей за работой (илл. X, с. 65), а также гравюру Робера Бенара (1734–1786) с изображением латунного штампа-матрицы геральдического суперэкслибриса французского короля Людовика XV (илл. XI, с. 71).

Несмотря на исключительную редкость штампов суперэкслибрисов, нам удалось выявить несколько образцов, которые отложились в государственных хранилищах: в библиотеке Государственного Эрмитажа сохраняется медный штамп шрифтового суперэкслибриса последнего русского императора, размером 24x14 мм; именно этот штамп выдавался петербургским переплетчикам, выполнявшим заказы для Собственных его императорского величества библиотек.

В Государственном Историческом музее ныне хранится латунный штамп геральдического суперэкслибриса императорского Московского университета, второй половины XVIII столетия (илл. XII, с. 71)⁴; в Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук мы смогли обнаружить сразу три штампа с изображением императорского герба, которые служили для «загербования» переплетов книг Академической библиотеки⁵. О последних стоит сказать особо.

Как свидетельствует Мальтийский крест, положенный позади двуглавого орла, суперэкслибрисы эти относятся к эпохе правления Павла I. Если два из них представляют собой государственный герб и различаются между собой лишь размером — 31x31 и 23x21 мм (илл. XIII–XIV, с. 77), то третий — это так называемый академический средник с гербом в центре (илл. XV, с. 85), размером 105x73 мм; различные вариации этого средника, близкие по декоративно-художественному решению, украшают переплеты многих академических изданий, начиная с 1720-х годов и вплоть до первой половины XIX века. Причем, как можно видеть при осмотре средника, имеющийся в центральном овале герб — двуглавый орел с Мальтийским крестом — впаян с центр штампа позднее; то есть если герб датируется павловским временем, то сам средник — более ранний, первой половины XVIII века, и именно этот средник (выполненный именно этим латунным штампом-матрицей) отмечен нами на переплетах XVIII столетия (илл. XVI, с. 85).

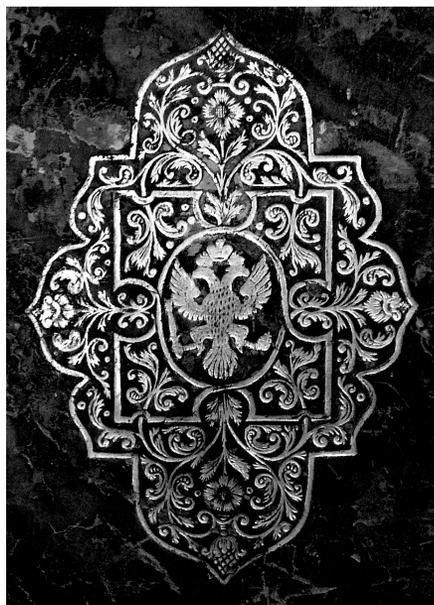
⁴ Воспр.: Магия книги: Собрание Государственного Исторического музея / Выставка 30 октября 2003 г. — 15 января 2004 г.: Альбом-путеводитель. М., 2003. С. 40.

⁵ СПФ АРАН. Разряд XI. Оп. 1. Е. х. 50, 51, 52.

XV

Штамп-матрица «академического» переплетного средника 1-й половины XVIII в., в который в 1800 г. был вмонтирован государственный герб нового образца

XVI

Оттиск «академического» средника в первоначальном состоянии, где государственный герб нанесен отдельным штампом

По документам Академической канцелярии удалось установить и некоторые подробности, касающиеся этих трех штемпелей. 10 декабря 1799 года Павел I подписал указ о включении в российский герб Мальтийского креста и короны, в результате чего в государстве началась процедура замены государственных печатей с гербом старого образца на новые. Такие изменения герба неминуемо должны были коснуться всех областей, где употреблялся государственный герб, — от монет и клейм гербовой бумаги до геральдических суперэкслибрисов. Так и произошло с гербами, которыми клеймились книги Академической библиотеки: 15 февраля 1800 года в журнале Академической канцелярии записано, что в ее заседании был заслушан «Репорт от надворного советника и библиотекаря Буссе, при коем представил три медные формы российского императорского герба, употребляемые переплетчиком Бейером для загербования академических книг, с тем, что не должны ли оные быть перелиты по новому данному высочайшим указом предписанию, и коль скоро Канцелярии заблагорассуждено будет, то дать кому следует к сделанию оных предписание», и было приказано «о сделании по новому предписанию оных гербов предписать мастеру Рябинину»⁶.

12 ноября Яков Рябинин представил рапорт о выполнении предписания Академической канцелярии, о чем также было записано в журнале:

«[Слушан] репорт мастера Рябинина, при коем представляя вырезанный в меди большой герб, по новой форме для загербования академических книг, доносит, что таковые ж малые два по вырезании отданы им переплетчику Бейеру; Приказали: представленный при сем для клеймения академических книг в меди вырезанный герб отдать с распискою переплетчику Бейеру, а прежде полученные от него мастером Рябининым три старые герба числить по Пунсонной палате расходом»⁷.

Именно эти, выполненные мастером Яковом Ивановичем Рябининым (?–1807) штемпели для «загербования книг» по новому образцу и сохранились в Академии наук.

Кроме того, в процессе работы над историей Пунсонной палаты Петербургской Академии наук⁸ оказалось возможным установить ряд других, также ранее неизвестных фактов для истории суперэкслибриса в России. Несмотря на то, что сведения об изготовлении

⁶ СПФ АРАН. Ф. 3 (Канцелярия АН). Оп. 1. Д. 574. Л. 268 об.

⁷ Там же Д. 575. Л. 561.

⁸ Эта работа в настоящее время готовится нами к печати.

суперэклибрисов в документах Пунсонной палаты случайны, поскольку, как следует из названия самого учреждения, основной задачей его было изготовление пунсонов для шрифтов Академической типографии, однако эти редкие свидетельства в контексте нашего исследования являются поистине драгоценными.

Отдельно оговорим и тот факт, что Пунсонная палата резала не только пунсоны или суперэклибрисы — она занималась и изготовлением украшений для академических изданий, штемпелей для таможни, печатей в казенные учреждения, личных печатей и т.д. По этой причине мы ниже перечисляем только те факты, которые относятся безусловно к суперэклибрисам.

Наиболее ранние работы, выполненные в Академии наук, зафиксированы нами под 1732 годом — еще в тот момент, когда пунсонные мастера не выделились в отдельную палату, а относились к Словолитной палате, мастером которой был известный резчик шрифтов (пунсонный мастер) и медальер Иоганн Купи (ок. 1688–1760). Именно в немецком рапорте Иоганна Купи от 1 января 1733 года в Канцелярию Академии наук, в котором он сообщал о работах, произведенных им и под его руководством в ноябредекабре минувшего 1732 года⁹, упоминается изготовление штемпелей для суперэклибрисов. В частности, он указывает, что были вырезаны в латуни три гербовых штемпеля: для графа Бурхарда-Христофора Миниха (1683–1767), графа Эрнста-Иоганна Бирона (1690–1772) и Германа-Иоганна Бонна (?–1744, в документе он указан как Bone) — генерала-лейтенанта русской службы и самого первого кавалера ордена Св. Александра Невского¹⁰.

Особая важность указанных сведений усугубляется еще и тем обстоятельством, что из трех перечисленных знаков только один — суперэклибрис Э.И. Бирона — известен непосредственно в виде суперэклибриса на книге. Остальные два еще предстоит выявить в фондах библиотек.

Как указывает приведенный рапорт Иоганна Купи, мастерские Пунсонной палаты резали штампы геральдических суперэклибрисов и для живущих в Петербурге иностранцев. По-видимому, именно в Пунсонной палате в начале 1730-х годов был исполнен и латунный штамп суперэклибриса по заказу немецкого медика и ботаника, знаменитого путешественника Даниэля Готлиба Мессершмидта (1685–1735), который по указу Петра I совершил в 1719–1727 годах научное путешествие по Сибири и скончался впоследствии в Пе-

⁹ СПФ АРАН. Ф. 3 (Канцелярия АН). Оп. 1. Д. 426. Л. 120 об.

¹⁰ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Списки кавалерам... С. 112.

тербурге. На основании своих дневников, которые он вел в путешествии, Мессершмидт подготовил к печати десяти томное «Обозрение Сибири», но оно не было опубликовано по причине столкновения автора с учрежденной во время его странствий Петербургской Академией наук. Именно в архиве РАН в Петербурге и сохраняются оригинальные рукописи дневников Мессершмидта, обработкой которых он занимался в Петербурге в последние годы жизни. Все эти томы рукописей переплетены в кожаные переплеты, которые по своему типу и употребленным переплетным украшениям, безусловно, могут быть отнесены к продукции Переплетной палаты Академии наук¹¹; на этих переплетах имеются и геральдические суперэклибрисы немецкого путешественника (илл. XVIII, с. 95). Они вытиснены на верхних крышках переплетов рукописей, несут на себе собственно герб, девиз, а также литеры DGM (Daniel Gottlieb Messerschmidt); на нижних крышках расположены шрифтовые суперэклибрисы путешественника (сложная литерная композиция с зеркальным повтором тех же инициалов владельца). Оба знака вписаны в овал и равны по размеру (48 x 40 мм). Нам представляется весьма вероятным, что латунные штампы этих суперэклибрисов были выполнены для Мессершмидта также в Пунсонной палате Академии наук.

В 1745 году в Пунсонной палате были вырезаны геральдические суперэклибрисы для переплетов описания коронации Елизаветы Петровны — наиболее роскошного печатного издания Академической типографии в XVIII столетии. На переплетах особых экземпляров в центре крышек был вытиснен золотом герб Российской империи и вензель императрицы. Как свидетельствуют рапорты Иоганна Купи, именно он вырезал их в январе 1745 года: «К Коронационной книге... два большие медные штока, одну рулю, да еще тринадцать штемпелей отдал переплетчику Розенбергу»¹². Именно «медные штоки» (то есть «штуки»), отданные академическому переплетчику Ф. Розенбергу, — и есть штампы суперэклибрисов.

В 1748 году Пунсонная палата приняла заказ на изготовление геральдического суперэклибриса для графа П.Б. Шереметева (1713–1788). 9 сентября 1748 года в журнале Канцелярии Академии наук записано следующее: «По доношению его сиятельства действительного камергера и кавалера графа Петра Борисовича Шереметева служителя его Алексея Жданова коим объявляет чтоб

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. (подавляющая часть дел этой описи, представляющие собой дневники Д.Г. Мессершмидта, облачены в одинаковые переплеты).

¹² СПФ АРАН. Ф. 3 (Канцелярия АН). Оп. 1. Д. 775. Л. 23 об.

повелено было вырезать на стали герб его сиятельства с приложенной при том доношении сургучевой печати против образца... Определено герб его сиятельства по образцовой печати вырезать немедленно мастеру Купию...»¹³ Хотя здесь, казалось бы, говорится о стальной печати, рапорт мастера Иоганна Купи от 28 декабря 1748 года (илл. XVII, с. 91) свидетельствует о том, что заказан был именно штемпель для суперэклибриса: «По присланному из оной канцелярии ордеру велено по силе оного сделать медный штемпель на котором бы вырезан был герб его высокографского сиятельства Петра Борисовича Шереметева для клеймения книг, который штемпель и сделан обретающимся при мне учеником Федором Краюхиным, а за работу и за медь надлежит взять денег десять рублей»¹⁴. 10 января 1749 года граф внес деньги в академическую кассу¹⁵. (Стоит сказать, что этот вариант знака П.Б. Шереметева — наиболее ранний из всех — до сих пор не удалось выявить.)

По-видимому, в 1753 году именно суперэклибрис был заказан Р.И. Воронцовым (1707–1783) в Пунсонной палате. 8 июня в журнале Канцелярии Академии наук на основании рапорта подмастерья Пунсонной палаты, резчика и медальера Федора Яковлевича Краюхина (1718–1778) сделана следующая запись:

«Подмастерье Краюхин репортует, по приказу де канцелярии Академии наук велено ему на медном штемпеле вырезать картуш и во оном имя его превосходительства действительного камергера и кавалера Романа Ларионовича Воронцова, а помянутого де штемпеля сделать не из чего, понеже де такого принадлежащего материалу не имеется, и чтоб повелено было против данной от него модели отлить подмастерью Тирютину; Определено: подмастерью Краюхину для отливки помянутого штемпеля дать подмастерью Тирютину модель, по которой немедленно ему отлить, и когда по той модели оный штемпель отлит будет, тогда отдать Тирютину для вырезывания подмастерью Краюхину, а когда он вырежет и что за резьбу и за медь денег во взятые следовать будет, взнести оной канцелярии при репорте»¹⁶.

По-видимому, этот суперэклибрис так и не был изготовлен, так как ни рапорта об окончании работ, ни решения об истребовании денег с заказчика в материалах Академической канцелярии не имеется.

¹³ Там же. Д. 517. Л. 449.

¹⁴ Там же. Д. 121. Л. 142.

¹⁵ Там же. Д. 518. Л. 60 об.

¹⁶ Там же. Д. 522. Л. 248 об.

Следующий факт изготовления суперэкслибрисов зафиксирован в 1759 году — тогда граф П.Б. Шереметев, который оборудовал у себя в Фонтанном доме переплетную мастерскую, заказал и штемпели для тиснения. Причем это касалось не только всего арсенала его переплетного мастера (декоративных штемпелей, линеек, гартового шрифта), но и геральдических суперэкслибрисов. Мастер Пунсонной палаты — резчик и медальер Федор Яковлевич Краюхин (1718–1778) — рапортовал в начале апреля 1759 года, что в марте месяце в Пунсонной палате были изготовлены переплетные украшения: «Его сиятельству генералу-лейтенанту действительно камергеру и разных орденов кавалеру Петру Борисовичу Шереметеву двадцать один штемпель ценою за сто за двадцать шесть рублей сделано»¹⁷, а в апреле месяце 1759 года, как следует из его же рапорта, были вырезаны и геральдические суперэкслибрисы: «Требованием генерала-лейтенанта действительного камергера и разных орденов кавалера графа Петра Борисовича Шереметева в медных трех штемпелях герб его сиятельства вырезан»¹⁸.

Таким образом, мы имеем точные сведения об изготовлении трех геральдических суперэкслибрисов П.Б. Шереметева, которые и были нами выявлены в процессе исследования (все три варианта). Они отличаются размерами и декоративно-художественным решением и были предназначены для тиснения на книгах трех различных форматов: *in-octavo* и меньше, *in-quarto* и *in-folio*. Это подтверждается и ценами каждого из трех штемпелей, зафиксированными в журнале канцелярии Академии наук 13 мая 1759 года: «[Слушали] репорта мастера Краюхина, при котором взнес вырезанные по требованию его сиятельства господина генерала-лейтенанта действительного камергера и кавалера графа Петра Борисовича Шереметева три медных штемпеля; Приказали за оные штемпели принять комиссару Зборомирскому денег за большой сорок рублей, за средний двадцать рублей, за меньшей десять рублей, итого семьдесят рублей»¹⁹.

В 1773 году Пунсонная палата, которой по-прежнему руководил Федор Краюхин, выполнила еще один заказ, о котором мастер докладывал 8 марта в Академическую комиссию:

«По приказанию оной Комиссии, а по требованию его сиятельства князя Ивана Андреевича Вяземского, вырезан к переплетному делу в зеленой меди его сиятельства вензель, который при сем ре-

¹⁷ Там же. Д. 504. Л. 95.

¹⁸ Там же. Д. 504. Л. 107.

¹⁹ Там же. Д. 529. Л. 153 об.

Порученная 26 мая 1748 г. (Ваше Императорское
Бюро) медальеру Иоганну Купи
Репорту

Получивши от Вас 11 июня 1748 г. [№] 11077
После оного Веления Медной Штампел-камп
Парамбы изобразить была сего Высочайшаго
слова сиятельству Великого Князя Бориса Павловича
для великого князя 11077-м Штампел-камп
бранивша Правителем Императорского
Каммер-Коллегии Купи изобразить
Веления, дабы изобразить

сего Репорту Иоганну Купи
Купи Иоганн Купи
Johann Kupi

Иоганн Купи
26 мая 1748 г.

порте и предлагается, а за резьбу, за штемпель и за точеную токарным мастерством ручку и с гайкою, надлежит взять денег тринадцать рублей пятьдесят копеек»²⁰.

Примечания достоин и тот факт, что Я. Я. Штелин, надзиравший за художественными департаментами Академии наук, исправил цену, определенную мастером, и написал «двадцать рублей», которые и были поставлены в окончательный счет князю И. А. Вяземскому.

Кроме того, Пунсонная палата на протяжении XVIII века делала переплетные штемпели и непосредственно для Переплетной палаты Академии наук, в том числе и суперэкслибрисы. К сожалению, ввиду того, что эта работа носила характер внутренней для Академии, и не оплачивалась извне, то она и не фиксировалась строго, как это было со всеми внешними заказами академических департаментов. По этой причине изготовление штемпелей если и отражено в документах Академии наук, то часто недостаточно внятно, чтобы их можно было во всех случаях безошибочно соотнести с суперэкслибрисами. Однако выявлены и безусловные факты.

Например, мастер Пунсонной палаты, пришедший в 1779 году на смену Ф.Я. Краюхину, — Яков Рябинин — рапортовал в Академическую комиссию о работах, произведенных в 1780 году:

«По приказанию [директора императорской Академии наук] его превосходительства Сергея Герасимовича Домашнева для переплетного дела сделаны медные штемпели, один — Российский герб, а другой — Прусский, да для календаря восемь штемпелей; за труды оных следует взять 32 рубли»²¹.

То есть в Пунсонной палате Академии наук вырезались штампы суперэкслибрисов не только с российским гербом, которые находили постоянное употребление в работах Переплетной палаты, но и суперэкслибрисы с гербами тех королевских домов, представителям которых посылались в подарок от двора особые экземпляры различных изданий. Здесь следует сделать оговорку: как показывают документы Академической канцелярии, сама Академия крайне редко отсылала за границу экземпляры в дорогостоящих переплетках с суперэкслибрисами — она ограничивалась экземплярами на веленовой бумаге, в так называемых французских или голландских переплетках, в лучшем случае — с академическим гербом на крышках, адресовались такие экземпляры почетным членам и ученым обществам. Что же касается изготовления в Академии особых эк-

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 3 (Канцелярия АН). Оп. 7. Д. 69. Л. 2.

²¹ Там же. Д. 81. Л. 54.

земляров для других дворов и в подарок приезжавшим в Россию высоким гостям, то все они выполнялись по заказам императорского Кабинета.

Сведения об изготовлении геральдических суперэкслибрисов в XIX столетии также крайне немногочисленны.

Так, мы может указать факт изготовления штампа с двуглавым орлом для клеймения особых экземпляров книг на выставке изданий императорской Публичной библиотеки, которая была устроена по замыслу М.А. Корфа. Собранные им по одному экземпляру издания по истории библиотеки, а также изданные самой библиотекой книги, брошюры и даже оттиски статей, были подобраны в хронологическом порядке, соединены в конволюты (чтобы образовать стройный ряд красивых кожаных томов) и облачены в роскошные переплеты. Сам М.А. Корф описывает в Отчете библиотеки за 1854 г. этот план следующим образом:

«Соединение в один состав всех напечатанных доньше Библиотекою изданий и всего относящегося до внутренней ее истории.

С сею целию посреди той залы бельэтажа, в которой находятся иноязычные сочинения о России, поставлен сделанный из ясеневого дерева, по рисунку заведывающего в Библиотеке хозяйственною и строительною частию старшего библиотекаря Соболящикова, известным петербургской публике столярным мастером Власовым шкаф, или правильнее поставец, с стеклянными дверцами, с надписью на фронтонах двух его сторон белыми выпуклыми буквами: История и издания Императорской Публичной Библиотеки и с парящим на верху его императорским орлом. В этом шкафу совмещено, в великолепных сафьянных переплетах с золотым обрезаем, работы мастера Бермана, все что когда-либо было напечатано отдельно о Библиотеке, или самую Библиотекою, с той эпохи когда она, так сказать, зарождалась в Варшаве в чертогах двух братьев: графа Андрея и особенно графа Иосифа Залуских. Всего имеется теперь в этой любопытной коллекции 78 номеров, переплетенных в 49-ть томов. Для внешнего благообразия, книги расставлены по их величине, а не в хронологическом порядке, который впрочем означен вытиснутыми на корешке их цифрами и особым цветом переплетов за каждый новый период Главного Управления Библиотекою. Из 78 номеров издано:

При Графе Иосифе Залуском (1744–1774), переплет фиолетовый — 18 нум.

При А.Н. Оленине (1803–1843), переплет зеленый — 10 нум.

При Д.П. Бутурлине (1843–1848), переплет коричневый — 9 нум.

При мне (с конца 1849 года по ныне), переплет красный — 31 нум.»²²

Счет за переплет указанных томов, выставленный барону М.А. Корфу «переплетного и футлярного дела мастером» В.Т. Берманом (Behrmann) 31 августа 1854 г. на общую сумму 185 руб. серебром, сохранился в архиве библиотеки; но кроме оплаты сафьянных переплетов там указано и следующее: «За гравировку стемпеля (орел) — 5 руб. серебром»²³. Именно этот «орел» — геральдический суперэклибрис императорской Публичной библиотеки, размером 39x37 мм, — вытиснен на корешках указанных выше переплетов, до сих пор сохраняющихся в РНБ. Суперэклибрис представляет собой государственный герб, вокруг которого положен лавровый венок, а внизу помещены литеры И[мператорская] П[убличная] Б[иблиотека] (илл. XIX, с. 95).

Впоследствии к этой коллекции делались прибавления, которые переплетались уже переплетчиками Яковом Агацом, Карлом Геком и другими. Причем, когда в 1858 г. Я.М. Агац переплетал особые экземпляры переписки Лафатера с императрицей Марией Федоровной, изданной Публичной библиотекой к 300-летию Йенского университета по рукописи из Павловского дворца, то он по заказу М.А. Корфа (инициатора и автора первого предисловия к этому изданию) также снабдил книгу геральдическим суперэклибрисом, но уже не тем, который был оплачен в 1854 г.

Как свидетельствует счет от 23 июля 1858 г., деньги за его изготовление были выплачены одновременно с оплатой переплетов — «1 орел гравирован — 4 руб. серебром»²⁴. А в сопроводительной записке М.А. Корфа В.И. Соболевскому написано уже прямым текстом: «За изготовление штемпеля»²⁵. В РНБ сохраняется один из таких особых экземпляров — из Эрмитажной иностранной библиотеки — он отпечатан на очень плотной бумаге (почти полукартоне) и переплетен в марокен темно-лилового цвета, в углах крышек которого вытиснены золотом указанные в счете переплетчика российские гербы, причем необычно малого размера 12x6 мм (илл. XX, с. 95)²⁶.

Конечно, было бы ошибкой утверждать, будто именно эти мастера сами вырезали штампы указанных суперэклибрисов — они,

²² Отчет императорской Публичной библиотеки за 1854 год... СПб., 1855. С. 9–11.

²³ Архив РНБ. Ф. 1 (ГПБ). Оп. 2а (1854 г.). Д. 4. Л. 410об.

²⁴ Там же. Оп. 2а (1858 г.). Д. 9. Л. 92.

²⁵ Там же. Оп. 2а (1858 г.). Д. 9. Л. 91.

²⁶ РНБ, Rossica, шифр 13.7.2.1.

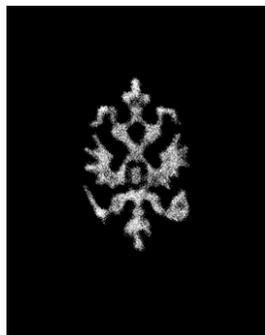
XVIII

Суперэклибрисы Д.Г. Мессершмидта, штампы для которых
были вырезаны в Пунсонной палате Академии наук в 1730-х годах

XIX

Суперэклибрис императорской
Публичной библиотеки,
заказанный через переpletчика
В. Бермана, 1854

XX

Суперэклибрис императорской
Публичной библиотеки,
заказанный через переpletчика
Я. Агаца, 1858

что наиболее вероятно, выступали лишь посредниками, заказывая штампы суперэкслибрисов у тех резчиков, которые занимались производством переплетных инструментов для золотого тиснения и были им знакомы.

Необходимо также отметить, что штамп-матрица суперэкслибриса по неведению может быть принят исследователем за произведение медальерного искусства и причисляться к нумизматическому материалу. Именно такой случай мы находим в одной из работ крупнейшего нумизмата Юлия Богдановича Иверсена (1823–1900) — в своей книге «Неизданные и редкие русские медали» он помещает раздел, названный «Медали литые, которые служили, может быть, образцами». В этом разделе указана и овальная медаль, лишенная ушка (в отличие от других медалей этого раздела, служивших нательными образцами), со следующим описанием: «В венке из пальмовых листьев, двуглавый орел, коронованный тремя коронами, с Андреевским крестом на груди. Об[оротная] ст[орона] представляет Вознесение Господне»²⁷, размер ее — 60х47 мм. Ошибка исследователя, на наш взгляд, происходит от того, что сам Ю.Б. Иверсен, эту «медаль» не видел, и публикует «по рисунку, высланному из Таганрога». Приложенный рисунок (илл. XXI, с. 99) однозначно говорит о том, что «медаль» эта, в действительности, — штамп-матрица переплетного средника XVIII столетия; таковые употреблялись преимущественно для украшения переплетов богослужебных книг, но встречаются и на переплетах книг гражданской печати. Для сравнения приведем здесь близкий по декоративно-художественному решению средник (илл. XXII, с. 99) с российским гербом, украшающий особый экземпляр книги 1771 г. (в качестве средника на другой переплетной крышке этого экземпляра употреблен иной штамп — уже не «Вознесение», а «Распятие с предстоящими») ²⁸.

В данном случае причиной ошибки стало и то обстоятельство, что на этом штампе-матрице изображение для тиснения вырезано с обеих сторон овальной латунной заготовки (это нередко делалось по причине высокой стоимости цветного металла). Два изображения на одном штампе ничуть не мешали переплетчику, поскольку такие большие переплетные украшения наносились по-

²⁷ Иверсен Ю.Б. Неизданные и редкие русские медали. СПб., 1874. С. 26; воспр. Табл. II, рис. 38.

²⁸ Миллер Г.Ф. Книга степенная царского родословия, содержащая историю российской... ч. 1–2. М., 1775. (СПб ИРИ РАН, Инв. XI-609); экземпляр в превосходном красном сафьянном переплете с богатым орнаментом и золотым обрезом.

средством позолотного прессы, куда штамп вкладывался нужной стороной. Конечно, если бы Ю.Б. Иверсен мог увидеть эту «медаль» своими глазами, то он легко бы ее идентифицировал, поскольку это не только не чеканный опечаток или отливок, а металлический штамп с резным узором, притом втрое толще обычной медали.

Отдельно следует также сказать про нетрадиционный способ, которым иногда наносился суперэкслибрис на книгу, и который в данном конкретном случае объединяет исследование геральдических суперэкслибрисов уже со сфрагистикой. Дело в том, что встречаются случаи, когда геральдический суперэкслибрис наносится на поверхность книжного переплета не специальным штампом-матрицей, изначально предназначенным для этого, а посредством матрицы личной или казенной печати. Конечно, такие случаи распознаваемы, причем не только по сопроводительному тексту, но и по качеству оттиска — в таком случае мы почти всегда видим на книге полностью золоченым весь фон знака, а детализировка фигур зачастую достигается не линиями, а глубиной выборки матрицы печати, представляя собой подобие камен. Причем золотом обычно вытиснены знаки казенных учреждений, а личные суперэкслибрисы, которые таким образом наносятся крайне редко, обычно вытиснены сажею.

Из геральдических суперэкслибрисов, нанесенных на книжные переплеты посредством матриц печатей, укажем знак императорской Медико-хирургической академии (с текстом «Императорской Медико-Хирургическ[!] Академии Печ.») (илл. XXIII, с. 103) и суперэкслибрис Горного кадетского корпуса (с текстом «Печать Горнаго Кадетскаго Корпуса») (илл. XXIV, с. 103). Такая практика относится к началу XIX века и широкого распространения она не получила.

Как можно видеть, слово «печать» в данном случае как раз помогает понять каким образом появился такой суперэкслибрис. Но встречаются нередко случаи, когда в геральдическом суперэкслибрисе имеется слово «печать», но сам суперэкслибрис условно нанесен специальным штампом, а не матрицей печати (по-видимому, виною здесь малограмотность резчиков, которые в качестве образца получали оттиск сургучной казенной печати). Таковы геральдический суперэкслибрис Адмиралтейств-коллегии времени царствования Павла I (это угадывается по Мальтийскому ордену в гербе), а также геральдический суперэкслибрис Демидовского лица в Ярославле (илл. XXV, с. 103). Как можно видеть по

воспроизведению последнего, в суперэклибрисе, в свою очередь, наличествует изображение книги с геральдическим суперэклибрисом П.Г. Демидова.

Также следует оговорить еще один факт: в западноевропейской геральдике нередки случаи, когда переплетчик имеет для геральдических суперэклибрисов некоторый арсенал геральдических элементов-штампов (картушей, корон, арматур), и мы встречаем идентичные по декоративно-художественному решению знаки, но с различными гербами. Это указывает на то, что переплетчик наносил тиснение в несколько этапов: картуш, затем корона, а уже после одним или несколькими штампами заполнял геральдический щит необходимыми фигурами.

Исходя из сравнения таких декоративных элементов иногда возможно установить, что некоторые русские владельцы заказывали тиснение суперэклибрисов, находясь на границей, причем не специальным «именным» штемпелем, а именно исходя из арсенала переплетчика. Для наглядности мы приводим геральдический суперэклибрис графа А.С. Строганова (илл. XXVI, с. 107), который несомненно выполнен для него во Франции, где он жил в 1770-х гг., поскольку употребленный для этого знака картуш мы встречаем и на французских знаках, в том числе на геральдических суперэклибрисах известного натуралиста Бюффона (1707–1788; илл. XXVII, с. 107) и министра королевского двора А.-Ж. Амело де Шайо (1732–1795; илл. XXVIII, с. 107). Очевидное сходство картушей (мелкие различия на рисунке объясняются качеством прорисей) соседствуют с различием как самих гербов, так и покрывающих их корон — все эти элементы наносились по-отдельности.

В русской геральдике, в силу избранности такого явления как суперэклибрис, случаи исполнения геральдических суперэклибрисов «универсальными» штампами крайне редки — можно указать только на суперэклибрисы Н.А. Загряжского (илл. XXIX, с. 111) и Н.И. Болховского (илл. XXX, с. 111), которые нанесены одним и тем же основным штампом-картушем, но гербы в них вытиснены разными штампами.

В завершение необходимо также сказать, что некоторые штампы геральдических суперэклибрисов могли корректироваться и имеют, подобно гравюрам на металле, несколько так называемых состояний. В контексте нашего исследования речь идет как об исправлениях, так и о дополнениях. В качестве примера вносимых в штамп исправлений характерен графский везель И.И. Шу-

XXI

Штамп-матрица переплетного средника XVIII в.,
принятый Ю.Б. Иверсенем за медаль

XXII

Оттиск подобного средника на книге 1771 г.

валова, который нередко сопровождает его геральдический суперэклибрис. Изначально он был ошибочно покрыт графской короной (илл. XXXI, с. 111), но поскольку Иван Иванович Шувалов не был графом, а отказался от награждения графским достоинством, то впоследствии корона при нанесении на переплет превращалась в дворянскую путем хитростей переплетного мастера (илл. XXXII, с. 111). И только новый вензель с «правильной» короной, заказанный И.И. Шуваловым, прекратил эту практику.

Говоря о дополнениях штампов суперэклибрисов можно привести в пример геральдические суперэклибрисы П.Г. Демидова — когда в 1803 году он был награжден орденом Св. Владимира, то к своим первоначальным геральдическим суперэклибрисам (двух размеров, для книг различного формата) он дополнительным штампом стал наносить орденские знаки полученного им ордена (илл. XXXIII–XXXIV, с. 115). И только когда был готов новый суперэклибрис, включивший изображение ордена, тиснение двумя штемпелями прекратилось.

И, наконец, еще один случай — два варианта геральдического суперэклибриса графа Михаила Семеновича Воронцова (1782–1856), выполненные одним и тем же металлическим штампом-матрицей. Первый вариант — полный (илл. XXXV, с. 115), второй — с удалением части арматур (знамён) и декоративных элементов (илл. XXXVI, с. 115). Не совсем ясно, с какой целью производилось удаление знамен с штампа (возможно, это диктовалось эстетическим чувством — действительно, вариант со знаменами несколько перегружен арматурами), но исполнена коррекция штампа вполне профессионально, и заметна только по дефекту морды лошади, поставленной справа (от зрителя).

ГЛАВА IV

МЕТОД АТРИБУЦИИ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ СУПЕРЭКСЛИБРИСОВ

Полученный в результате осуществленного поиска книг с геральдическими суперэкслибрисами результат — 1491 знак, из которых 462 являлись уникальными типами — представлял собой беспрецедентный по своей численности корпус геральдических суперэкслибрисов.

Все суперэкслибрисы были фотографически зафиксированы, для каждого знака была заведена специально разработанная «Учетная карточка суперэкслибриса», в которой кроме фотографии знака в обязательном порядке указывались сведения о книге, на которой выявлен данный суперэкслибрис (выходные данные издания, формат в долю листа, наличие владельческих записей или иных помет, место хранения экземпляра, инвентарный номер), размеры, технико-технологические характеристики и другие подробности, позволявшие проводить дальнейшее исследование уже без привлечения самих книжных памятников.

Безусловно, бессистемное исследование столь значительного по объему комплекса источников является крайне трудоемким, а потому необходимо было разработать метод исследования, пользуясь которым возможно было бы атрибутировать эти геральдические суперэкслибрисы в оптимальные сроки.

Разработанный в результате метод заключается в применении к комплексу источников — геральдическим суперэкслибрисам — ряда методик, основанных на вспомогательных исторических дисциплинах. Такой полидисциплинарный метод в наибольшей степени отвечает и самому предмету исследования, находящемуся на пересечении вспомогательных исторических дисциплин, истории книги и Просвещения, истории декоративно-прикладного искусства и истории культуры.

Геральдическое исследование

Поскольку предметом исследования являются геральдические суперэкслибрисы, то и основной дисциплиной разработанного ме-

тогда является геральдика, а первым шагом — геральдическое исследование. «Геральдическая экспертиза», как называл ее В.К. Лукомский, является важнейшим этапом исследования исторических источников¹, основы ее Владислав Крескентьевич изложил еще в 1939 году². В случае же исследования геральдических суперэклибрисов необходимо обратить внимание на ряд обстоятельств, присущих именно геральдическому суперэклибрису.

Исключительной особенностью геральдических суперэклибрисов, характерной как для русских, так и европейских знаков, является специфика передачи так называемых геральдических цветов. Особенность эта состоит в том, что точность при передаче цветов монохромной штриховкой соблюдается далеко не всегда. При этом не стоит думать, будто дворянин смотрел на суперэклибрис как на нечто малозначительное и потому не считал необходимым соблюдать правила передачи геральдических цветов. Напротив, как русское, так и европейское дворянство очень щепетильно и даже трепетно относилось к своим гербам и прочим атрибутам дворянского достоинства.

В качестве яркого примера такого отношения приведем текст сопроводительной записки к заказу на вырезание печатей для президента Академии наук графа К.Г. Разумовского, которые надлежало изготовить в Пунсонной палате Академии наук. Записка эта, на которой имелся и рисунок самого герба, датирована декабрем 1749 года:

«Ежели сей герб вырезан будет для печати на стали или на камне, то мастеру, который будет резать, надлежит изъяснить, что черты, находящиеся в сем рисунке, положены не просто, но они значат те цвета, которые действительно в сем гербе находятся, а именно: положенные горизонтально или поперек щита — значат голубой или синий цвет, а положенные перпендикулярно или от верха прямо вниз по отвесной линии — значат цвет красный, где же никаких линий не означено, то показывает серебро, а находящиеся точки, как, например, на короне сверх шлема и по краям около оною, также и на шлемовных обручах — значат золото.

Сие употребление цветов сохранено по принятому при всех гербах обыкновению и в шлемовном намете, а именно — с правой стороны горизонтально положенные черты показывают цвет голубой, а с левой стороны перпендикулярные или по отвесной линии

¹ Принципы геральдической экспертизы произведений искусства достаточно полно (на момент написания) были изложены В. К. Лукомским в статье «Гербовая экспертиза...»

² Лукомский В.К. Гербовая экспертиза... С. 64–70.

XXIII

Суперэклибрис Медико-хирургической академии, оттиснутый матрицей гербовой печати

XXIV

Суперэклибрис Горного кадетского корпуса, оттиснутый матрицей гербовой печати

XXV

Суперэклибрис Демидовского лицея, штамп для которого был вырезан по оттиску гербовой печати

проведенные черты значат цвет красный, белые же места, на которых нет никаких черт ни точек, значат серебро.

Чего ради, ежели на печати точно по сему рисунку все черты и точки от мастера означены будут, то оная печать будет вырезана правильно, и согласно с тем обыкновением, которое в Европе от всех знатных персон на их печатях примечается»³.

Указанная же нами выше особенность нарушения передачи геральдических цветов в суперэклибрисах наиболее характерна для знаков более раннего времени (в России — преимущественно для суперэклибрисов XVIII столетия). При сравнении суперэклибрисов с утвержденными гербами такое положение дел даже усматривается в обозначении геральдических цветов в знаках высшей российской знати. Таковы суперэклибрисы: вице-канцлера князя А.М. Голицына (1723–1807)⁴ (илл. 13, с. 141), его брата генерал-майора М.М. Голицына (1731–1804)⁵ (илл. 14, с. 141), все четыре различных варианта суперэклибриса камергера графа А.Г. Головкина (?–1823)⁶ (илл. 15–18, с. 141–147), сподвижника Петра Великого князя Г.Ф. Долгорукого (1657–1723)⁷ (илл. 20, с. 147), генерал-майора князя П.С. Долгорукого (1721–1773)⁸ (илл. 21, с. 153), гофмаршала графа А.М. Ефимовского (?–1767)⁹ (илл. 22, с. 153), обер-шенка графа Г.И. Чернышева (1762–1831)¹⁰ (илл. 38, с. 179), сенатора графа П.Г. Чернышева (1712–1773)¹¹ (илл. 39, с. 179), оба варианта знака графа Л.К. Разумовского (1757–1818)¹² (илл. 30, 31, с. 165) и другие.

Причина столь явного несоответствия кроется не столько в ошибках или безграмотности заказчиков или изготовителей штемпелей геральдических суперэклибрисов, сколько объясняется технологическими особенностями при их изготовлении и нане-

³ СПФ АРАН. Ф. 3. (Канцелярия АН). Оп. 1. Д. 136. Л. 167–167 об.

⁴ Кашутина Е.С., Сапрыкина Н.Г. Эклибрис... С. 45.

⁵ Мармонтель Ж.Ф. Велсарий. СПб., 1769. 8-о. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 1171119).

⁶ 1) Труды ЛОЭ, II–III. С. 4, воспроизведен на с. 6; 2) Vade J. J. Oeuvres poissardes. Paris, 1796. Gr. 4-о. (ОРК ГЭ, инв. № 266235).; 3) Dionysii Halicarnassei antiquitatum Romanarum. Lutetiae [Paris], 1546. -Folo. (ОИК ГПИБ, № 33760); 4) Manuale di Eritteto / Volgarizzato da Eritisco Pilenejo. Parma, 1793. 12-о. (ОРК НБ МГУ, шифр Дмитр. 6314).

⁷ Чистяков Б.М. Супер-эклибрис... С. 144.

⁸ Corneille P. Oeuvres. T. 1. Paris, 1758. 16-о. (ОРК ГМП, инв. № 68069).

⁹ Труды ЛОЭ, II–III. С. 2–4, воспроизведен на с. 7.

¹⁰ Лукомский В.К. Герб как исторический источник... С. 54.

¹¹ Собрание Я.И. Бердичевского, Берлин (срез кожи с книжного переплета).

¹² 1) Virgile. Les Bucoliques, traduites en vers francais [par J. Delille]. Paris, 1806. Gr. in-4-о. (РНБ, шифр 7.25.1.1.); 2) Buffon G.-L. Histoire naturelle. T. 2. Paris, 1799. 12-о. (ИРЛИ РАН, Б-ка А. С. Пушкина, VIII-7/17).

сении на кожу. А процесс нанесения суперэклибриса на книжный переплет состоит как минимум из двух этапов: 1) Изготовление латунного штампа-матрицы для тиснения; и 2) Тиснение суперэклибриса с употреблением при этом листового золота или потали на крышке переплета (реже внизу корешка) посредством разогретого штампа и под воздействием силы переплетчика (или же позолотного пресса). И каждый из этих этапов является существенной преградой к правильной штриховой передаче геральдических цветов.

Во-первых, для изготовления штампа геральдического суперэклибриса необходим резчик по металлу, от квалификации которого во многом зависит окончательный результат. Но, даже учитывая объективную избранность геральдического суперэклибриса как явления, не все заказчики могли обратиться для изготовления штампа к признанным мастерам, которыми являлись резчики монетных дворов и медальеры (в России XVIII столетия они обучались как художники — в «классе гравирования на стали и крепких камнях» императорской Академии художеств, либо состояли при Пунсонной палате Академии наук или при монетных дворах). Работа же мастеров-ремесленников в момент расцвета искусства суперэклибриса (XVIII век) еще не достигла такой машинной точности, которая встречается в геральдических суперэклибрисах второй половины XIX века. Причем, именно вырезание ровных линий, которые при тиснении будут обозначать штриховку, является весьма сложной работой, поскольку если линии будут вырезаны неровно или, что намного важнее, неглубоко, — то при тиснении вместо штриховки получится подобие нечеткого, грязного пятна.

Во-вторых, кроме необходимости качественного штампа серьезной преградой является и технология золотого тиснения: геральдические суперэклибрисы невелики по размеру (суперэклибрис, превышающий по вертикали 10 см, является редкостью, наиболее же традиционная высота суперэклибриса около 5–7 см). Именно вследствие небольшой площади тиснения требуется соблюдать осторожность — иначе при в процессе нанесения суперэклибриса лист золота неминуемо будет прилипнуть к заштрихованному участку герба, заполняя весь этот фрагмент (между вырезанными на поверхности штампа линиями или точками) полностью золотом.

Причем для того, чтобы избежать эффекта залипания золота при тиснении, необходим не только качественный штамп, глубоко и точно вырезанный, но и соблюдение технологии самого про-

цесса золотого тиснения — точный расчет температуры разогрева штампа, качественное листовое золото, клеевая подготовка под золото и т.д.

И отнюдь не всегда, особенно в России в XVIII столетии, была возможность — как техническая, так и финансовая — заказать штамп-матрицу наивысшего качества и обратиться к лучшим переплетным мастерам. Кроме того, если в случае некачественного тиснения рамки или орнамента на переплете дефект еще возможно как-то скрыть или перетиснить, то некачественно нанесенный суперэкслибрис исправить сложно, и чаще всего такая ошибка переплетчика неминуемо требует замены всей кожи переплета. Таким образом, сами переплетчики также должны были быть заинтересованы в суперэкслибрисах как можно более простого рисунка.

Именно совокупность перечисленных факторов привела к тому, что значительная часть геральдических суперэкслибрисов выполнялась — хотя и вынужденно — без учета геральдических цветов, с целью упрощения рисунка знака. Эти технологические сложности отразились и на других геральдических элементах суперэкслибрисов — они чаще всего лишены изображения мантии или намета, а в случае наличия таковых, их детали сильно упрощены. Эти технологические причины, в свою очередь, объясняют четкость линий и графичность суперэкслибриса вообще. Также следует отметить, что довольно часто в рисунок геральдического суперэкслибриса входит не весь герб полностью, а лишь его основные элементы.

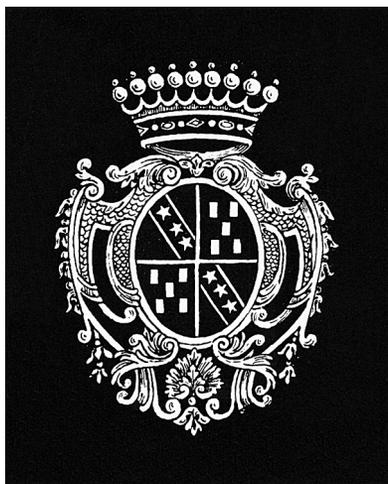
В максимально полном своем составе герб присутствует чаще всего на геральдических суперэкслибрисах XVIII века. Тогда как ранее характерными являются именно сочетания следующих 3–4 элементов: геральдический щит, шлем, нашлемник и намет. Позднее появляются различные короны, означающие достоинство гербовладельца, еще позднее — щитодержатели. Впрочем, возможны и иные сочетания: для английских геральдических суперэкслибрисов, например, типичны соединения только нашлемника с бурелетом (род венчика, как бы свитого из двухцветного жгута в кольцо, заменяющее собой корону). Встречаются случаи, когда суперэкслибрис представляет собой одну лишь геральдическую фигуру — как, например, один из вариантов суперэкслибриса И.И. Куриса¹³.

Кроме собственно геральдических знаний в исследовании суперэкслибрисов имеют важное значение также постепенно фор-

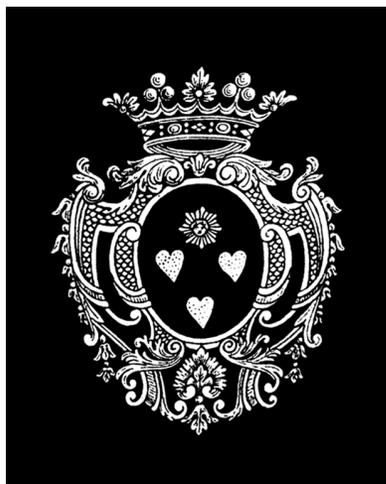
¹³ Иван Ираклиевич Курис и его коллекции... С. 6.

XXVI

XXVII

XXVIII

Геральдические суперэклибрисы графа А.С. Строганова, натуралиста Бюффона и министра А.-Ж. Амело де Шайо, выполненные в 1770-х гг. в Париже с использованием одного штампа для картуша

мирующиеся опыт и особая наработанность глаза исследователя, которые подсказывают ему наиболее рациональный путь правильной и наиболее быстрой атрибуции герба на суперэклибрисе.

Приступая непосредственно к комплексной атрибуции герба, прежде всего, необходимо установить следующие характеристики: 1) национальную принадлежность герба, 2) достоинство герба (т.е. ранг или титул, а также, если это возможно, область деятельности гербовладельца), 3) хронологический период, к которому относится композиция геральдического суперэклибриса.

Уточнение этих признаков необходимо для того, чтобы ограничить поиски в громадном корпусе всех европейских гербов, включающем в себя приблизительно до трехсот тысяч экземпляров¹⁴. Ограничивая их объем и выделяя из них какие-то специфические группы, возможно ускорить процесс атрибуции суперэклибрисов и сделать его максимально плодотворным.

Не входя в подробности собственно «геральдической экспертизы» вообще, отметим лишь специфические особенности, которые характерны для исследования суперэклибрисов и имеют большое значение для их атрибуции.

Географическая характеристика

Поскольку геральдика отражает развитие художественных вкусов и бытовых особенностей определенной территории, то процесс атрибуции суперэклибриса необходимо начать с попытки установить географическую принадлежность знака. Геральдический суперэклибрис отражает геральдику той страны, к которой принадлежит его владелец. Соответственно, важно уметь классифицировать суперэклибрисы по географическому признаку.

Французские геральдические суперэклибрисы, всецело отражают эволюцию и основные принципы французской геральдики¹⁵, среди которых наиболее типичны, прежде всего, чрезвычайная простота изображений, помещенных в щите. Это почти

¹⁴ Лукомский В.К. Герб как исторический источник... С. 56. Самым полным указателем европейских гербов на настоящее время остается кн.: Rietstap I. Armorial General. — 2 ed. Gouda, 1884–1887. Т. 1–2 (включает в себя описания более чем двухсот тысяч гербов); согласно этому изданию труда Ритштапа был составлен наиболее полный эмблематический справочник: Renesse J.L.T.F.A. de. Dictionnaire de figures heraldiques. Bruxelles, 1894–1903. Т. 1–7.

¹⁵ Наиболее авторитетными трудами в области французской геральдики, детально излагающими суть вопроса являются: Bouton V. Nouveau traite de blason, ou science des armoiries... Paris, 1863; Gheusi P. B. Le Blason Heraldique. — 2 ed. [Dijon], 1833. Наиболее подробные французские гербовники суть следующие: Armorial General de la France. Paris, 1738–1768. Т. 1–10, с приложениями; Simon H. Armorial General de l'Empire Francais. Paris, 1812. Т. 1–2.

всегда простейшие геральдические фигуры — башня, пчела, глава, пояс, столб, перевязи, стропило и т.д., иногда с положенными на них простейшего же вида предметами, наиболее частые из которых — звезда, полумесяц, крест, лилия, роза. Такая в общем-то простая композиция герба зачастую свидетельствует о происхождении владельца геральдического суперэкслибриса от древнейшего рыцарского дворянства. Не противоречит этой особенности и герб рода Бурбонов, изображенный на суперэкслибрисах французских королей — представителях рода. Вместе с простотой в геральдическом щите, весь французский изысканный стиль выражается в окружающем картуше, чаще всего выполненном в стиле барокко или рококо, щедро наполненном декоративными деталями.

Также для гербов во французских суперэкслибрисах характерно преобладание однодольных и прямоугольных, с небольшим заострением книзу, щитов по сравнению с многопольными. Отличительной чертой гербов французских гербов, а, соответственно, и суперэкслибрисов, является часто употребление так называемых бризур — специфических геральдических знаков, свидетельствующих о принадлежности к младшей ветви основного рода; таков, например, суперэкслибрис представителя королевского рода Бурбонов адмирала Луи-Александра (1638–1737), сына короля Людовика XIV и мадам де Монтеспан¹⁶ (илл. 75, с. 231). Кроме того, геральдические суперэкслибрисы французского происхождения в подавляющем большинстве лишены шлемов и нашлемников, что, однако, полностью компенсируется крайне вычурными коронами, возлагаемыми на щит или венчающими картуш герба.

В *Германии* геральдический суперэкслибрис не столько отвечал веяниям моды, сколько явился одной из многих областей применения геральдики, получившей в немецких землях особенное и своеобразное развитие¹⁷. Повсеместное и широкое внедрение гербов как знаков собственности среди дворянства, буржуазии и отчасти среди ремесленников вызвало исключительное развитие и их внешних форм и насыщение их различной эмблематикой, что отразилось и на геральдических суперэкслибрисах. Со-

¹⁶ *Mercure galant, dedie a monseigneur le Dauphin. Juillet 1689. Paris, [1689]. In-12°.* (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 17068). Упомянется: Русская и иностранная книга XV–XIX века... С. 59.

¹⁷ Основной, считающийся классическим, гербовник Зибмахера — предпочтительнее в издании: *Siebmacher's grosses und allgemeines Wappenbuch. Nurnberg, 1856–1936. Bd. 1–8*; кроме того, некоторое количество гербовладельцев, располагавшихся на принадлежащих Германии прибалтийских землях вошло в Балтийский гербовник: *Klingspor C.A. Baltisches Wappenbuch. Stockholm, 1882.*

ставление рукописных гербовников и родословцев, самобытное творчество гербов, наряду с обильно жалуемыми новыми гербами, и украшение ими большей части художественных предметов домашнего обихода содействовали небывалому художественному расцвету немецкой геральдики в XIV–XVI веках. В области немецкого геральдического книжного знака работали такие выдающиеся мастера как Альбрехт Дюрер, Лукас Кранах, Йост Амман и многие другие¹⁸.

Немецкие геральдические суперэклибрисы XVI–XVII веков в наибольшей степени отражают основные традиции и эволюцию немецкой геральдики, тогда как в XVIII веке они, в силу общеевропейской моды, становятся стилистически ближе к французским образцам. Специфическими национальными чертами немецких геральдических суперэклибрисов являются также вычурные формы гербового щита; помещение над ними не одного, а двух и более шлемов (знак графа Генриха Брюля (1700–1763)¹⁹ (илл. 61, с. 213)); чрезвычайное разнообразие нашлемников и притом самых фантастических видов (суперэклибрис Генриха Бюнау (1697–1762)²⁰ (илл. 62, с. 213)).

Английские геральдические суперэклибрисы отражают специфику английской геральдики²¹, важным отличием которой является особенная форма геральдических щитов — с выступающими верхними углами; иногда же круглых, охваченных ремнем с пряжкой (наподобие ордена Подвязки), на котором помещается девиз. В практике английских геральдических суперэклибрисов характерно изображение одного нашлемника — без шлема и короны, но с одним так называемым бурелетом — специфическим венчиком, как бы свитым из двухцветного намета и висящим над геральдическим щитом²². Бурелет, венчающий герб в геральдическом суперэклибрисе, практически всегда указывает на географическую принадлежность знака английскому гербовладельцу. Таков и су-

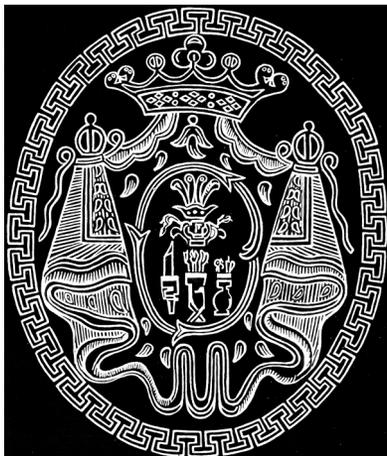
¹⁸ *Leiningen-Westerburg K.E. Deutsche und Oesterreichische bibliothek-zeichen exlibris. Stuttgart, 1901. S. 117–164.*

¹⁹ *Les amours de Henri IV. P. I. Amsterdam, 1754. In-8°.* (НИОРК ВГБИЛ, № 464274).

²⁰ *Brueys. Les oeuvres de theatre. T. 1. Paris, 1785. In-12°.* (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 1778168).

²¹ Наиболее подробными из английских гербовников стоит считать два труда: *Burke J.V. The General Armory of England, Scotland, Ireland and Wales. London, 1878* (и множество переизданий); *Burke J. B. A Genealogical and Heraldic Dictionary of the Landed gentry of Great Britain & Ireland, for 1850. T. 1–3. London, 1850–1853* (также множество переизданий).

²² Самый подробный каталог, описывающий более четырех тысяч бурелетов с нашлемниками, составлен и награвирован в 1860 году: *Fairbairn's Crests of the Families of Great Britain and Ireland. T. 1–2. Edinburgh; London, 1860.*

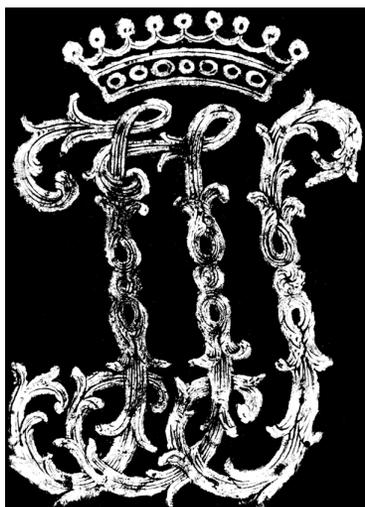

XXIX

XXX

Геральдические суперэклибрисы Н.А. Загряжского
и Н.И. Болховского, выполненные в XVIII в. с использованием
одного штампа

XXXI

XXXII

Суперэклибрис И.И. Шувалова: первоначальный вариант
с графской короной и варианты исправления короны

перэкслибрис В.Я. Чемберса (1878–1934), чья фамилия происходит от шотландского дворянского рода Chalmers (илл. 54, с. 203). Кроме того, отражая национальные геральдические традиции, английские суперэкслибрисы очень часто снабжены девизом.

Для геральдических суперэкслибрисов гербовладельцев из *Испании* и *Португалии*²³ особенно типичны окаймления щита, состоящие обычно из перемежающихся цветных отрезков или с наложенными на эти каймы повторенными несколько раз фигурами. Среди гербов геральдических суперэкслибрисов представителей этих стран особенно часто встречаются сложные многофигурные композиции, в которых часто присутствуют изображения звезд, полумесяцев, котлов, раковин, корон, тур и самых причудливых форм крестов, как знаки воспоминаний о крестовых походах. Типичным геральдическим суперэкслибрисом такого рода является знак Фелипе-Рамиреса Гузмана из собрания ВГБИЛ²⁴ (илл. 66, с. 219).

В качестве характерной особенности геральдических суперэкслибрисов представителей *Италии*²⁵ можно отметить изображение герба посредством своеобразной формы «вытянутых» щитов или же овальных, заключенных в картуш.

Суперэкслибрисы библиофилов *Бельгии*, как собственно и бельгийские дворянские гербы вообще²⁶, сложны в определении по национальному признаку, поскольку вобрали в себя как французские, так и немецкие геральдические традиции: характерным примером такого «универсального» стиля является суперэкслибрис герцога Л.-П. Аренберга (1785–1861)²⁷ (илл. 59, с. 207).

Для геральдических суперэкслибрисов представителей *польских родов*²⁸ типичны геральдические щиты с одним полем с помещающейся в нем или своеобразной «рунического» типа фигурой,

²³ *Aviles J. Ciencia heroyca, reducida a las leyes heraldicas del blason... Madrid, 1780. Т. 1–2.; Vicente Casante I. Heraldica general y fuentes de las armas de España. Barcelona, 1956.*

²⁴ *Solon I.M. Sive de ejus vita... Hafniae [Strasbourg], 1632. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 17774435). (Воспр.: Cent Livres Reliures & Autographes de 1477 a 1948 / Eric Speeckaert, expert libraire / [Catalogue de vente]. [Amsterdam, 1994.] P. 12.)*

²⁵ Наиболее полным итальянским гербовником является: *Tettoni L., Saladini E. Teatro Araldico ovvero raccolta generale delle armi et insigne gentilizie... in-tutta Italia. Lodi, Milano, 1841–1848. Т. 1–8.*

²⁶ *Ruckman de Betz. Armorial General de la Noblesse de Belge. Liege, 1957.*

²⁷ *Cervantes M. de. Les principales aventures de l'admirable don Quichotte... A la Haye, 1746. Grand in-4°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 1773410).*

²⁸ Отметим два основных гербовника: *Niesiecki K. Herbarz Polski. W Lipski, Т. 1–11. 1839–1845; Ostrowski J. R. Ksiega herbowa rodow polskich. Warszawa, 1897–1906. Т. 1–19 (издание не завершилось).*

или одного-двух, реже трех, предметов. Они обычно сочетают различно расположенные: небольшой крест, звезду, полумесяц, подкову, меч, стрелы, копыя, рога и подобные простейшие элементы. Значительная часть польских гербов употреблялась малороссийскими родами и вошла в состав российской геральдики²⁹.

Таковы некоторые характерные национальные признаки геральдических суперэкслибрисов, которые могут помочь в установлении географической принадлежности исследуемого знака. При этом важно учитывать то обстоятельство, что чем позднее хронологически геральдический суперэкслибрис (особенно это касается знаков XIX столетия), тем более утрачивает он в своей композиции характерные национальные черты геральдики определенной европейской страны и приобретает позднейший унифицированный общеевропейский геральдический стиль (характерен в данном случае знак барона Джеймса Ротшильда (1792–1868)³⁰ илл. 60, с. 207); но, несомненно, даже в таких довольно синтетических по стилистике суперэкслибрисах часто можно различить отзвуки национальных геральдических традиций.

Русский геральдический суперэкслибрис хотя и отражает традиции русской геральдики, однако лишь в чисто «документальной» части — собственно изображения в геральдическом щите, тогда как декоративная трактовка суперэкслибриса, форма геральдического щита, картуши — часто употребляются в них бессистемно.

Таким образом, наиболее характерной национальной чертой русских геральдических суперэкслибрисов является именно герб, включающий типичные для русской геральдики фигуры. Об этой особенности в 1855 году писал А.Б. Лакиер: «Одна эмблема погонь прямо говорит, что у них была одна родовая собственность, по которой им и дано общее знамя. Ни в какой иностранной геральдике нельзя найти объяснения такого явления: оно чисто русское. На Западе герб избирался лицом, у нас он дается наследственным городом. На Западе он передавался потомку лица, у нас — наследнику родового города. Герб западный вообще есть свидетельство личных доблестей, но только к древней геральдике русской вполне применимо правило: „Покажите мне ваш герб: я скажу, какого вы рода“. Основное правило нашей геральдики княжеской, самой древней и занимательной, так просто, что всякий, кто знает гербы Киева, Новгорода, Литвы, Ярослава<!>, Стародуба, Белоозера, Смоленска, может по гербу прочесть, к какой отрасли князей род

²⁹ Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник. СПб., 1914.

³⁰ Tibulle. Elegies. T.1. Tours; Paris. 3 an de Republique [1798]. In-8°.

принадлежит, где княжил его родоначальник»³¹. Если же род владельца геральдического суперэклибриса происходил не от русских князей, а был выезджим, то и здесь исследователь сможет обнаружить родственные в каждом случае признаки: «Множество родов выезджих, окружавших московского великого князя, впоследствии русского царя, и перешедших в русскую службу по присоединении к Москве Казани, Астрахани, Сибири, провинций Остзейских и иных, были возведены в дворянство русское, и герб их прямо свидетельствует, откуда они родом. Глаз русского геральдика должен по некоторым атрибутам узнать, какого племени род, тот герб имеющий, и тут опять является наука для уяснения, какие отличительные приметы в гербах родов, происшедших от татар, поляков, немцев и т.д. У первых, например, у татарских родов в обширном смысле слова, без различия еще мелких типов, постоянно видны луна, крест и сабля, в том или другом положении, с теми или другими атрибутами, и какие иные эмблемы мог избрать для себя мусульманин по происхождению, обратившийся в христианство и добывший себе дворянство отличием на поле брани? Далее, подкова служит отличительною приметою для большей части родов дворянских, ведущих свое начало из Польши и Литвы. Только потомки действительно владетельных родов сохранили в гербе своем знамя своей вотчины, например, у князей сибирских, потомков Кучума, вы видите в гербе печать сибирскую»³².

Что же касается форм геральдического щита, то русский суперэклибрис в этом отношении «космополитичен» и не имеет каких-либо строгих закономерностей. По-видимому, это объясняется еще и тем, что геральдические суперэклибрисы, будучи отголоском европейской моды, заказывались в большинстве случаев русскими заказчиками за границей либо у мастеров-иностранцев и часто отражают национальные черты геральдики иных европейских стран. Примером этого служат знаки, выполненные в традиции геральдики других европейских стран: Германии — суперэклибрисы А.П. Бестужева-Рюмина (1693–1763)³³ (илл. 4, с. 123), князя Г.Ф. Долгорукого (1657–1723)³⁴ (илл. 20, с. 147); Франции — суперэклибрисы князя П.С. Долгорукого (1721–1773)³⁵ (илл. 21, с. 153),

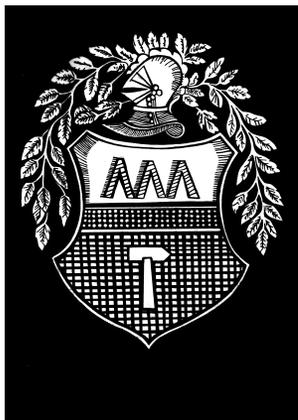
³¹ Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 10.

³² Там же. С. 11.

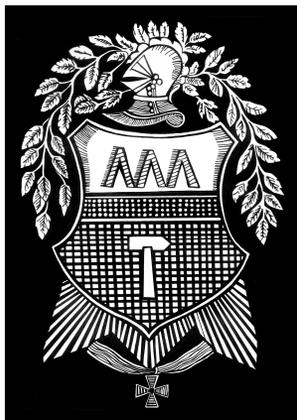
³³ Die europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Hofe entdeckt. 49 Theil. [Leipzig], 1706. 8-о. (Тульская областная универсальная библиотека. Инв и-37256).

³⁴ Чистяков Б.М. Супер-эклибрис... С. 144.

³⁵ Corneille P. Oeuvres. T. 1. Paris, 1758. 16-о. (ОРК ГМП, инв. № 68069).

XXXIII

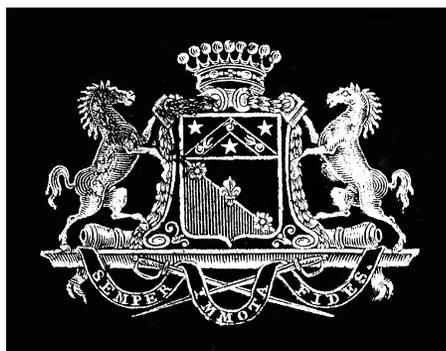

XXXIV

Геральдический суперэклибрис П.Г. Демидова:
первоначальный и дополненный варианты

XXXV

XXXVI

Геральдический суперэклибрис графа М.С. Воронцова:
первоначальный и исправленный варианты

графа Г.И. Чернышева (1762–1831)³⁶ (илл. 38, с. 179); Англии — суперэклибрисы графа М.С. Воронцова (1782–1856)³⁷ (илл. 9, с. 135), графини Е.К. Воронцовой (1792–1881)³⁸ (илл. 11, с. 135); Италии — суперэклибрис графа А.Г. Головкина (1766–1823)³⁹ (илл. 15, с. 141); Швеции — суперэклибрис графа П.К. Разумовского (1751–1823)⁴⁰ (илл. 32, с. 165) и т.д.

Иногда русские геральдические суперэклибрисы сравнительно легко идентифицируются по деталям, характерным для пожалованных гербов XVIII–XIX веков. Самым знаменитым и одновременно исключительным примером такого высочайшего пожалования является так называемая Лейб-компания — гренадерская рота лейб-гвардии Преображенского полка, насчитывавшая 364 человека, при содействии которой 25 ноября 1741 русский престол заняла императрица Елизавета Петровна, а 31 декабря 1741 года гренадерская рота была переименована в Лейб-компанию, получила особую форму и знамя; при этом более 220 лейб-компанцев получили особый герб (с двухчастным рассеченным геральдическим щитом, где одну часть занимал герб Лейб-компании, а в другую часть помещался герб конкретного владельца), снабженный девизом «За верность и ревность»⁴¹. В процессе работы было выявлено и атрибутировано несколько суперэклибрисов с гербами такого типа; все они принадлежат представителям фамилии Воронцовых — графа М.С. Воронцова (1782–1856)⁴² (илл. 9–10, с. 135) и графини Е.К. Воронцовой (1792–1881)⁴³ (илл. 11, с. 135).

При единичных пожалованиях русских дворян гербом обычно в герб включался символ, говорящей о его высочайшем пожаловании. Во времена Екатерины Великой при пожаловании гербом часто в геральдический щит помещалась императорская корона, двуглавый коронованный императорский орел, а при ее сыне Павле Петровиче и внуке Александре Павловиче — также император-

³⁶ Лукомский В.К. Герб как исторический источник... С. 54.

³⁷ Генеральский список. Напечатан по 14-е число марта 1819 года. Б. м. 8-о. (ОРК ГМП, № 35284).

³⁸ *Parry. Oeuvres choisies.* Paris, 1826. 8-о. (НИОРК ВГБИЛ, инв № 66767).

³⁹ *Goulart S. Les memoires de la Ligne.* Т. 4. S. 1., 1595. 8-о. (ОИК ГПИБ, № 5266).

⁴⁰ *Goldsmith O. The vicar of Wakefield.* Paris, [1796]. In-12-о. (Частное собрание, Москва).

⁴¹ *Тройницкий С.Н.* Гербы Лейб-компании обер и унтер-офицеров и рядовых. СПб., 1913. Шесть не учтенных Тройницким гербов (он опубликовал 220) имеются в рукописном гербовнике Л. И. Тальзина (ОР РНБ. Эрм. 112).

⁴² *Memoire justificatif du general Thuring, adresse au premier consul Buonaparte.* S.l. [Strasbourg], An IX [1801]. — 8-о. (ОИК ГПИБ, № 5288).

⁴³ *Parry. Oeuvres choisies.* Paris, 1826. 8-о. (НИОРК ВГБИЛ, инв № 66767).

ский орел или вензель государя. Таковы гербы в суперэкслибрисах А.С. Протасовой (1745–1826)⁴⁴ (илл. 29, с. 165), графа А.А. Аракчеева (1769–1834)⁴⁵ (илл. 2, с. 123) и др.

Основным печатным источником по истории русских дворянских гербов, который незаменим в процессе исследования русских геральдических суперэкслибрисов, является «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». В первые десять томов, вышедшие в свет в печатном виде, включены почти все гербы древнего русского дворянства и дворянства XVIII–начала XIX века, то есть издание охватило гербовладельцев времени наибольшего распространения в России геральдических суперэкслибрисов. Именно это обстоятельство стало причиной подготовки нами к печати в процессе исследования сводного «Общего гербовника дворянских родов», который вышел в одном томе 2009 году⁴⁶.

Также для исследования русских геральдических суперэкслибрисов значительную помощь может оказать «Малороссийский гербовник», изданный в 1914 году В.К. Лукомским и В.Л. Модзалевским⁴⁷, в котором воспроизведены 401 герб и 9 оттисков с гербовых печатей. Гербы же представителей дворянства Лифляндии, Курляндии и Эстляндии, входивших в состав Российской империи, в изобилии представлены в «Балтийском гербовнике», составленном известным геральдистом Карлом Арвидом фон Клингшпором и изданном в Стокгольме в 1882 году⁴⁸. Многие русские гербы оказались внесены в также в «Armorial general» Иоганна Батиста Ритштапа и помещены в иллюстративном приложении к нему, изданном в шести больших томах и включающем в общей сложности около 85 тыс. схематичных рисунков европейских гербов⁴⁹.

Значительную помощь в атрибуции геральдического суперэкслибриса русскому гербовладельцу может оказать и девиз, начер-

⁴⁴ La Galerie de Florence. A Basle, 1802. 8-о. (СПБИРИ РАН, шифр И-3450).

⁴⁵ Рескрипты и записки государя Павла I к графу Аракчееву. Б. м. и г. (МК РГБ, коллекция Н.П. Смирнова-Сокольского). Воспроизведение: *Смирнов-Сокольский Н.П.* Моя библиотека: библиографическое описание. Т. I. М., 1969. С. 518.

⁴⁶ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи: Части I–X (1562 герба) / Предисловие, составление, редакция и указатель — П.А. Дружинин. М., 2009. 712 с.

⁴⁷ *Лукомский В.К., Модзалевский В.Л.* Малороссийский гербовник. СПб., 1914. (Репринтное воспроизведение: Киев, 1993).

⁴⁸ *Klingspor C.A.* Baltisches Wappenbuch, Wappen sammtlicher, den Ritterschaften von Livland, Estland, Kurland end Oesel zugehöriger Adelsgeschlechter. Stockholm, 1882.

⁴⁹ *Rolland V., Rolland H.V.* Planches de l'armorial general de J. B. Rietstap. [Заглавие т. I — Armoiries des familles continues dans l'armorial general de J. B. Rietstap]. T. I–VI. Paris, 1903–1926. Дважды переиздавалось.

танный под геральдическим щитом в суперэклибрисе. Он может быть не только русским, но и латинским (второе встречается даже чаще); для определения русского герба посредством атрибуции девиза большую помощь может оказать указатель гербовых девизов русского, польского, прибалтийского и финляндского дворянства, составленный С.Н. Тройницким⁵⁰.

Установление титула владельца суперэклибриса

Основным и самым употребляемым элементом геральдического суперэклибриса, определяющим достоинство или титул гербовладельца, служит корона, которой покрыт герб в суперэклибрисе. В разных странах и в разные времена короны служили отличительным признаком иерархии дворянского сословия, причем короны также могут отражать особенности национальных геральдик и принимать порой совершенно причудливые формы⁵¹. Для исследования геральдических суперэклибрисов корона имеет важнейшее атрибутирующее значение.

Корона наивысшего достоинства — императорская — значительно облегчает процесс атрибуции геральдических суперэклибрисов; причем если гербы императоров и императриц Российской империи опознаются без особенного труда, то для атрибуции суперэклибрисов многочисленных европейских властителей, особенно монархов Священной Римской империи, наличие императорской короны — серьезная подсказка. Таковы геральдические суперэклибрисы императора Рудольфа II (1552–1612)⁵² (илл. 84, с. 243), императора Карла VI (1685–1740)⁵³ (илл. 83, с. 243), императора Франца Иосифа I (1830–1916)⁵⁴ (илл. 58, с. 207) и пр.

Гербы в геральдических суперэклибрисах королей и членов их династий — принцев и герцогов — покрываются короной в виде золотого, богато украшенного драгоценными камнями обода с исходящими от него пятью дугами, скрепленными сверху и увенчан-

⁵⁰ Тройницкий С.Н. Гербовые девизы русского, польского, финляндского и прибалтийского дворянства. СПб., 1910.

⁵¹ Наиболее подробный атлас корон — Gerlach M. Kronen Atlas. Wien., 1877; для исследования суперэклибрисов достаточно краткой таблицы корон с их распределением по странам и эпохам: Винклер П. фон. Корона // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (С.-Петербург). Т. XVI. СПб., 1895. С. 317–320, с таблицей.

⁵² Roo G. Annales rerum belli domique ab austriacis principibus gestarum, a Rudolpho I ad Carolum V. Oe Niponti [Innsbruck], 1592. In-folio. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 548819).

⁵³ Passi B.A. Della Vita di S. Giovanni Nepomuceno. Roma, 1729. Grand in-4°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 558035).

⁵⁴ Hof- und Staats-Handbuch des kaiserthumes Oesterreich fur jahr 1856. II Theil. Wien, S. a. — grand in-8°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 561474).

XXXVII

Суперэклибрис великой княгини Натальи Алексеевны,
скрытый геральдическим суперэклибрисом великой княгини
Марии Федоровны, 1770-е гг.

XXXVIII

XXXIX

Геральдический
суперэклибрис великой
княгини Марии Федоровны
с тремя щитами

XL

Геральдический суперэклибрис
графа Д.П. Бутурлина,
нанесенный поверх шрифтового
суперэклибриса княгини
Е.Р. Дашковой

ными державой и крестом. Таковы суперэклибрисы короля Испании Карлоса III (1716–1788)⁵⁵ (илл. 68, с. 219), короля Польши Станислава-Августа (1732–1798)⁵⁶ (илл. 72, с. 225), короля Швеции Густава III (1746–1792)⁵⁷ (илл. 82, с. 243) и многие другие.

Геральдические суперэклибрисы лиц, имеющих княжеское достоинство, отличаются короной в виде шапки с горностаевым околышем, охваченным тремя дугами, также с державой сверху: суперэклибрисы князя Н.Б. Юсупова (1827–1891)⁵⁸ (илл. 49, с. 197), князя С.В. Кудашева (1863–1933)⁵⁹ (илл. 24, с. 153) и др.; для обозначения графского достоинства в геральдических суперэклибрисах служит графская корона — золотой обод с исходящими вверх девятью жемчужинами: суперэклибрисы графа П.Б. Шереметева (1713–1788)⁶⁰ (илл. 41–44, с. 185), графа Д.Н. Мавроса (1820–1896)⁶¹ (илл. 26, с. 159) и др. Значительно реже встречается начертание графской короны, насчитывающей семь жемчужин: суперэклибрис графа П.Г. Чернышева (1712–1773)⁶² (илл. 39, с. 179).

В геральдических суперэклибрисах баронов герб коронуется ободом с семью жемчужинами или ободом, трижды перевитым жемчужной нитью: суперэклибрисы барона Г.А. Строганова (1770–1857)⁶³ (илл. 34, с. 173), барона А.С. Строганова (1771–1815)⁶⁴ (илл. 33, с. 173) и др.

В геральдических суперэклибрисах нетитулованного дворянства присутствует обыкновенная дворянская корона, чаще всего имеющая обод с выступающими из него листами. Таковы геральдические суперэклибрисы Ф.П. Балк-Полева (?–1777)⁶⁵ (илл. 3,

⁵⁵ *Palafox y Mendoza J.* Obras. Parte II del tomo II. Madrid, 1762. In-folio. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 565935).

⁵⁶ *Dyaryusz seymu.* Warszawa, 1785. In-folio. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 514143).

⁵⁷ *Grimoard M. de.* Histoire des conquetes de Gustave-Adolf, Roi de Suede. P. II. Neuchatel, 1789. In-8°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 554647).

⁵⁸ *Beranger P.J.* Chansons. T. 1. Paris, 1859. 8-о. (ОРК НБ ГЭ, инв. № 107143).

⁵⁹ *Буренин В.* Песни и шаржи. СПб., 1892. 12-о. (Частное собрание, Москва).

⁶⁰ *Chaufepie J.G. de.* Nouveau dictionnaire historique et critique... T. 1. Amsterdam, La Haye, 1750. In-folio. (РНБ, шифр 12.50.1.3).

⁶¹ *Masson C.-F.-P.* Memoires secrets sur la Russe. T. 1. Londres, 1802. 8-о. (ОРК ГМП, № 67462).

⁶² Собрание Я.И. Бердичевского, Берлин (срез кожи с книжного переплета).

⁶³ *Bartoli P.S.* Recueil de peintures antiques trouvees a Rome. T. 2. Paris, 1783. Gr.-fol. (ОРК ГЭ, инв. № 25881).

⁶⁴ *Ивенский С.Г.* Книжный знак: история, теория, практика художественного развития. М., 1980. С. 42.

⁶⁵ *Tissot.* Avis au peuple sur la Sante. T. 2. Lyon, 1764. 12-о. (НИОРК ВГБИЛ, № 1776753).

с. 123), С.И. Глебова (1736–1786)⁶⁶ (илл. 12, с. 135), И.И. Поливанова (XVIII в.)⁶⁷ (илл. 28, с. 159), Г.П. Алексеева (1836–1914)⁶⁸ (илл. 1, с. 123) и др.

В процессе нашей работы встречались многочисленные случаи, когда в геральдических суперэклибрисах французских и немецких владельцев обычной дворянской короной с тремя лепестками и жемчужинами меж ними покрываются гербы титулованных гербовладельцев — графов и маркизов (например, суперэклибрисы графа Ж.Ф. Монтиньи (? — 1760)⁶⁹ (илл. 80, с. 237), графа И.И. Траутсона (1704–1757)⁷⁰ (илл. 57, с. 207), а также знаменитого библиофила графа К.Г. Хойма (1694–1736)⁷¹ (илл. 73, с. 231)).

Что же касается геральдических суперэклибрисов русских гербовладельцев, то таких случаев практически не наблюдается — почти всегда (за исключением суперэклибриса князя Н.И. Болховского (1751–?)⁷² (илл. 56, с. 203)) покрывающая герб корона точно соответствует титулу гербовладельца. Это исключение также следует дополнить указанием на то, что ряд гербов русского нетитулованного дворянства, которые принадлежат родам, происходящим от древних княжеских, покрываются княжескими коронами, но это утверждено официально: например, герб Всеволожских был высочайше утвержден с княжеской, а не дворянской короной в подтверждение происхождения этого рода от князей Смоленских (таким образом, и геральдический суперэклибрис И.А. Всеволожского имеет герб, покрытый княжеской короной).

Особенно стоит отметить обстоятельство, что в многочисленной литературе, относящейся к истории культуры и искусства, в том числе в каталогах музейных или библиотечных собраний, при описании гербов на предметах, включая книжные переплеты, налицо серьезная путаница при описании корон: дворянская путается с баронской, княжеская с императорской и т.д. В последние

⁶⁶ *Voltaire*. Collection complete des oeuvres. Т. 3. S. 1., 1757. 8-о. (ОРК ГМП, № 68085).

⁶⁷ ОИК ГПИБ, колл. А. П. Бахрушина (фрагмент кожи, срезанный с книжного переплета).

⁶⁸ *Musset A. de*. Premières poesies 1829–1835. P., 1890. 24-о. (Частное собрание, Москва).

⁶⁹ *Fielding H.* Histoire de Tom Jones, ou l'enfant trouve. Т. 1–2. A Londres, 1750. In-8°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 33819).

⁷⁰ *Buchanan G.* Rerum Scoticarum historia. Edinburgi, 1583. In-folio. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 1773428).

⁷¹ *Aulnou M.C.* Contes nouveaux ou les fees a la mode. Т. 1–2. Paris, 1715. In-12°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 552742).

⁷² Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1782. [Т. 3.] 4-о. (ОРК НБ ГЭ, инв. № 124530).

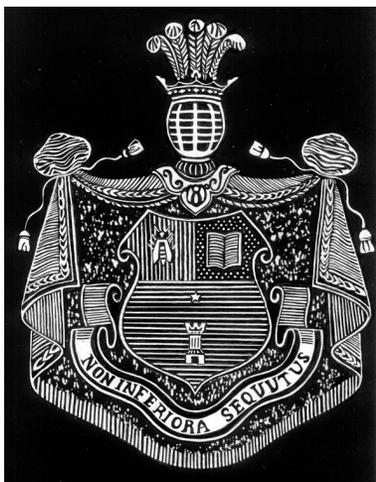
годы ситуация эта приняла состояние, которое может быть охарактеризовано как полный хаос. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что усвоение внешнего разнообразия корон для светских лиц и своеобразных отличий для духовных, с одновременным навыком различать их по странам и по отдельным эпохам, значительно облегчает задачу определения гербов в геральдических суперэкслибрисах, направляя далее процесс их атрибуции к соответственной их рангу категории гербов.

Кроме анализа корон несомненную помощь в определении ранга, титула или же духовного сана владельца суперэкслибриса могут помочь другие атрибуты, сопутствующие гербу. К таковым относятся различные шапки и специальные арматуры, присутствующие в геральдических суперэкслибрисах духовенства.

Что касается специальных шапок, употребляемых для покрытия гербов в геральдических суперэкслибрисах, то они являются чрезвычайно важными для определения западноевропейских геральдических суперэкслибрисов — таковые обычно употреблялись в суперэкслибрисах католического духовенства, и по ним можно точно определить не только принадлежность владельца геральдического суперэкслибриса к католическому духовенству как таковому, но и его сан.

Чаще это покрывающая герб в геральдическом суперэкслибрисе шапка (похожая на носимые владельцами суперэкслибриса в соответствии с их саном), из которой по две стороны гербового щита расходятся одинаковые витые шнуры с разным общим числом кистей на них: от одного ряда (соответственно с двумя кистями) до пяти рядов, с прибавлением в каждом нисходящем ряду по кисти, и насчитывающих максимально общим числом тридцать кистей. Также изображения гербов в геральдических суперэкслибрисах духовенства могут сопровождаться изображением католических митр, посохов, крестов, тиар, ключей и прочих атрибутов католичества.

Высшим по сану в иерархии католической церкви является Римский Папа, чей геральдический суперэкслибрис очень легко отличим по покрывающей герб тиаре, особого вида трехъярусной короне, отождествляющей собой три папские власти — светское и духовное владычество, а также римское господство; тиара имеет яйцевидную форму и состоит из трех простых корон, объединенных между собою, а на их вершине укреплено яблоко с серебряным крестом. Позади геральдического щита на папских суперэкслибрисах традиционно изображаются крестообразно бородаками кверху два ключа (один серебряный, другой золотой), связанные между

1

Суперэклибрис Г.П. Алексева

2

Суперэклибрис А.А. Аракчеева

3

Суперэклибрис
П.Ф. Балк-Полева

4

Суперэклибрис
А.П. Бестужева-Рюмина

собой голубой с крестами лентой (символ ключей от Царства, обещанных апостолу Петру).

Ниже по духовному рангу следуют геральдические суперэклибрисы кардиналов, гербы в которых покрываются шапкой с исходящими из нее пятью рядами кистей (общим числом тридцать). Геральдические суперэклибрисы, гербы в которых покрыты такой же шапкой, но с четырьмя рядами кистей (общим числом двадцать), соответствуют сану архиепископа. Суперэклибрисы, где таковая же шапка сопровождается тремя рядами кистей (общим числом двенадцать), зачастую сопровождается поддерживающими геральдический щит католической митрой и посохом, принадлежат гербовладельцам, имеющим сан католического епископа. Причем именно такие суперэклибрисы — имеющие вокруг герба двенадцать кистей — наиболее многочисленны и составляют значительную часть корпуса французских геральдических суперэклибрисов.

Суперэклибрисы католических аббатов различных достоинств сопровождаются: 1) шапкой с двумя рядами кистей, иногда сопровождаемых митрой и посохом (*Abbes Commendataires Seculieres*); 2) только митрой и посохом, присутствующими сверху геральдического щита (*Abbes Regulieres*). Суперэклибрисы католических каноников, достаточно редкие, имеют в своем изображении лишь изображение посоха.

Все вышеперечисленные арматуры встречаются в большом количестве в западноевропейских геральдических суперэклибрисах, особенно XVII–XVIII веков, и по наличию таких элементов в суперэклибрисе всегда однозначно можно сделать вывод как о европейском происхождении такого знака, так и о том, что его владелец принадлежит к католическому духовенству.

Кроме того, благодаря вышеуказанным арматурам при рассмотрении геральдических суперэклибрисов католического духовенства оказывается возможным достаточно точно датировать геральдический суперэклибрис, поскольку некоторые из владельцев, будучи возводимы в очередной духовный сан, заказывали и геральдический суперэклибрис с новыми арматурами — порой встречаются целые «серии» суперэклибрисов, иллюстрирующих восхождение гербовладельца по иерархической лестнице.

Геральдические арматуры часто рассматриваются вместе с так называемыми трофеями. Трофеи также являются важным элементом геральдических суперэклибрисов, благодаря которым порой возможно установить как многие подробности биографии владельца, так и географическую характеристику суперэклибриса.

При верной атрибуции геральдических трофеев возможно определить род занятий, должность или звание владельца суперэкслибриса (знаки военной доблести, изображенные на суперэкслибрисе, свидетельствуют о службе его владельца в армии, а морская символика на суперэкслибрисе характеризует служивших на флоте, и т.п.).

Некоторые трофеи дают основание для распознавания воинских званий: маршальскому соответствуют два маршальских жезла, диагональным крестом расположенные за геральдическим щитом — как на суперэкслибрисе М.-Е. Мнишека (1748–1804)⁷³ (илл. 71, с. 225); на принадлежность к артиллерии указывают присутствующие в геральдическом суперэкслибрисе пушки и т.п. Если говорить о морских званиях, то геральдическим суперэкслибрисам обладателей высшего звания — полного адмирала — соответствует трофей из двух скрещенных якорей — суперэкслибрис Луи-Александра Бурбона (1678–1737)⁷⁴ (илл. 75, с. 231), геральдическому суперэкслибрису адмирала и, позже, вице-адмирала — соответствует ровно поставленный за геральдическим щитом один якорь и т.д.

Особенную ценность трофеи приобретают на том этапе исследования геральдических суперэкслибрисов, когда сам герб владельца суперэкслибриса уже атрибутирован, то есть исследователю известно, к какому роду он принадлежит, а персонально представитель рода еще не установлен.

Хронологическая характеристика суперэкслибриса

Последним показателем, способствующим установлению качественных признаков геральдического суперэкслибриса, является датировка его происхождения на основе анализа его общей геральдической композиции и стиля. Для этого следует учесть все имеющиеся перед исследователем геральдических суперэкслибрисов признаки: и вид шлема и короны, и форму щита, и характер более ранних (стилизованных) или поздних (трактуемых натуралистично) изображений, и особенное внимание необходимо обратить на стиль картуша или намета, окружающих герб в суперэкслибрисе, а также на декоративную трактовку его элементов.

Таким образом, геральдическое исследование суперэкслибрисов состоит из трех частей; и только объединив все три части геральдического исследования суперэкслибриса — географическую

⁷³ *Expilli, l'abbé. Le geographie manuel. Paris, Liege, 1766. In-12°.* (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 1652091).

⁷⁴ *Mercure galant, dedie a monseigneur le Dauphin. Juillet 1689. Paris, [1689]. In-12°.* (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 17068).

характеристику, титул (ранг) гербовладельца и хронологическую характеристику самого суперэкслибриса, исследователь имеет достаточные основания для проведения дальнейшей атрибуции изучаемого знака в четко выделенной категории гербов, зарегистрированных в многочисленных, составленных в разных странах и в разное время сборниках гербов и геральдической литературе.

Но для эффективной атрибуции геральдических суперэкслибрисов следует пользоваться не только собственно геральдикой, но и другими вспомогательными историческими дисциплинами. Полидисциплинарность, достигаемая за счет последовательного применения в исследовании ряда вспомогательных исторических дисциплин, способствует оптимизации всего исследования геральдических суперэкслибрисов и, как следствие, достижению максимально точных результатов их атрибуции.

Фалеристическое исследование

Важнейшей дисциплиной, применение которой в процессе атрибуции геральдических суперэкслибрисов позволяет достичь положительных результатов, является фалеристика. Она оказывает серьезную помощь как в определении общественного статуса владельца суперэкслибриса, так и зачастую его национальной принадлежности. Привлечение фалеристики особенно важно при наличии суперэкслибриса, уже атрибутированного с помощью геральдического исследования какому-либо дворянскому роду, но без точного указания, к какому конкретно его представителю этот герб относится персонально.

Столь серьезное внимание к использованию фалеристики в процессе атрибуционной работы объясняется тем, что геральдические суперэкслибрисы часто содержат изображения орденских знаков, орденских цепей и орденских лент, для правильной атрибуции которых требуются знания фалеристики, равно как и умение пользоваться фалеристическими справочниками⁷⁵.

Как стало ясно в процессе исследования суперэкслибрисов, оптимизировать фалеристическое исследование позволяет рас-

⁷⁵ Основные из них суть: Wahlen A. *Ordres de chevalerie et marques d'honneur* (Bruxelles, 1844), снабженная 89 листом таблиц, с описанием всех существовавших в то время орденов, с изображением их знаков и, что очень важно в контексте нашей работы, орденских цепей. На русском языке можно указать только труд И.Г. Спасского (Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963; переиздание — СПб, 1993), лишенный изображений орденских цепей, необходимых для атрибуции геральдических суперэкслибрисов. Что касается русских орденов, то их история изложена лаконичнее в книге И.Г. Спасского, а иллюстративный материал лучше подобран в книге В.А. Дурова «Ордена России» (М., 1993).

смотрение орденских знаков последовательно по трем группам: 1) иностранные ордена; 2) иностранные ордена, употреблявшиеся в России; 3) русские ордена. Таким образом оказывается и существенная в процессе атрибуции помощь в географической характеристике геральдических суперэкслибрисов.

Иностранные ордена

Из знаков и цепей европейских орденов наиболее часто в геральдических суперэкслибрисах встречаются следующие.

Учрежденный в 1579 году и упраздненный в 1791 г. орден Святого Духа⁷⁶ — высший орден королевской Франции. Обычно на геральдических суперэкслибрисах он изображается в виде цепи, состоящей из чередующихся коронованных литер «Н» (что указывает на имя его учредителя — короля Генриха III, последнего представителя дома Валуа) и лилий, символизирующих уже род Бурбонов, унаследовавших орден; снизу цепи расположен орденский крест. Описываемые знаки чаще всего можно встретить на геральдических суперэкслибрисах французских монархов, в т.ч. Людовика XIV (1638–1715)⁷⁷ (илл. 77, с. 237), Людовика XV (1710–1774)⁷⁸ (илл. 78, с. 237), Людовика XVI (1754–1793)⁷⁹ (илл. 79, с. 237) и т.д., а также на геральдических суперэкслибрисах представителей других линий династии Бурбонов, правивших в Испании и в государствах современной Италии, как на суперэкслибрисе герцога Фердинанда Пармского (1751–1802)⁸⁰ (илл. 70, с. 225).

Так же часто, преимущественно на французских геральдических суперэкслибрисах, можно видеть изображенным орден Святого Михаила⁸¹, учрежденный Людовиком XI в 1469 году (причем этим орденом награждались и простолюдины — люди науки и искусства). Этот орден имели практически все французские монархи XVII–XVIII веков, что ясно можно увидеть по воспроизведениям их геральдических суперэкслибрисов, однако он встречается и у менее титулованных личностей. Здесь заметим, что наличие вокруг

⁷⁶ Спасский И.Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963. С. 43, воспр. на табл. VI, рис. 1–2.

⁷⁷ Felibien A. Tapisseries du Roi, ou sont representez les quatre elemens et les quatre saisons. Paris: L'Imprimerie Royale, 1670. Grand in-folio. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 516759).

⁷⁸ L'Office de la Semaine sainte. Paris, 1741. In-8°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 590595).

⁷⁹ Shakespeare, traduit de l'anglois / [Par Letourneur]. Т. 10. Paris, 1781. In-4°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 1777581).

⁸⁰ Affo P.I. Storia della città di Parma. Т. 2. Parma, 1793. Grand in-4°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 550965).

⁸¹ Спасский И.Г. Указ. соч. С. 43, воспр. на табл. VI, рис. 3.

геральдического щита орденов Святого Духа и Святого Михаила характерно для геральдических суперэклибрисов всех французских королей и принцев крови⁸². В процессе исследования знаки этого ордена были выявлены на геральдических суперэклибрисах как французских королей Людовика XIV (1638–1715)⁸³ (илл. 77, с. 237), Людовика XV (1710–1774)⁸⁴ (илл. 78, с. 237) и Людовика XVI (1754–1793)⁸⁵ (илл. 79, с. 237), так и на суперэклибрисе М.-И. Демарэ (1716–1791)⁸⁶ (илл. 76, с. 231).

В 1693 году французским королем Людовиком XIV был учрежден воинский орден Святого Людовика⁸⁷, который встречается на геральдических суперэклибрисах многих французских военачальников. Из поздних французских орденов наиболее часто на геральдических суперэклибрисах встречается орден Почетного Легиона, учрежденный по инициативе Наполеона I в 1802 году⁸⁸. Знак ордена представляет собой пятиконечную звезду с рассеченными краями, между лучами которой в некоторое время располагались лилии (в эпоху реставрации Бурбонов). Цепь ордена состоит из чередующихся вензелей «N». Этот орден украшает и суперэклибрис самого императора Наполеона⁸⁹ (илл. 81, с. 243).

Часто в геральдических суперэклибрисах европейских монархов и высших сановников встречается изображение ордена Золотого Руна⁹⁰. Он был учрежден герцогом Бургундии и Нидерландов Филиппом III Добрым в 1429 году. Знак ордена составлен из трех частей, соединяющихся поочередно в виде одной вертикальной подвески: верхняя часть изображает стальное огниво (традиционную эмблему Бургундии и Нидерландов), к чему относится нередко помещавшийся на знаке девиз: «ANTE FERIT QUAM

⁸² *Menestrier P. Nouvelle methode raisonnee du blason ou l'art heraldique. A Lyon, 1780. P. 253–255, pl. XXXVII, fig. 1.*

⁸³ *Felibien A. Tapisseries du Roi, ou sont representez les quatre elemens et les quatre saisons. Paris: L'Imprimerie Royale, 1670. Grand in-folio. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 516759).*

⁸⁴ *L'Office de la Semaine sainte. Paris, 1741. In-8°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 590595).*

⁸⁵ *Shakespeare, traduit de l'anglois / [Par Letourneur]. T. 10. Paris, 1781. In-4°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 1777581).*

⁸⁶ *Racan H. Les oeuvres de M. Honorat de Beuil, chevalier, seigneur de Racan. T. 1–2. Paris, 1724. In-12°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 26201).*

⁸⁷ *Снасский И.Г. Указ. соч. С. 43, воспр. на табл. VI, рис. 4.*

⁸⁸ *Снасский И.Г. Указ. соч. С. 44–45, воспр. на табл. VI, рис. 8; Wahlen A. Op. cit. P. 7, 71, pl. III, fig 1, pl. XXV 9–10.*

⁸⁹ *Ventnat E.P. Jardin-de la Malmaison . T. [1]–2. Paris, 1803–1807. Grand in-folio. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 11591).*

⁹⁰ *Снасский И.Г. Указ. соч. С. 36–37, воспр. на табл. III, рис. 1 и табл. XVII, рис. 1; Wahlen A. Op. cit. P. 71–75, pl. XXV, fig. 11–13, pl. XXVI, fig. 19.*

5
Суперэкслибрис
Э.И. Бирона

6
Суперэкслибрис
Д.П. Бутурлина (вариант 1)

7
Суперэкслибрис
Д.П. Бутурлина (вариант 2)

8
Суперэкслибрис
М.С. Воронцова

FLAMMA MICET» (Удар падает прежде, чем блеснет пламя. — *лат.*); ниже помещается подвеска с изображением кремня и вспыхнувшего вокруг него пламени, под которой уже и помещается третья и основная часть — изображение собственно Золотого Руна, бараньей шкуры с головой и копытами, перехваченного посередине.

Изображение этого ордена зафиксировано и на геральдических суперэклибрисах императоров Священной Римской империи из династии Габсбургов — Карла VI (1685–1740)⁹¹ (илл. 83, с. 243) и Рудольфа II (1552–1612)⁹² (илл. 84, с. 243), австрийского императора Франца Иосифа I Габсбурга (1830–1916)⁹³ (илл. 58, с. 207); представителей испанской ветви династии Бурбонов — королевы Испании Изабеллы II (1830–1904)⁹⁴ (илл. 67, с. 219), короля Испании Карлоса III (1716–1788)⁹⁵ (илл. 68, с. 219) и других знаках. Причем бытование этого знаменитого ордена на геральдических суперэклибрисах представителей нескольких стран объясняется разделением этого ордена между несколькими державами. Цепь ордена, изображающаяся традиционно на суперэклибрисах его кавалеров, сравнительно легка для определения — она состоит из чередующихся изображений огнива и пламенеющих кремней, и наиболее часто такая цепь уложена вокруг герба.

Вторым по значению после Золотого Руна испанским орденом был орден Карлоса III⁹⁶, знаки которого почти всегда присутствуют на геральдических суперэклибрисах представителей династии Бурбонов, особенно представителей тех ветвей этого семейства, которые были монархами в Испании или государствах современной Италии. Орден Карлоса III был учрежден испанским королем Карлосом III в 1771 году по случаю рождения внука и в почитание Непорочного зачатия. Знак ордена, представляющего собой крест с лилиями меж сторонами, несет на себе изображение Богоматери на полумесяце («зачатие») и вензель короля Карлоса III, там же помещается девиз «VIRTUTI ET MERITO» (Храбрости и добродете-

⁹¹ Passi B.A. Della Vita di S. Giovanni Nepomuceno. Roma, 1729. Grand in-4°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 558035).

⁹² Roo G. Annales rerum belli domique ab austriacis principibus gestarum, a Rudolpho I ad Carolum V. Oe Niponti [Innsbruck], 1592. In-folio. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 548819).

⁹³ Hof- und Staats-Handbuch des kaiserthumes Oesterreich fur jahr 1856. II Theil. Wien, S. a. — grand in-8°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 561474).

⁹⁴ Lopez Mendosa, don Inigo, marquis de Santillana. Obras. Madrid, 1852. Grand in-8°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 289438).

⁹⁵ Palafox y Mendoza J. Obras. Parte II del tomo II. Madrid, 1762. In-folio. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 565935).

⁹⁶ Спасский И.Г. Указ. соч. С. 37, воспр. на табл. III, рис. 5–6.

ли. — *лат.*). Цепь ордена состоит из четырех чередующихся элементов — вензеля Карлоса III, башни, панциря с трофеями и львов. Именно по характерной цепи этот орден атрибутируется на геральдических суперэкслибрисах испанской королевы Изабеллы II (1830–1904)⁹⁷ (илл. 67, с. 219) и герцога Фердинанда Пармского (1751–1802)⁹⁸ (илл. 69, с. 225).

Вышим английским орденом, присутствующим в геральдических суперэкслибрисах не только английских монархов, но и многих представителей высшей английской аристократии, является орден Подвязки⁹⁹, учрежденный в 1348 или 1350 году. Основным знаком ордена является сама подвязка — голубая матерчатая полоска с пряжкой, носимая над коленом левой ноги поверх белого трико орденского костюма. Орден имеет девиз, который и вышит на подвязке: «HONI SOIT QUI MAL Y PENSE» (Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает. — *фр.*). Также кавалер вместе с собственной подвязкой получал нагрудный знак — фигурку Святого Георгия, поражающего змия, на орденской цепи. В геральдических суперэкслибрисах наличие у гербовладельца этого ордена обычно обозначается лентой с ремешком и пряжкой, кругом окаймляющей композицию герба или вензеля, с орденским девизом на ленте. Иногда в добавление к этому внизу знака изображается фигура Святого Георгия. Таково и изображение ордена, выявленное на суперэкслибрисе брауншвейгского герцога Вильгельма (1806–1884)¹⁰⁰ (илл. 63, с. 213), когда он представлен традиционным изображением застегнутого ремешка, с девизом на ленте и знаком ордена в виде фигуры Святого Георгия.

Одним из самых оригинальных европейских орденов, встречающихся при исследовании геральдических суперэкслибрисов, является высший датский орден — учрежденный в 1190 году орден Слона¹⁰¹. С 1693 года он становится светским придворным орденом. Знак его представляет собой полноценную скульптуру слона с башней на спине; цепь ордена, обычно положенная вокруг геральдического щита, составлена также из фигурок слонов.

⁹⁷ Lopez Mendosa, don Inigo, marquis de Santillana. Obras. Madrid. 1852. Grand in-8°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 289438).

⁹⁸ Affo P.I. Storia della città di Parma. T. 2. Parma, 1793. Grand in-4°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 550965).

⁹⁹ Спасский И.Г. Указ. соч. С. 49, воспр. на табл. XII, рис. 1–4; Wahlen A. Op. cit. P. 100–105, pl. XXXII, fig. 1–4.

¹⁰⁰ Alboise M., Maquet A. Les prisons de l'Europe. T. VII. Paris, 1845. In-8°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 554821).

¹⁰¹ Спасский И.Г. Указ. соч. С. 52–54, воспр. на табл. XI, рис. 4–5; Wahlen A. Op. cit. P. 51–51, pl. XIX, fig. 1–3.

В композиции геральдических суперэклибрисов шведских монархов и их подданных часто встречается орден Серафимов¹⁰² — старейший и главный среди шведских орденов, учреждение которого относится к XIII или XIV веку. Возобновлен же он был королем Фридрихом I в 1748 году. На знаке и на звезде ордена изображения серафимов заполняют стороны креста, а также несут на себе шифры IHS — «IESUS HOMINUM SALVATOR» (Иисус спаситель людей. — лат.). Цепь ордена состоит из чередующихся крестов и серафимов и легко опознаваема в процессе исследования геральдических суперэклибрисов — таков и суперэклибрис шведского короля Густава III (1746–1792)¹⁰³ (илл. 82, с. 243).

При атрибуции изображений орденов на суперэклибрисах следует особенно внимательно относиться к орденским цепям и прочим их частям (звездам и знакам), потому что передача орденов в рисунках геральдических суперэклибрисов не всегда столь точна, что связано как со сложностями технологического порядка (о чем уже шла речь выше), так и с тем обстоятельством, что довольно часто штамп-матрицу для тиснения исполнял мастер-иностранец, никогда не видевший ордена. И если многие знаменитые живописцы (как, например, Д.Г. Левицкий в России) при работе над портретами монархов или высших сановников были удостоены чести получать в свои мастерские на короткое время одеяния и даже ордена портретируемых, то резчики по металлу иногда получали лишь рисунок, а много чаще — просто оттиск сургучной печати заказчика. При атрибуции предметов фалеристики в геральдических суперэклибрисах необходимо сопоставлять как все орденские знаки, звезды, так и цепи, поскольку иногда может быть изображена только одна цепь ордена, а иногда и цепь, и знак, и звезда; особенно же внимательно стоит относиться к случаям, довольно часто встречающимся в геральдических суперэклибрисах, когда на одном суперэклибрисе одновременно изображены знаки (цепи) нескольких орденов.

Иностранные ордена, употреблявшиеся в России

Первым иностранным орденом, который стал употребляться в России и часто входит в состав геральдических суперэклибрисов, является голштинский орден Святой Анны¹⁰⁴. Он был учрежден

¹⁰² Спасский И.Г. Указ. соч. С. 55, воспр. на табл. XIII, рис. 1–2; Wahlen A. Op. cit. P. 276–279, pl. LXXIX, fig. 1–3.

¹⁰³ Grimoard M. de. Histoire des conquêtes de Gustave-Adolf, Roi de Suede. Part II. Neuchatel, 1789. In-8°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 554647).

¹⁰⁴ Спасский И.Г. Указ. соч. С. 82–84, 119–123, воспр. на табл. XXXVI; Дуров В.А. Ордена России. М., 1993. С. 104–119.

в 1735 году герцогом Гольшейн-Готторпским Карлом Фридрихом в память своей почившей супруге Анне Петровне — дочери Петра Великого. Орден состоял из креста и звезды и имел одну единственную степень. Крест — с четырьмя равными лучами, между которых в углах — золотые украшения с алмазами; в среднике — изображение Святой Анны. Звезда — о восьми лучах, с красным крестом в среднике и девизом по кругу: «AMANTIBUS JUSTITIAM, PIETATEM ET FIDEM» (Любящим правду, благочестие и верность. — лат.). В 1739 году, после смерти учредителя ордена, его сын герцог Гольштейн-Готторпский Карл Петр Ульрих наследовал отцу и стал гроссмейстером ордена. В 1742 году он под именем великого князя Петра Федоровича стал наследником российского престола, привезя с собой и орден. К 1762 году, когда он вступил на российский престол под именем императора Петра III, в России было уже несколько десятков кавалеров этого обрусевшего ордена. После смерти Петра III гроссмейстером ордена стал его сын Павел Петрович, который в день своей коронации возвел этот орден в число орденов Российской империи. В тот же момент он был разделен на три степени, к которым в 1815 году добавилась и четвертая. Звезда полагалась только кавалерам — то есть награжденным орденом первой степени. До 1797 года, когда орден Святой Анны был разделен на степени, им было награждено не менее 447 человек.

Орден Святой Анны в процессе нашей работы был зафиксирован на суперэкслибрисах графа А.М. Ефимовского (?–1767)¹⁰⁵ (илл. 22, с. 153), графа Н.И. Панина (1718–1783)¹⁰⁶ (илл. 27, с. 159), графа П.Б. Шереметева (1713–1788)¹⁰⁷ (илл. 43, с. 185).

Следующий иностранный орден, вошедший в число российских, который присутствует на русских геральдических суперэкслибрисах (традиционно герб в суперэкслибрисе накладывается на его звезду), — орден Святого Иоанна Иерусалимского, иначе именуемый Мальтийским орденом¹⁰⁸, древнейший из орденов, основанный в XI веке. Первым русским кавалером, удостоенным этой награды, был фельдмаршал граф Б.П. Шереметев, пожалованный орденом в 1697 году. А уже Павел I взял Мальтийский орден под свое покров-

¹⁰⁵ *L'Illiade d'Homere, traduction nouvelle par Bitaube*. Т. 2. Paris, 1764. 8-о. (Музей-усадьба «Архангельское», ОРК, инв. № 8546).

¹⁰⁶ *Херасков М.М.* Россияда, поэма эпическая. М., 1779. 4-о. (МК РГБ, шифр У — 4-о/79-Х).

¹⁰⁷ *Les argemens de la campagne, ou remarques particulieres...* Leyde, Amsterdam, 1750. 4-о. (Музей-усадьба «Архангельское», ОРК, инв. № 14 738).

¹⁰⁸ *Спасский И.Г.* Указ. соч. С. 27–31, воспр. на табл. I; Дуров В. А. Ордена России. М., 1993. С. 120–129.

вительство, в 1798 году принял титул Великого магистра Мальтийского ордена. С того времени Мальтийским орденом государь стал награждать российских подданных; кроме того, изображение Мальтийского ордена вошло в состав изображений государственного герба и государственной печати. При Александре I, не поддерживавшем энтузиазм отца, этот орден перестал употребляться в России.

Крест Мальтийского ордена очень прост и легко узнаваем на суперэклибрисах: от середины, лишенной всякого средника, а потому особенно узкой, расходятся четыре луча, имеющие форму ласточкиных хвостов. Так он изображен и на геральдическом суперэклибрисе барона А.С. Строганова (1771–1815)¹⁰⁹ (илл. 33, с. 173).

В композициях суперэклибрисов часто можно встретить знаки польского ордена Белого Орла¹¹⁰. Он был учрежден в 1705 году польским королем Августом II Сильным. Сначала знак ордена существовал в виде медальона с изображением белого орла и девизом «PRO FIDE, REGE ET LEGE» (За веру, короля и закон. — лат.). Однако уже в 1707 году орден Белого Орла приобрел форму креста, в какой и получил наибольшее распространение в геральдических суперэклибрисах. Этим орденом награждались как коронованные особы, так и многочисленные польские сторонники, особенно при Августе II.

В процессе работы изображения этого ордена были атрибутированы на ряде геральдических суперэклибрисов — графа Г. Брюля (1700–1763)¹¹¹ (илл. 61, с. 213), графа М. Мнишека (1748–1806)¹¹² (илл. 71, с. 225), польского короля Станислава-Августа (1732–1798)¹¹³ (илл. 72, с. 225), графа К.Г. Хойма (1694–1736)¹¹⁴ (илл. 73, с. 231) и др.

Во второй половине XVIII столетия орденом Белого Орла награждались многие русские, а в 1831 году этот орден вошел в состав российских императорских орденов и имел, как и прежде, одну степень, состоящую из звезды и знака. Знак ордена Белого Орла представлял собой изображение польского орла, наложенное на двуглавого российского орла, покрытого императорской короной.

¹⁰⁹ Hore beate Marie Virginis... Paris, 1526. 12-о. (ОРК РНБ, инв. М-1607).

¹¹⁰ Спасский И.Г. Указ. соч. С. 68–69, воспр. на табл. XVIII, рис. 1–2; Wahlen A. Op. cit. P. 225–227, pl. LXVII, fig. 17–18. Дуров В.А. Ордена России. М., 1993. С. 130–135.

¹¹¹ Les amours de Henri IV. P. I–II. Amsterdam, 1754. In-8°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 464274).

¹¹² Furetiere A. Dictionnaire universel... Т. 3. A la Haye, 1727. In-folio. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 1772503).

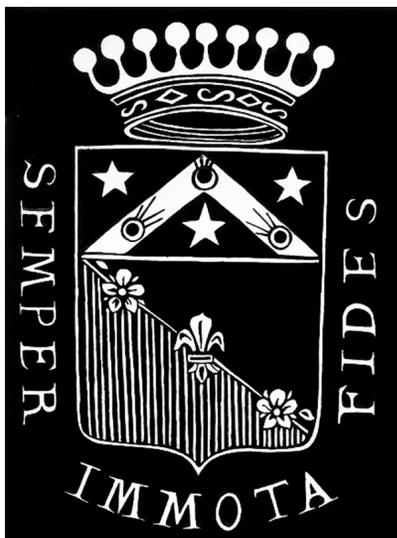
¹¹³ Dyaryusz seymu. Warsawa, 1785. In-folio. (НИОРК ВГБИЛ, инв. №. 514143).

¹¹⁴ Aulnou M.C. Contes nouveaux ou les fees a la mode. Т. 1–2. Paris, 1715. In-12°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 552742).

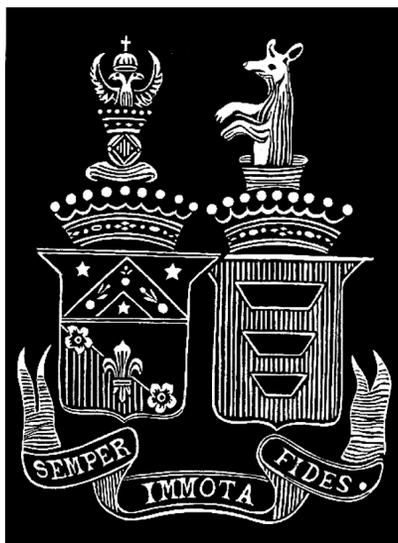
9

Суперэклибрис М.С. Воронцова

10

Суперэклибрис М.С. Воронцова

11

Суперэклибрис Е.К. Воронцовой

12

Суперэклибрис С.И. Глебова

Орден Белого Орла изображен на суперэклибрисах графа П.Б. Шереметева (1713–1788)¹¹⁵ (илл. 41, с. 185), герцога Э.И. Бирона (1690–1772)¹¹⁶ (илл. 5, с. 129), князя А.М. Голицына (1723–1807)¹¹⁷ (илл. 13, с. 141), графа П.К. Разумовского (1751–1823)¹¹⁸ (илл. 32, с. 165) и знаках других русских владельцев.

Второй польский орден, который также часто входит в изображения геральдических суперэклибрисов, — орден Св. Станислава¹¹⁹ — был учрежден польским королем Станиславом-Августом Понятовским в 1765 году. Первоначально он имел одну степень и состоял из звезды и креста. Звезда о восьми лучах, традиционной формы, с инициалами Святого Станислава — S.S. — в среднике и орденским девизом вокруг: «PRAEMIANDO INCITAT» (Награждая поощряет. — *лат.*). Крест ордена был не похож на остальные русские кресты и больше напоминал по форме мальтийский, но со средником, а на «ласточкиных хвостах» имел шарики (подобие жемчужин) и дужки. Между крыльями креста были помещены орлы: сначала это были польские одноглавые орлы, а когда в 1831 году орден Св. Станислава вошел в число российских орденов, то уже российские.

Изображение этого ордена было отмечено на суперэклибрисах графа П.К. Разумовского (1751–1823)¹²⁰ (илл. 32, с. 165) и М.А. Оболенского (1805–1873)¹²¹ (илл. 53, с. 203).

Русские ордена на геральдических суперэклибрисах

Первый и высший орден Российской империи — орден Святого апостола Андрея Первозванного¹²² — был учрежден Петром I. Первым кавалером ордена стал генерал-адмирал Ф.А. Головин (1650–1706), награжденный 10 марта 1699 года: «Был первым в военных

¹¹⁵ *Chaufepie J.G. de. Nouveau dictionnaire historique et critique...* Т. 1. Amsterdam, La Haye, 1750. In-folio. (РНБ, шифр 12. 50. 1. 3.)

¹¹⁶ Книга устав воинский о должности генералов, фельд маршалов, и всего генералитета, и прочих чинов. СПб., 1737. 8-о. (ОИК ГПИБ, № 6659. Эжс. Чертковской библиотеки).

¹¹⁷ *Платон* (Левшин). Поучительные слова. Т. 10. М., 1782. 8-о. (ОИК ГПИБ, № 5178).

¹¹⁸ Goldsmith O. The vicar of Wakefield. Paris, 1796. In-12-о. (Частное собрание, Москва).

¹¹⁹ *Спасский И.Г.* Указ. соч. С. 69, 120, воспр. на табл. XXXVII, рис. 1–4.; Дуров В.А. Ордена России. М., 1993. С. 134–143.

¹²⁰ Goldsmith O. The vicar of Wakefield. Paris, 1796. In-12-о. (Частное собрание, Москва).

¹²¹ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку князя Оболенского. М., 1853. (Частное собрание, Москва).

¹²² *Спасский И.Г.* Указ. соч. С. 109–111, воспр. на табл. XXXI; Дуров В.А. Ордена России. М., 1993. С. 8–19.

Следующий хронологически русский орден — женский орден Святой Екатерины¹²⁷, первоначально называвшийся орденом Освобождения, учрежденный Петром I в честь своей супруги Екатерины I, которая и стала 24 ноября 1724 года первой кавалерственной дамой этого ордена. Девиз ордена — «За любовь и отечество».

Знаки ордена состоят из традиционного креста о четырех лучах, в центре которого находится крупный относительно лучей медальон с эмалевым изображением Святой Екатерины и разбросанными литерами DSFR, обозначающими «Domine, salvum fac Regem» (Господи, спаси царя. — *лат.*). На оборотной стороне медальона изображены орел и орлица, истребляющие змей, и начертана следующая надпись: «Aequant munia comparis» (Трудами сравнивается с супругом. — *лат.*). Крест носился на банте с девизом ордена и полагался для установленных двух степеней ордена (они различались размерами и богатством отделки орденского знака). Звезда ордена о восьми лучах с девизом «За любовь и Отечество» полагалась только к награде первой степени.

Этой женской наградой 5 февраля 1727 года был пожалован обер-камергер князь А.А. Меншиков, сын генералиссимуса. В силу того, что это женский орден, на суперэклибрисах он встречается крайне редко, поскольку женщин-библиофилов в России почти не было. Единственный зафиксированный случай — выявленный Е.З. Панченко в библиотеке СПб ИРИ РАН геральдический суперэклибрис А.С. Протасовой (1745–1826)¹²⁸ (илл. 29, с. 165) — камер-фрейлины императрицы Екатерины II¹²⁹.

Также в изображениях геральдических суперэклибрисов употреблялся и орден Святого Александра Невского¹³⁰. Орден задуман был еще Петром Великим, но первое награждение состоялось только при императрице Екатерине I — 21 мая 1725 года, в день бракосочетания принцессы Анны; в этот день первыми кавалерами этого ордена были пожалованы девятнадцать человек¹³¹. Орден Святого Александра Невского имел одну степень, знаки его состоят из звезды и креста. Звезда о восьми лучах, с вензелем «AS» под короной в среднике и начертанным вокруг орденским девизом:

¹²⁷ Спасский И.Г. Указ. соч. С. 111–112, воспр. на табл. XXXII; Дуров В.А. Ордена России. М., 1993. С. 144–147.

¹²⁸ La Galerie de Florence. A Basle, 1802. 8-о. (СПБИРИ РАН, шифр И-3450).

¹²⁹ Панченко Е.З. Забытая коллекция: суперэклибрисы в библиотеке Н.П. Лихачева // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2005. Сб. XXXIX. С. 128, илл.

¹³⁰ Спасский И.Г. Указ. соч. С. 112–115, воспр. на табл. XXXIII; Дуров В.А. Ордена России. М., 1993. С. 20–33.

¹³¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Списки кавалерам... С. 112–114.

«За труды и Отечество». Крест ордена состоит из красных лучей, немного расширяющихся от центрального медальона; между лучами расположены четыре двуглавых орла, имеющие основанием своим медальон, на котором изображен Святой Александр Невский на коне.

Этот орден часто встречается на русских геральдических суперэклибрисах и является важнейшим признаком для их персональной атрибуции; он выявлен на суперэклибрисах графа П.Г. Чернышева (1712–1773)¹³² (илл. 39, с. 179), И.И. Шувалова (1727–1797)¹³³ (илл. 48, с. 191), графа П.Б. Шереметева (1713–1788)¹³⁴ (илл. 45, с. 191), герцога Э.И. Бирона (1690–1772)¹³⁵ (илл. 5, с. 129), князя А.М. Голицына (1723–1807)¹³⁶ (илл. 13, с. 141) и других суперэклибрисах русских владельцев.

Следующая русская награда, знание внешних признаков которой необходимо в процессе фалеристического исследования геральдических суперэклибрисов, — учрежденный в 1769 году императрицей Екатериной II военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия¹³⁷. Уже при самом основании он был разделен на четыре степени (1 и 2 — «большого креста», а 3 и 4 — «малого креста»), которые, по статуту, могли даваться только поочередно, от четвертой до первой. Первым кавалером стала сама государыня Екатерина II, как учредительница ордена, возложившая на себя орденские знаки первой степени. Знаками ордена был крест, который для первой и второй степеней был сопровождается звездой. Крест белый, с четырьмя лучами, немного расширяющимися от средника. В среднике — изображение Святого Георгия, поражающего копьём змия; на обратной стороне средника был начертан вензель Святого Георгия — «СГ». Первая и вторая степени ордена сопровождаются четырехугольной звездой с вензелем «СГ» в среднике, вокруг которого расположен по кругу орденский девиз: «За службу и храбрость». Орден Святого Георгия входит в изображение гераль-

¹³² Собрание Я.И. Бердичевского, Берлин (срез фрагмента кожи с книжного переплета).

¹³³ *Prevost d'Exiles A.F. Histoire generale des voyages*. Т. 8. La Haye, 1744. 4-о. (Музей-усадьба «Архангельское», ОРК № 4295).

¹³⁴ *Chaufepie J.G. de. Nouveau dictionnaire historique et critique...* Т. 1. Amsterdam — La Haye, 1750. In-folio. (РНБ, шифр 12.50.1.3.)

¹³⁵ Книга устав воинский о должностях генералов, фельд маршалов, и всего генералитета, и протчих чинов... СПб. 1737. 8-о. (ОИК ГПИБ, № 6659. Экз. Чертковской библиотеки).

¹³⁶ *Платон (Левшин)*. Поучительные слова. Т. 10. М., 1782. 8-о. (ОИК ГПИБ, № 5178).

¹³⁷ *Спасский И.Г.* Указ. соч. С. 115–116, 118, воспр. на табл. XXXIV, рис. 1–5; Дуров В.А. Ордена России. М., 1993. С. 33–51.

дического суперэклибриса князя И.И. Барятинского (1767–1826), известного нам только по упоминанию в литературе¹³⁸.

Второй орден, учрежденный императрицей Екатериной II, — орден Святого равноапостольного князя Владимира¹³⁹ — получил свое рождение в 1782 году по случаю двадцатилетия царствования императрицы. Орден Святого Владимира был предназначен для награждения отличившихся как на воинской, так и на статской службе. Также как и орден Святого Георгия, он при основании получил четыре степени. Всем четырем степеням ордена соответствовал крест, а при награждении первой и второй степенью — еще и звезда. Крест ордена Святого Владимира традиционной формы, с немного расширяющимися от средника лучами. В среднике — финифтяная вставка с вензелем «СВ» на лицевой стороне, и двуглавым орлом на обороте. Звезда ордена о восьми лучах, причем, в отличие от других русских орденов, четыре луча золотые, а четыре — серебряные, что всегда четко видно при графических изображениях. В среднике — равноконечный крест, между лучами которого в форме квадрата расположены литеры «СРКВ» — то есть «Святой равноапостольный князь Владимир»; вокруг средника начертан девиз ордена: «Полюза честь и слава».

Знаки владимирского ордена часто входят в композицию геральдических суперэклибрисов, особенно в знаки рубежа XVIII–XIX веков, и могут оказать серьезную помощь в их персональной атрибуции. Они были зафиксированы в суперэклибрисах П.Г. Демидова (1738–1821)¹⁴⁰ (илл. 19, с. 147), графа Л.К. Разумовского (1757–1818)¹⁴¹ (илл. 31, с. 165), Г.Р. Шидловского (1752–1820)¹⁴² (илл. 47, с. 191) и др.

Применение фалеристики в процессе исследования геральдического суперэклибриса, безотносительно его географической принадлежности, зачастую оказывает исследователю ни с чем не сравнимую помощь. Поскольку процесс атрибуции геральдического суперэклибриса разделяется на две составные части: первая — определение рода (фамилии), которой соответствует этот герб на суперэклибрисе, а вторая — определение конкретного представителя этого рода, собственно владельца геральдического суперэклибри-

¹³⁸ Труды ЛОЭ. XI–XII. С. 7.

¹³⁹ *Спасский И.Г.* Указ. соч. С. 117, воспр. на табл. XXXV; Дуров В.А. Ордена России. М., 1993. С. 88–103.

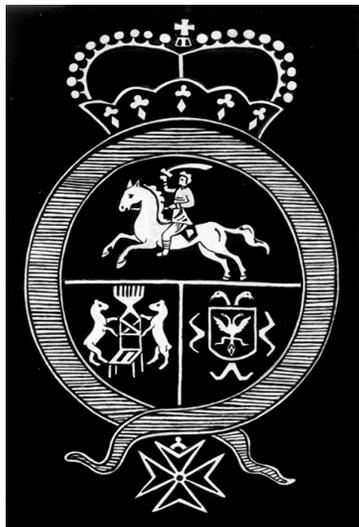
¹⁴⁰ *Noratius. Opera.* V. 1. Londini, 1733. 8-о. (МК РГБ, № IX-6971).

¹⁴¹ *Buffon G.-L. Histoire naturelle.* T. 2. Paris, 1799. 12-о. (ИРЛИ, Б-ка А.С. Пушкина, VIII-7/17).

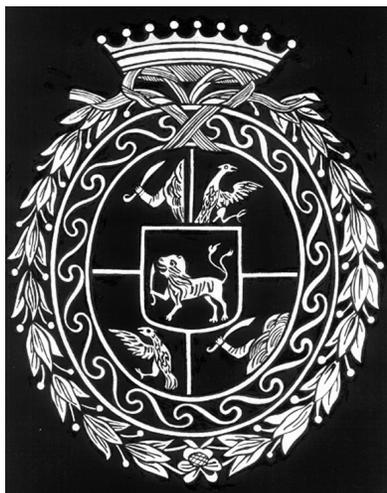
¹⁴² *Лессинг Г.Э.* Клад. М., 1788. 12-о. (НИОРК ВГБИЛ, № 627410).

13
Суперэкслибрис А.М. Голицына

14
Суперэкслибрис М.М. Голицына

15
Суперэкслибрис А.Г. Головкина

16
Суперэкслибрис А.Г. Головкина

са. Причем вторая часть едва ли не превосходит по сложности первую, потому как при проведении геральдического исследования есть возможность пользоваться прямыми справочными материалами — гербовниками. Даже если допустить, что географическая принадлежность герба не была определена при исследовании, то экстенсивным способом есть возможность, в большинстве случаев, обнаружить все-таки искомый герб, хотя бы и потратив на его поиски массу времени и сил, просмотрев все известные (или доступные) гербовники. Тогда как решить таким механическим способом вторую задачу — определить персонально владельца геральдического суперэклибриса — вряд ли возможно, поскольку мало определить конкретный орден, нужно еще суметь воспользоваться полученной информацией и привлечь дополнительные источники, кавалерские списки, и уже проведя работу с ними есть возможность получить требуемый результат.

Если же знаки орденов на геральдическом суперэклибрисе отсутствуют, то необходимы более сложные исследования, причем уже не столько самих суперэклибрисов, сколько книг, на которых они выявлены, привлекая палеографию (для изучения владельческих записей на экземплярах). Если же невозможно найти ни малейшей зацепки, за которую историк мог бы ухватиться для персонализации суперэклибриса, то знак атрибутируется как суперэклибрис представителя какого-либо дворянского рода без конкретного указания на персоналию. В таком случае остается лишь надеяться, что отыщутся другие экземпляры с таким же геральдическим суперэклибрисом, на которых владелец оставил свои следы.

Что касается изображений русских орденов, встречающихся в геральдических суперэклибрисах, то значительную помощь исследователю в персональной атрибуции, особенно знаков XVIII столетия, оказывают изданные списки награжденным русскими орденами. Наиболее полным печатным списком кавалеров орденов Святого апостола Андрея Первозванного, Святой Екатерины и Святого Александра Невского было изданное в 1814 году в Москве под именем Д.Н. Бантыш-Каменского «Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов». Однако справочник этот оказался полон неточностей и просто ошибок. Чтобы сделать его пригодным для пользования историка, в том числе и для атрибуции геральдических суперэклибрисов, в процессе нашей работы было подготовлено новое, исправленное издание этого справочника, напечатанное в издательстве «Древлехранилище» в 2006 году¹⁴³. В указанных в издании 1481 награжде-

¹⁴³ Бантыш-Каменский Н.Н. Списки кавалерам...

нии в 67 случаях были установлены имена, в 54 — отчества, а в 149 случаях — имена и отчества; были скорректированы 140 неверно написанных фамилий, имен и отчеств, а также исправлены некоторые даты награждений и внесены несколько пропущенных в первом издании кавалеров. Сверх этого, оказалось возможным установить и истинного автора этого драгоценного справочника: им оказался Николай Николаевич Бантыш-Каменский.

Печатные справочники награжденных существуют для военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия.¹⁴⁴ Для поиска награжденных в XIX столетии существуют ежегодные печатные «Списки кавалерам Российских императорских и царских орденов...», выходившие в 1806–1851 годах¹⁴⁵. Для поиска награжденных в другие годы следует прибегать к более сложному поиску — путем просмотра списков чиновным особам (статским и военным), а также прочих печатных справочников¹⁴⁶.

Как показал опыт исследования геральдических суперэклибрисов, самым трудоемким является поиск кавалеров ордена Святого Владимира за период 1782 (с учреждения ордена) до конца 1800-х годов, особенно 2, 3 и 4 степеней, поскольку эти награждения были наиболее массовыми. Сведения о них можно найти только в Адрес-календарях (выборочно), а более всего — в Придворных календарях за эти годы, где помещались алфавитные списки награжденным.

Списки кавалеров двух польских орденов, вошедших в 1831 году в состав русских наград, — Святого Станислава и Белого Орла — хотя и не исчерпывающе полные, но все-таки изданы на польском языке в Варшаве Станиславом Лозой в 1920-х годах¹⁴⁷. Оговорим особо тот факт, что указанные два кавалерских списка могут быть дополнены сведениями из российских печатных Адрес-календарей.

Таким образом, фалеристика в исследовании геральдических суперэклибрисов не только оказывает помощь в их атрибуции, но

¹⁴⁴ Списки кавалеров императорского военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия за боевые отличия: 26 ноября 1769 — 1 сентября 1880. СПб., 1880.

¹⁴⁵ Список кавалерам Российских императорских и царских орденов всех наименований... [на 1806, 1827–1829, 1831, 1832, 1838, 1843, 1849] СПб., 1806–1850; Список кавалерам Российских императорских и царских орденов и имеющих знаки отличия беспорочной службы, всемилоостивейше пожалованных в течение... [1833–1834, 1837, 1839–1841, 1845, 1850, 1851] года. СПб., 1834–1852.

¹⁴⁶ См.: Справочники по истории дореволюционной России: Библиографический указатель. Изд. 2-е. / Ред. П.А. Зайончковский. М., 1978. С. 178–180, 254–259.

¹⁴⁷ Loza S. *Historja orderu Orla Bialego*. Warszawa, 1922; Loza S. *Kawalerowie orderu sw. Stanislaw*. Warszawa, 1925.

нередко является единственной вспомогательной исторической дисциплиной, с помощью которой это вообще возможно сделать.

Нумизматика в исследовании суперэкслибрисов

Необходимость применения нумизматики для атрибуции геральдических суперэкслибрисов, на первый взгляд, неочевидна. Однако атрибуционная работа наглядно доказала, что рассмотрение как геральдических, так и шрифтовых суперэкслибрисов, принадлежавших многочисленным монархам — королям, герцогам, курфюрстам, владетельным князьям и прочим европейским властителям, — зачастую не может быть выполнена без привлечения нумизматического материала.

Нумизматика является одной из старейших вспомогательных исторических дисциплин (научная нумизматика возникла во второй половине XVIII века), а для ориентирования в огромном объеме разнообразного нумизматического материала — от древности до наших дней — разработано множество пособий, атласов и подробнейших иллюстрированных справочников, притом общедоступных, позволяющих даже дилетанту определить географическую и хронологическую характеристики монеты. Конечно, исследователь геральдических суперэкслибрисов просто обязан воспользоваться таким превосходным справочным материалом, поскольку непосредственно геральдических справочников такого географического и хронологического охвата попросту не существует, да и вряд ли в обозримом будущем они могут быть созданы.

А потому исследователь суперэкслибрисов, поставивший себе целью атрибутировать геральдический или шрифтовой знак, являющийся суперэкслибрисом европейского монарха — какого-либо австрийского эрцгерцога, итальянского принца или немецкого курфюрста, — вряд ли найдет более эффективный способ, чем использование нумизматических справочников. Для атрибуции суперэкслибрисов наиболее просты в использовании, изобилуют воспроизведениями и одновременно исчерпывающе полны так называемые справочники «Краузе» — иллюстрированные энциклопедии-ценники европейских монет XVII¹⁴⁸, XVIII¹⁴⁹ и XIX¹⁵⁰ веков.

¹⁴⁸ Krause Ch.L., Mishler C. Standard catalog of world coins 1601–1700. Iola, 1996. 1152 p.

¹⁴⁹ Krause Ch.L., Mishler C. Standard catalog of world coins eighteenth century 1701–1800. Iola, 1993. 1008 p.

¹⁵⁰ Krause Ch.L., Mishler C. Standard catalog of world coins 1801–1900. Iola, 1996. 1152 p.

Для знаков более раннего периода можно воспользоваться справочником Давенпорта по европейским талерам 1484–1600 годов¹⁵¹. Этих четырех книг для предмета настоящего исследования вполне достаточно, а эффект от их использования трудно переоценить. При этом скажем, что существуют и специальные геральдические справочники по нумизматическому материалу (Вильгельма Ренцмана¹⁵², Бернгарда Прокиша¹⁵³ и других), но труднодоступность их (по сравнению со справочниками Краузе), не позволяет рекомендовать их в качестве предпочтительных для нашей цели — вполне достаточно справочников Краузе.

Суть атрибуции геральдических суперэклибрисов по нумизматическим источникам состоит в том, что большинство геральдических суперэклибрисов монархов являются вариантами их личных гербов, которые одновременно тождественны и их личным гербам, помещавшихся на реверсах монет, чеканившихся при их дворах. Именно такая тождественность, многократно подтверждаемая при исследовании геральдических суперэклибрисов, помогает сделать процесс атрибуции геральдических суперэклибрисов западноевропейских монархов с привлечением нумизматики быстрым и эффективным. Примеры такой атрибуционной работы будут приведены ниже.

Палеография в исследовании суперэклибрисов

В комплексе вспомогательных исторических дисциплин, используемых при атрибуции геральдических суперэклибрисов, присутствует и палеография. Такое обстоятельство объясняется тем, что в процессе атрибуции суперэклибрисов исследователь иногда встречается с вензелями, а более всего — многочисленными владельческими записями, правильное прочтение и толкование которых оказывает значительную помощь.

Применение палеографического исследования особенно важно при атрибуции суперэклибрисов, снабженных вензелем владельца, поскольку именно вензель может помочь атрибутировать геральдический суперэклибрис конкретному представителю рода. Именно с применением палеографии оказалось возможным атрибутировать геральдические суперэклибрисы Ф.П. Балк-Полева

¹⁵¹ *Davenport J.S. European Crowns 1484–1600. Frankfurt an Main, 1985.*

¹⁵² *Rentzmann W. Numismatisches Wappen-Lexicon... 2 aufl. Berlin, 1876; и переиздания.*

¹⁵³ *Prokisch B. Grunddaten zur europaischen Munzprägung der Neuzeit ca. 1500–1990. Vienna, 1993.*

(?–1777)¹⁵⁴, А.Р. Баташева (1730–1799)¹⁵⁵ (илл. 55, с. 203), графа А.П. Бестужева-Рюмина (1693–1768)¹⁵⁶ и прочие.

И хотя на первый взгляд может показаться, будто для прочтения вензелей достаточно лишь уметь читать, это заблуждение, поскольку без применения палеографии атрибуция суперэклибрисов, где вензель начертан сложно, с зеркальным отображением каждой из литер, оказывается практически невозможным; а случаи такие нередки во французских и немецких суперэклибрисах второй половины XVII–начала XVIII века, да и русские знаки (как, к примеру, шрифтовой вариант суперэклибриса Г.Ф. Долгорукого), также требуют от исследователя владения палеографией.

Генеалогия в исследовании суперэклибрисов

Важнейшей вспомогательной исторической дисциплиной, использование которой позволяет вести эффективный поиск владельца геральдического суперэклибриса, является генеалогия. В данном случае генеалогия привлекается на завершающем этапе атрибуции, когда герб геральдического суперэклибриса уже известен и основная задача состоит в поиске конкретного представителя этого рода, который потенциально может являться владельцем суперэклибриса.

Поскольку генеалогия — одна из наиболее глубоко разработанных вспомогательных исторических дисциплин, то стоит лишь оговорить сам факт неизбежности ее использования — исследователю русских суперэклибрисов необходимо знать и уметь пользоваться основными источниками по генеалогии русского дворянства. Это, прежде всего, «Российская родословная книга» П.В. Долгорукова¹⁵⁷, «Потомство Рюрика» Г.А. Власьева¹⁵⁸, «Русская родословная книга» А.Б. Лобанова-Ростовского¹⁵⁹, «Родословный сборник русских дворянских фамилий» В.В. Руммеля и В.В. Голубцова¹⁶⁰ и некоторые более частные издания. Литература по генеалогии велика

¹⁵⁴ Tissot. Avis au peuple sur la Sante. T. 2. Lyon, 1764. 12-о. (НИОРК ВГБИЛ, № 1776753).

¹⁵⁵ Роллен. Опыт, которым можно обучить и обучаться словесным наукам. Ч. 1–2. СПб., 1783. 8-о. (ОИК ГПИБ, № 5181).

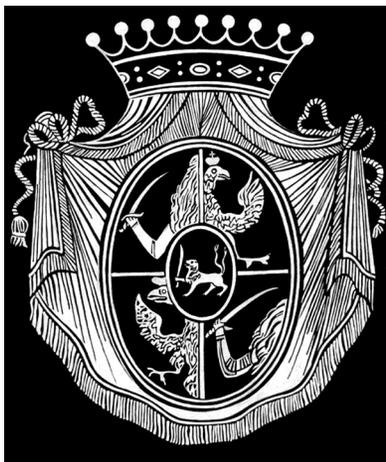
¹⁵⁶ Die europaische Fama, welche den gegenwartigen Zustand der vornehmsten Hofe entdeckt. 49 Theil. Leipzig, 1706. 8-о. (Тульская областная универсальная библиотека. Инв. И–37256).

¹⁵⁷ Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. I–IV. СПб., 1854–1857.

¹⁵⁸ Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий / Сост. Г.А. Власьев. Ч. I–III. СПб., 1906–1907.

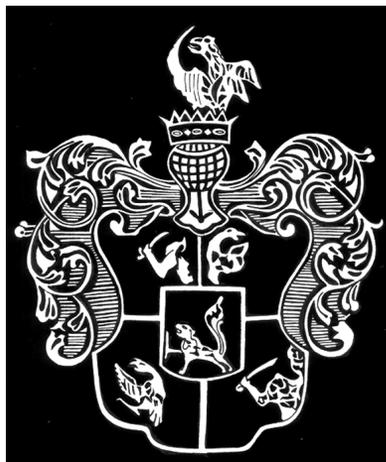
¹⁵⁹ Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Изд. 2. Т. 1–2. СПб., 1895.

¹⁶⁰ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1–2. СПб., 1886–1887.

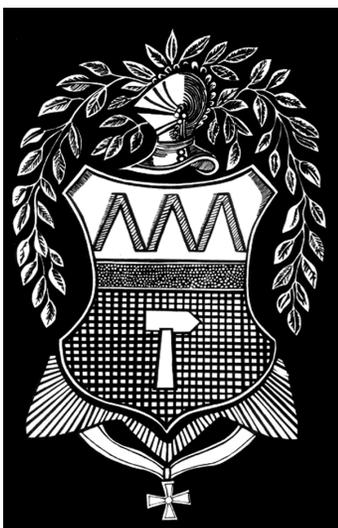
17

Суперэксlibрис А.Г. Головкина

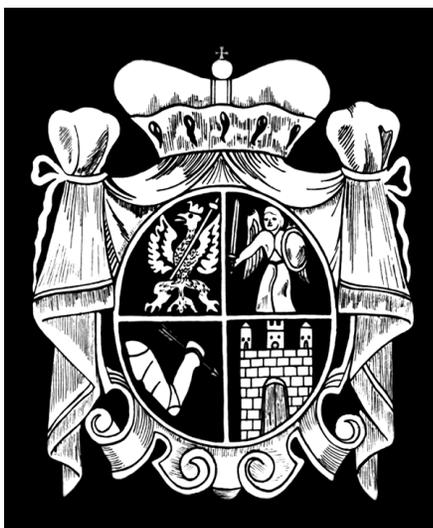
18

Суперэксlibрис А.Г. Головкина

19

Суперэксlibрис
П.Г. Демидова

20

Суперэксlibрис
Г.Ф. Долгорукого

и разнообразна, наиболее полным и подробным печатным справочником, в котором можно найти подавляющее число генеалогических изданий, изданных в России до 1914 года включительно, является том описания библиотеки Д.В. Ульянинского «История Российского дворянства. Генеалогия. Геральдика»¹⁶¹. Но публикации последних десятилетий в значительной степени увеличили литературу вопроса.

Таким образом, процесс атрибуции геральдических суперэклибрисов должен включать в себя не только геральдическое исследование, важность которого подчеркивал В.К. Лукомский, изложивший его основы, но включать и другие вспомогательные исторические дисциплины. Это объясняется тем, что с помощью собственно геральдики возможно лишь установление рода, к которому принадлежал владелец геральдического суперэклибриса, а привлечением к исследованию ряда других дисциплин — фалеристики, нумизматики, палеографии и генеалогии — может быть решена и более сложная задача — персональная атрибуция суперэклибриса конкретному гербовладельцу. То есть именно принцип полидисциплинарности является основополагающим для метода атрибуции суперэклибрисов, и только комплекс дисциплин может гарантировать положительный результат.

Книжный переплет и суперэклибрис

Поскольку геральдические суперэклибрисы нанесены на поверхность книжных переплетов, то для всестороннего исследования суперэклибрисов, и, прежде всего, для установления их хронологической и географической характеристик, необходимо знание особенностей (стиля и материалов) книжных переплетов.

Верная датировка книжного переплета также важна по той причине, что зачастую дата издания книги, указанная на титульном листе, и время облачения ее в переплет не совпадают. Например, выдающийся русский библиофил XVIII века граф А.Г. Головкин переплетал заново у лучших французских переплетчиков все покупаемые им книги XV–XVII столетий, нанося на них геральдические суперэклибрисы¹⁶². Именно поэтому важно уметь различать пере-

¹⁶¹ Библиотека Д.В. Ульянинского: Библиографическое описание. Т. 3. М., 1915. С. 1199–1450.

¹⁶² *Goulart S. Les memoires de la Ligne*. Т. 4. S. l., 1595. 8-о. Переплет конца XVIII века красного сафьяна французской работы с геральдическим суперэклибрисом А.Г. Головкина (ОИК ГПИБ, № 5266); *Dionysii Halicarnassei antiquitatum Romanarum. Lutetiae [Paris], 1546*. -Folo. Переплет конца XVIII века лимонного сафьяна французской работы с геральдическим суперэклибрисом А.Г. Головкина (ОИК ГПИБ, № 33760).

плеты различных эпох, что позволит правильно атрибутировать и сами геральдические суперэклибрисы, тем более что геральдический суперэклибрис, являясь частью книжного переплета, имеет прочные связи с самим книгопереплетным искусством.

Стремясь к единообразию экземпляров, владельцы книжного собрания отнюдь не ограничивались тиснением геральдического суперэклибриса на переплете, а зачастую тщательно подбирали и сам тип переплета, причем не последнюю роль в этом играли цвет и фактура кожи, послужившей материалом для работы. По анализу материала и декоративно-художественного оформления переплета практически всегда возможна датировка, а во многих случаях и определение географической принадлежности книжного переплета.

Поскольку настоящая работа посвящена именно суперэклибрису, то мы вынуждены обойти своим вниманием вопрос непосредственно истории переплетного искусства¹⁶³, отметив лишь некоторые принципиальные для настоящей темы моменты.

Традиции европейского книжного переплета

В XV, XVI и XVII столетиях книжные переплеты изготавливались, как правило, из пергамена или коричневой телячьей кожи. В XVII веке широкое распространение получает козья кожа — сафьян, но в то время он использовался почти всегда только красного или вишневого цвета. В XVIII веке для облачения книжных переплетов начинают употреблять цветные сафьяны — зеленого, лимонного, фиолетового, кремового и — к концу века — голубого цвета. Особую редкость представляют собой переплеты из сафьяна «синего, цвета ночи», что объясняется технологическими трудностями при крашении кожи¹⁶⁴. Окраска кожи для книгопереплетного дела выполняет помимо эстетической и утилитарную функцию, скрывая дефекты, в большей степени характерные для телячьей кожи. К середине XVIII столетия мастерам-переплетчикам было известно множество травлений и раскрасок для кожи: крапление мелкими мушками, крашение под мрамор губкой,

¹⁶³ Репрезентативно, с использованием множества иллюстраций, история переплетного искусства представлена Ивом Дево: *Devaux Y. Dix siècles de reliure*. Paris, 1981. А в наиболее подробном справочнике Гельмута Гельвига имеется наиболее полный алфавит переплетчиков, с разделением их по странам, городам и векам: *Helwig H. Handbuch der einbandkunde*. Bd. I–III. Hamburg, 1956.

¹⁶⁴ «Однако никто не видал еще никогда иного в настоящем виде красивого синего сафьяна, но он походит на зеленой, <...> и кажется, что ни один сафьянный мастер не дознался да средства, избавиться сего пороку». Цит. по кн.: Наука составляет двенадцать сортов красильных тушь с их тенями и смешением... / Пер. с нем. Платон Реран. М., 1795. С. 140–141.

крашение под мрамор кисточкой, крашение «под молочный суп» (маленькими светлыми точками, что делалось чаще всего соком лимона), «под бурого теленка» (темными мушками), мраморировка под древесину (имеет вид срезанного ствола дерева), «под чешуя»; наконец различные мраморировки в красном тоне — под чешую или порфир¹⁶⁵. Декоративная привлекательность лучших образцов книжных переплетов, изготовленных из обычной телячьей кожи, но мастерски декорированной травлением, часто не уступает цветным сафьянам (как переплеты с суперэклибрисами графа Генриха Брюля (1700–1763)¹⁶⁶). Напротив, травление кож, выполненное с нарушением технологии, часто приводит к тому, что переплеты XVIII века — времени наибольшего распространения такого способа декорирования переплетов — осыпаются в местах наибольшего травления, что отражается и на сохранности нанесенных на их поверхность суперэклибрисов и прочих золотистенных элементов.

Кроме того, как мы уже сказали, стиль книжного переплета — то есть сочетание характеристик: материала, исполнения (форм и конструктивных особенностей корешка и крышек), техники и манеры тиснения, и т.д. — дает важные сведения о географической принадлежности.

Франция на протяжении веков была не только страной, где зафиксировано наибольшее число владельцев геральдических суперэклибрисов, но и являлась долгое время законодателем моды в искусстве книжного переплета, благодаря чему французское переплетное искусство неразделимо с геральдическим суперэклибрисом. Итальянский стиль эпохи Возрождения, оказавший влияние на искусство переплета во Франции и получивший там дальнейшее развитие, замечен в переплетах, изготовленных для известного библиофила Жана Гролье (1479–1565), на каждом из которых имеется его суперэклибрис¹⁶⁷. Будучи французским посланником в Италии и главным казначеем короля Франциска I, Гролье был связан с выдающимся итальянским типографом Альдом Мануцием и активно коллекционировал книги. Отделка переплетов, изготовленных по его заказу, способствовала подъему французского переплетного искусства. Сначала он собирал и переплетал книги в Италии, где перенял распространяемый по всему миру альдинами геометрический стиль оформления, использующий

¹⁶⁵ См.: *Dudin-R. L'art de relieur-doreur de livres*. Paris, 1820.

¹⁶⁶ *Les amours de Henri IV*. P. I–II. Amsterdam, 1754. In-8°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. №№ 464274, 464275).

¹⁶⁷ *Le Roux de Lincy A.J.V. Researches concerning Jean Grolier, his Life and his Library, with a partial Catalogue of his Books*. New York, 1907.

элементы мавританской орнаментики. Кроме обычной техники золочения для отделки книг Гролье использовал даже раскраску. Штампы «азюре» — мелкие заштрихованные изображения цветов и листьев, в дальнейшем нашедшие широкое распространение, — он стал применять для отделки переплета в Лионе. В хронологически последних переплетах, изготовленных по его заказам, используется так называемый фанфарный стиль — *a la fanfare*, — также с его суперэклибрисом в центрах переплетных крышек. В таком же стиле изготовлено много переплетов для короля Генриха II (1519–1559), имеющих его геральдический суперэклибрис¹⁶⁸.

В середине XVI века во Франции¹⁶⁹ был разработан новый оформительский прием, теснейшим образом связанный с суперэклибрисом, просуществовавший до XVII столетия, — это так называемый Семе (*Seme*) или Семи (*Semis* — грядка). Он заключается в заполнении всего декорируемого поля ровными рядами одного повторяющегося элемента. Так, например, книги для короля Франциска I украшались его шрифтовым суперэклибрисом — литерой P, книги короля Генриха II — литерой H. Нередко использовалось изображение королевской лилии или других геральдических элементов — таков переплет работы мастера Клови Эв для короля Людовика XIII (1601–1643)¹⁷⁰.

Как было указано выше, во второй половине XVI в. во Франции появляется стиль «а ля фанфар» (*от фр. a la fanfare* — собственно фанфарный стиль)¹⁷¹. Его создал Никола Эв — придворный переплетчик при королях Генрихе III и Генрихе IV, правда свое современное название стиль получил только в XIX веке. Он характеризуется тем, что вся поверхность сторонки книжного переплета заполняется мелкими изображениями цветов и листьев, тонкими линиями и точками в сочетании с узорами в виде спиралей, овалов и квадратов с четырьмя полукругами внутри. В центре крышки обычно помещался геральдический суперэклибрис заказчика переплета (как на переплете для короля Генриха III (1551–1589) работы этого прославленного мастера¹⁷²). В этом стиле выполнены переплеты некоторых книг из собрания одного из наиболее

¹⁶⁸ Gruel L. Manuel historique et bibliographique de l'amateur de reliures. P. 1. Paris, 1887. P. 150 (planche).

¹⁶⁹ Devauchelle R. La reliure en France de ses origines a nos jours. T. 1–3. Paris, 1959–1961.

¹⁷⁰ Gruel L. Manuel historique et bibliographique de l'amateur de reliures. P. 1. Paris, 1887. P. 98 (planche).

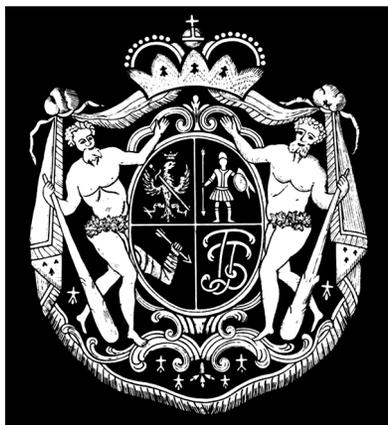
¹⁷¹ Hobson G.D. Les reliures a la fanfare. Amsterdam, 1970.

¹⁷² Gruel L. Manuel historique et bibliographique de l'amateur de reliures. P. 1. Paris, 1887. P. 96 (planche).

знаменитых французских библиофилов XVII века Жака Огюста де Ту (1553–1617), который, как правило, снабжал свои книги достаточно строгими, но качественными переплетами, украшая их всегда своим суперэклибрисом. Аналогичны по стилю переплеты книг Маргариты Валуа и Марии Медичи — в центре вытиснены их геральдические супрэклибрисы. Однако стоит оговориться, что наряду с переплетами, индивидуально изготавливаемыми для библиофилов, во Франции в XVI веке встречались такие, которые уже близки к массовому переплету — довольно простые по оформлению, но по стилю соответствующие времени.

В XVII веке во Франции разрабатываются новые способы отделки переплетов. Широкую популярность приобретает стиль «пуантэль» (pointelle — точечный), распространившейся по всей Европе. Он появился около 1620 года, и его изобретение приписывают переплетчику Ле Гаскону. Для этого стиля характерны тонкие линии орнамента, разбитые на мелкие точки, — в результате образуется очень нежный узор, который, как правило, наносится на сафьянный переплет красного цвета (в то время сафьян других расцветок почти не употреблялся). В работах Ле Гаскона различают два принципа построения узора. При одном поверхность сторонки переплета покрывается переплетающимся и образующим отдельные открытые поля ленточным орнаментом. В этих полях размещается точечный узор. При другом вокруг центрального поля, обычно украшенного геральдическим суперэклибрисом владельца книги, симметрично группируются выполненные в точечной манере узоры в виде букетов.

Начиная со второй половины XVII века, наряду с роскошными переплетами, многие любители одевают свои книги в декоративно незатейливые, но в техническом отношении (как по мастерству, так и по использованным материалам) превосходно выполненные переплеты — книги многочисленных французских придворных и даже иногда экземпляры из библиотек королей украшены лишь простой рамкой и геральдическим суперэклибрисом в центре крышек, иногда крышки переплета снабжены мелкими декоративными или геральдическими элементами на углах. Такие скромные на первый взгляд, но выполненные из прекрасных сортов сафьянных кож переплеты изготавливались в Париже в 1760–1780-х годах для Екатерины II, которая выписывала через барона Ф.М. Гримма издания для своего сына и внуков; эти переплеты часто несут на себе русский императорский герб, выполненный, несомненно, во Франции. На это указывают не только особенности исполнения книжного переплета (что не всегда является бесспорным свиде-

21

Суперэкслибрис П.С. Долгорукого

22

Суперэкслибрис А.М. Ефимовского

23

Суперэкслибрис В.П. Кочубея

24

Суперэкслибрис С.В. Кудашева

тельством, так как переплетом книг в России занимались, особенно XVIII столетии, преимущественно иностранцы), но главным образом элементы западноевропейской геральдики (российский герб покрыт королевской короной вместо императорской), употреблявшиеся по причине неведения русской геральдики и отсутствия соответствующих штампов для горячего тиснения¹⁷³ (в то время как внутри страны нарушение геральдических принципов, особенно при изображении знаков императорской фамилии, практически исключается)¹⁷⁴.

В XVIII веке во Франции основным видом декорирования переплета становится стиль *denteille* (кружевной). Он появился в начале века, и первые же работавшие в этом стиле мастера достигли высокого умения в составлении узоров из мелких одиночных штампов. Для этого стиля характерен кружевной, очень тонкий рисунок, который, располагаясь вдоль кромок крышек, в большей или меньшей степени захватывает центральное поле, но оставляет там достаточно места для геральдического суперэклибриса владельца книги — таков переплет с геральдическим суперэклибрисом Анны Австрийской (1601–1666)¹⁷⁵. Библиофильские увлечения французского общества того времени обеспечивают заработок целым династиям переплетчиков. К самым знаменитым относится семья Паделу, ведущая свое начало с XVII века. Она способствовала развитию стиля «дентель». Ведущим мастером в этой семье был придворный переплетчик Антуан-Мишель, который создавал также свои ставшие знаменитыми мозаики на коже. Характерен его переплет с геральдическим суперэклибрисом короля Людовика XV (1710–1774)¹⁷⁶, с заказами для двора которого связаны наиболее значительные работы этого переплетчика.

Ведущим мастером кружевного стиля был Никола-Дени Дером младший, самый выдающийся из фамилии Деромов, насчитывавшей четырнадцать мастеров-переплетчиков. Он создал наиболее совершенные по рисунку и по технике исполнения работы. Его книги можно узнать по мелким изображениям птиц, включаемых

¹⁷³ *Королев С.В.* Книги с «суперэклибрисами» императрицы Екатерины II из собрания бывшей Эрмитажной иностранной библиотеки. Часть I. // «Про книги»: Журнал библиофила. М., 2007, № 3. С. 112–118; То же. Часть II // «Про книги»: Журнал библиофила. М., 2008, № 3. С. 109–114.

¹⁷⁴ В русской книжной орнаментике XVIII столетия не отмечается ни одного случая покрытия российского императорского герба королевской короной — см.: *Кацпржак Е.И.* Альбом книжной орнаментики XVIII в. [М., 1956].

¹⁷⁵ *Gruel L.* Manuel historique et bibliographique de l'amateur de reliures. P. 1. Paris, 1887. P. 160 (planche).

¹⁷⁶ *Ibid.* P. 140 (planche).

им в декор оформления углов крышек. Именно в мастерской Дерома выполнена большая часть переплетов особых экземпляров, делавшихся для русского императорского двора. Один из таких экземпляров, сделанный Деромом для великой княгини Марии Федоровны в 1784 году, снабженный геральдическим суперэклибрисом будущей императрицы, хранится в Бельгии в мемориальном собрании Мишеля Виттока¹⁷⁷.

Наиболее роскошными и самыми редкими — вряд ли в XVIII столетии насчитается более 250 экземпляров¹⁷⁸ — являются мозаичные переплеты, или, как их называли тогда, переплеты «с отделениями». Мозаичный переплет как правило полихромный, выполненный из аппликаций кожи, нередко в сочетании с золототисненым кружевом и геральдическим супрэкслибрисом, который может находиться как в центре крышки переплета, так и быть несколько смещенным от центра в силу замысла мозаичного орнамента. Обычно мозаика употреблялась лишь на крышках переплетов, не переходя на корешок (мозаичные форзацы становятся модой лишь в конце XIX — начале XX века). Впервые переплеты «с отделениями» появляются в XVI веке. Особенных успехов в их изготовлении достигли два французских мастера XVIII века — Жан Шарль Анри Ле Монье, назначенный в 1757 году переплетчиком герцога Орлеанского, и Огюстен Дюсей, ставший в 1717 году королевским переплетчиком; их мозаичные переплеты, сохранившиеся в единичных экземплярах, представляются подлинными шедеврами. Особенно интересны в контексте нашего исследования переплеты с геральдическими суперэклибрисами, такие как мозаичный переплет Ле Монье с гербом герцога Орлеанского¹⁷⁹. Один из прекрасных переплетов Ле Монье, сафьяна лимонного цвета, сохраняется в составе Научной библиотеки Государственного Эрмитажа и находился еще в собрании Екатерины II¹⁸⁰.

Кроме того, технические новшества, применение механизмов в ремесленном производстве отражались и на переплетном мастерстве: в середине XVIII столетия заметно модернизируется техника золотого тиснения на переплетах — за счет применения (в ограниченных, впрочем, объемах, поскольку лишь крупные придворные мастерские могли позволить себе такое оборудование), как тогда говорилось, «полнозлатных прессов» — цельногравированных ла-

¹⁷⁷ Bibliotheca Wittockiana. S. I., 1996. P. 64.

¹⁷⁸ Schlumberger E. Les meilleurs modeles pour reconnaitre: Les reliures du XVIII siecle // *Connaissance des arts*. N° 160. Juin. Paris, 1965. P. 63.

¹⁷⁹ Gruel L. Op. cit. P. 1. Paris, 1887. P. 124 (planche).

¹⁸⁰ Музеум книги. Каталог выставки. СПб., 2002. С. 48.

тунных пластин, с помощью которых весь кружевной декор крышки отпечатывался на крышке посредством специального пресса-балансира. Подлинного расцвета оно достигло в середине XVIII века во Франции. И хотя ранее, преимущественно в Германии, и применялись достаточно крупные штампы для блинтового (бесцветного) и даже в редких случаях золотого тиснения на переплетах (обычно это были богато декорированные средники), никогда еще золотое тиснение не выполнялось на поверхности всей крышки одновременно одним штампом.

Этот способ, позволявший получать превосходные (главное — ровные, без смещений, видимых стыков и перекосов) оттиски сложных узоров, использовался для переплетов некоторых цельногравированных изданий, описывающих праздники, а также королевских альманахов и тому подобных французских придворных книг, традиционно снабжавшихся геральдическими суперэкслибрисами¹⁸¹. Начало такому новшеству было положено королевским переплетчиком Антуаном-Мишелем Паделу, однако самые красивые пластины были выполнены Пьером-Полем Дюбуиссоном, сменившим в 1758 году Паделу в звании королевского переплетчика. Именно такой способ золотого тиснения получил распространение в XIX веке при массовом изготовлении издательских коленкоровых и кожаных переплетов. России в XVIII веке этот высокотехнологичный и трудоемкий способ так и не достиг.

Также необходимо в данном контексте отметить особо, что именно тиснение золотом является наиболее сложным и кропотливым процессом, вершиной профессиональных навыков мастера-переплетчика, при котором малейшие нарушения технологии часто необратимы. Главное в этой процедуре — соблюдение оптимальной температуры нагрева латунного штампа, рёли или филеты, поскольку понижение или повышение температуры нагрева штампа относительно допустимой немедленно отражаются на результате, а попытки исправить оплошность будут видны невооруженным глазом (и часто встречаются на книжных переплетах).

Германия, переплетное искусство которой также в XVIII веке приходит в упадок, во второй половине XV — начале XVII века занимала ведущее положение в переплетном искусстве Европы. Позднеготический стиль особенно отвечал художественному чувству, поэтому культивируемому в Италии и Франции стилю эпохи Возрождения было трудно проникнуть в Германию. Еще долго, вплоть до середины XVI века, переплетчики использовали традиционные

¹⁸¹ Gruel L. Op. cit. P. 2. Paris, 1905. P. 70 (planche).

формы и старую технику. По-прежнему применялись переплеты преимущественно прочные, изготовленные из досок, обтянутых белёной телячьей или свиной кожей и украшенные блинтовым (то есть бесцветным) тиснением, отличающиеся больше своими техническими преимуществами и утилитарностью, чем художественными достоинствами, причем традиционно геральдический суперэклибрис являлся средником такого типа переплетов¹⁸². Наряду с гербами владельцев, получили распространение средники с фигурами, портретами, аллегорическими и мифологическими сценами и т.д., для книг религиозного содержания характерны изображения Мартина Лютера и деятелей Реформации.

В середине XVI века стало особенно заметным влияние стиля эпохи Возрождения. Аугсбург стал местом, через которое в Германию проникло новое искусство переплета. Здесь для библиотеки семейства Фугтеров работал переплетчик Якоб Краузе (1531–1585) из Цвиккау¹⁸³, ознакомившийся во Франции и Италии со стилем эпохи Возрождения. В 1566 году курфюрст Август Саксонский пригласил его в Дрезден и сделал придворным переплетчиком. Переплеты Краузе сделали его самым выдающимся немецким переплетчиком всех времен, не уступающим по значению лучшим французским мастерам. В целом же немецкий переплет XVII столетия продолжает традиции XVI века, и лучшие его образцы представляют собой переплеты из пергамена поверх деревянных крышек — как и выявленные нами экземпляры с геральдическими суперэклибрисами саксонского курфюрста Иоганна Георга III (1647–1691) на рукописном описании Оружейной палаты саксонских курфюрстов (илл. 64, с. 213)¹⁸⁴ и бранденбургского курфюрста Иоганна-Зигмунда (1572–1619) на переплете трактата иезуита Франсуа д'Агилона по оптике (илл. 65, с. 219)¹⁸⁵.

Новинкой XVII века был веерный стиль — «левантэль» (*от фр.* a leventail). Он возник в Италии, широко применялся в Германии, но во Франции не нашел распространения. Он встречается и в других европейских странах, даже на Севере Европы, откуда некоторые его образцы во времена Петра Великого проникали и в Россию.

¹⁸² Типичный пример — геральдический суперэклибрис саксонского курфюрста Кристиана II (1583–1611) на переплете такого типа — Serrano L. Propositiones et decreta. Francofurti, 1603. In-12°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 1771497).

¹⁸³ Schunke I. Jakob Krause. Stuttgart, 1953.

¹⁸⁴ Haupt Inventarium der Churfurste Sachs: Russtcammer. Datum Dresden den 3 Augusti 1689. Erster-Anderen Th.-2 vol. In-folio. (НИОРК ВГБИЛ, без инв. номеров).

¹⁸⁵ Agvilonii F. Opticorum libri sex. Antverpeae, 1613. In-12°. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 571565).

В целом же европейское искусство переплета в XVII и XVIII веках — времени наибольшего распространения в Европе геральдического суперэкслибриса — находится под французским влиянием и отражает признаки его развития с большей или меньшей национальной окраской. При этом северные страны испытывают значительное немецкое влияние. Немецкие переплеты не достигают уровня элегантности французских образцов: они часто чересчур пышно украшены, орнамент их излишне тяжел и в требующем высокого искусства оперировании отдельными мелкими штампами лишен необходимой точности. Примерно таким же образом характеризуется и итальянский переплет XVIII века — он почти всегда аляповат стилистически и недостаточно аккуратен в исполнении.

Отдельную картину является собой английское переплетное искусство, своеобразие которого легко угадывается по типичным образцам. Звание создателя английского национального стиля оформления переплета стяжает Самуэль Мирн (?–1683), работавший вместе со своим сыном Чарльзом¹⁸⁶. В английском искусстве переплета в XVI веке в течение продолжительного времени господствовал готический стиль, и только к середине столетия стали сказываться французские, итальянские и восточные влияния. При королеве Елизавете переплетное искусство переживает период подъема. Оно равняется на французские образцы. Хотя Самуэль Мирн и следовал стилю Ле Гаскона, его переплеты все же отличаются заметным своеобразием. Во второй половине XVIII века в Англии работал еще один выдающийся переплетчик — Роджер Пейн (?–1797)¹⁸⁷. По стилю он в начале был близок к Мирну, но штампы для своих работ гравировал сам по собственным рисункам — довольно редкий случай. Орнаменты, в которых он использовал эти штампы, отличались сдержанностью в выборе деталей и уравновешенностью композиции, что вообще характерно для переплетов, изготовленных по ту сторону Ла-Манша. Его переплеты, таким образом, уже примыкают к классицизму, а геральдический суперэкслибрис зачастую является деталью, напоминающей об ушедшей эпохе.

В последней трети XVIII века в Англии создается новый стиль, который базируется на орнаментике этрусского и античного искусства и поэтому называется этрусским (или английским) сти-

¹⁸⁶ *Davenport C.J.H.* Samuel Mearne, Binder to King Charles II. Chicago, 1906.

¹⁸⁷ *Davenport C.J.H.* Roger Payne, English bookbinder of the eighteenth century. Chicago, 1929.

25

Суперэкслибрис С.Б. Куракина

26

Суперэкслибрис Д.Н. Мавроса

27

Суперэкслибрис
Н.И. Панина

28

Суперэкслибрис
И.И. Поливанова

лем, впоследствии получивший по аналогии в декоративно-прикладном искусстве и архитектуре общее название — ампир. Во Франции в своей ранней форме он введен в 1770-х годах Деромом и современными ему парижскими мастерами, но широкое признание он завоевал после революции, во время которой французское переплетное искусство переживало период кратковременного застоя. Стиль ампир в переплетном искусстве стал отражением всеобщего увлечения античностью; в переплетном искусстве основными его представителями были сначала Никола Тезье, а затем братья Бозерианы. Этому стилю стали подражать и в других европейских странах. Его характеризует сдержанность оформления и стремление к использованию простых декоративных элементов, стилизованных под античные образцы, сочетание строгости стиля с превосходными материалами. Чаще всего оформление ограничивается узкой полоской орнамента, протянутой вдоль кромки переплетных крышек, а среднее поле, как правило, свободно либо там вытиснен геральдический суперэклибрис (последнее, однако, характерно в основном для заказов двора императора Наполеона); зато больше внимания уделяется декорированию корешка и богато украшается внутренняя сторона переплета — дублюра. Выдающийся образец переплетного искусства этой эпохи был обнаружен в НИОРК ВГБИЛ — два тома форматом *grand in-folio* описания сада Мальмезон, в переплете работы Никола Тезье, происходящие из библиотеки Наполеона Бонапарта, с его геральдическими суперэклибрисами¹⁸⁸.

Нередко, в особенности в конце XVIII — первой трети XIX века, переплеты состоят из разных материалов: так, сафьян сочетается с телячьей кожей (как правило, корешок переплета из телячьей кожи целиком покрывается сафьяном, на который уже посредством тиснения наносятся название и орнамент). Этот способ изготовления оказался распространен в России и Европе по чисто экономической причине: обычная телячья кожа по стоимости была значительно дешевле цветных сафьянов (почти всегда привозимых в те времена из Турции и других восточных стран), а зрительно такая подмена никак не бросается в глаза: за скромную цену владелец имеет библиотеку роскошного внешнего вида. Такой тип переплета является характерным для своего времени, и по нему можно безошибочно датировать геральдический суперэклибрис. Именно так выполнены все переплеты, несущие на себе геральдический су-

¹⁸⁸ *Ventenat E.P. Jardin de la Malmaison*. Т. [1]–2. Paris, 1803–1807. *Grand in-folio*. (НИОРК ВГБИЛ, инв. № 11591, 11592).

перэклибрис князя С.Б. Куракина (1754–1805)¹⁸⁹, излюбленным такой «экономичный» переплет был и у рачительной императрицы Марии Федоровны, заполнявшей книгами в таких переплетах шкафы Павловского дворца, причем это часто еще и полукожаные переплеты, что также уменьшало затраты и ничуть не отражалось на внешнем виде библиотеки.

В начале XIX века в обиход входит картонаж, оклеенный крашеной бумагой. Крашеная бумага употребляется «вместо другого обыкновенного сафьяна, и она равную приносит выгоду, ежели красиво выкрашена и приготовлена будет на подобие хорошего сафьяну»¹⁹⁰. Геральдические суперэклибрисы на картонажах тоже встречаются, причем не только за границей, но и в России — суперэклибрисы князя В.П. Кочубея (1768–1834)¹⁹¹ (илл. 23, с. 153), графини С.В. Строгановой (1775–1845)¹⁹² (илл. 35, с. 173) и другие, но технологически бумага не столь восприимчива к золоту, как кожа, и менее пластична, а потому суперэклибрис на картоне и бумаге не столь декоративен и требует более проработанного штампа-матрицы.

Наиболее сильный удар по владельческим кожаным переплетам, во многом их заменив, нанес коленкор — суровая хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения со специальным покрытием. Впервые для переплетения книг коленкор был употреблен в Англии, а в 1825 году Арчибальд Лейтон ввел коленкоровые переплеты в массовое производство¹⁹³. До этого момента большая часть владельцев геральдических суперэклибрисов, покупая книги без переплета, передавала их своим переплетчикам, которые уже одевали книги в переплеты, нанося на них геральдический суперэклибрис; либо, покупая книги в крупных лавках с предоплатой за переплет, они отдавали штамп суперэклибриса и получали вскоре переплетенные книги уже со своим гербом.

Теперь же книги выходят все чаще уже «одетыми», в хотя и скромном, но переплете, что не требует от массового покупателя дополнительных расходов. «В новых книгах, которых с нетерпением ждал читатель XIX века, мерилом качества служила не исключительность, но сочетание красоты и трезвой практичности. Частные

¹⁸⁹ Buffon. Histoire naturelle... Т. 14. Paris, 1764. 8-о. (НИОРК ВГБИЛ).

¹⁹⁰ Наука составлять двенадцать сортов красильных тушь с их тенями и смешением... / Пер. с нем. Платон Перан. М., 1795. С.185.

¹⁹¹ Tallemant des Reaux G. Les historiettes. Т. I. Paris, 1834. 8-о. (Частное собрание, Москва.)

¹⁹² Le journal des Dames et des modes. Paris, 1835. 4-о. (ОРК НБ ГЭ, инв. № 265352).

¹⁹³ Брылов Г.А. Обложка книги: Опыт исторического исследования. Л., 1929. С. 65.

библиотеки появились уже и в съемных комнатах, и в домах, имеющих общую стену, и книги в этих библиотеках соответствовали обстановке»¹⁹⁴.

Новые веяния привели к тому, что к началу XX века начинается отмирание индивидуального переплета как массового явления; остались лишь единицы одержимых библиофилов или придворных библиотек, переплетавших книги в дорогостоящие кожаные переплеты и ставившие на них свои геральдические суперэклибрисы. Что же касается немногочисленных русских коллекционеров, украшавших и на рубеже XIX–XX веков переплеты своих книг личными гербами, то они являлись обладателями выдающихся библиотек, а книги старались переплетать как у лучших русских, так и у лучших парижских мастеров.

Важно отметить, что порой изыски или курьезы, вошедшие в анналы истории переплетного искусства, оказывают серьезную практическую помощь при исследовании суперэклибрисов. Приведем в качестве примера суперэклибрисы четырех дочерей французского короля Людовика XV: в соответствии с геральдикой, всем четырем дочерям (Марии Аделаиде, Марии Луизе Терезе Виктории, Марии Филиппине Елизавете Жюстине и Луизе Марии) принадлежал одинаковый герб — три лилии (символ Бурбонов) на ромбовидном щите, покрытом королевской короной. Если попытаться атрибутировать такой суперэклибрис без учета особенностей книжного переплета, на котором он обнаружен, то решительно невозможно сказать, кому именно из дочерей он принадлежал, и окончательным выводом была бы характеристика «геральдический суперэклибрис одной из четырех дочерей Людовика XV». Это было бы так, если бы не пристрастия сестер к переплетному делу: младшая — Луиза Мария, ушедшая в монахини, — отдавала предпочтение скромным переплетам телячьей кожи; «три сестры», избравшие светскую жизнь, явили склонность к сафьяну, причем сафьяну трех разных цветов: Мария Луиза Тереза Виктория одевала книги в переплеты зеленого сафьяна, София Филиппина Елизавета Жюстина предпочитала сафьян лимонного оттенка, старшая же — Мария Аделаида придерживалась традиционного предпочтения французской королевской фамилии — красного сафьяна¹⁹⁵. Таким образом, даже при наличии одного и того же геральдического суперэклибриса, исходя из цвета кожи, употребленной для

¹⁹⁴ Мангуэль А. История чтения. / Пер. с англ. М. Юнгер. Екатеринбург, 2008. С. 170–171.

¹⁹⁵ Schlumberger E. Op. cit. P. 63.

переплета, возможно атрибутировать каждый конкретный экземпляр с таким геральдическим суперэклибрисом одной из четырех сестер.

Известны и случаи, когда по разному цвету переплетов одного и того же владельца можно определить, из какого места происходит конкретный экземпляр книги с геральдическим суперэклибрисом. Так, французская королева Мария-Антуанетта, бывшая одной из самых выдающихся женщин-библиофилов Нового времени, предпочитала переплетать книги для кабинетной библиотеки в Тюильри в цветные сафьянные переплеты; другая же часть собрания, располагавшаяся в Трианоне, переплеталась в простую телячью кожу¹⁹⁶.

Все сказанное выше делает подобные зафиксированные в литературе вопроса пристрастия не только важной частью истории культуры, но и источником сведений при исследовании суперэклибрисов.

Знание особенностей европейского переплета важно и для характеристики русского переплета периода употребления геральдических суперэклибрисов (XVIII — начала XX века). В это время русский светский переплет находился под неослабевающим влиянием западноевропейских веяний, а моду и тенденции в оформлении переплетов формировали многочисленные иностранные переплетчики, работавшие в России. В 1959 году специалист в области книжного переплета, известный своими капитальными сочинениями о филигранях на бумаге, сотрудник отдела редких книг ГБЛ Соколат Александрович Клепиков (1895–1978) в статье «Из истории русского художественного переплета» писал: «Частые пожары, уничтожившие архивы Московского печатного двора и отдельных монастырей, где в ранние времена сосредотачивались работы по одеянию книги; скромность наших мастеров-тружеников, редко оставляющих на своих работах свой знак, и, наконец, бесцеремонность выходцев из-за границы... — все эти факторы содействовали распространению мнения, что в России переплетного искусства не существовало вовсе, а переплетчиками были в лучшем случае лишь ремесленники, пытающиеся подражать западным мастерам. Однако вся история переплетного дела России полностью опровергает это в корне неверное мнение»¹⁹⁷.

Излишнюю категоричность приведенной цитаты можно объяснить политическими особенностями времени опубликования

¹⁹⁶ Ibid.

¹⁹⁷ Клепиков С.А. Из истории русского художественного переплета // Книга: исследования и материалы. Сб. 1. М., 1959. С. 99.

его статьи — эпохой борьбы с «пресмыкательством перед иностранщиной». Но слова С.А. Клепикова следует отнести не столько к индивидуальным художественным переплетам, которые обычно заказывались владельцами крупных библиотек, а к массовой продукции книжного рынка, которая всегда демонстрировала черты самобытности. Доказательством последнего является, например, то, что юфть — кожа крупного рогатого скота, в которую очень часто переплетали книги в XVIII веке, — по-французски называется *cuir de Russie*, то есть «русская кожа». Именно так описываются подобные переплеты европейской работы в антикварных каталогах всего мира до сих пор.

Что же касается светских художественных переплетов XVIII — начала XX века, на которых в процессе исследования были зафиксированы геральдические суперэкслибрисы, то они всегда тяготели к европейским художественным традициям, следовали за модой и зачастую пытались по своему стилю повторить привозимые из-за границы образцы. В переплетном искусстве наблюдается следующая закономерность: из какой европейской страны в конкретный промежуток времени существовал максимальный импорт книг в Россию, к художественному стилю той страны и тяготеет русское переплетное искусство. Это объясняется несколькими обстоятельствами: во-первых, значительное число книг привозилось уже в переплетах, что давало представление об эволюции стиля и требованиях времени; во-вторых, в России работали преимущественно выездные переплетчики — в первой половине и середине XVIII века это преимущественно голландцы и немцы, со второй половины века к ним примыкают французы и англичане. Именно голландцы и немцы обучали первых русских мастеров в Переплетной палате Петербургской Академии наук в XVIII веке¹⁹⁸ и оказали решающее воздействие на формирование их стиля.

Во времена Петра Великого русские художественные переплеты напоминают переплеты стран Севера Европы, особенно Швеции и Голландии. Образцы подносных светских переплетов, несомненно сделанных в России, немногочисленны и датируются 1720-ми годами¹⁹⁹, выполнены они с преобладанием стиля «левантэль» (веерного).

¹⁹⁸ Переплетной палате Петербургской Академии наук, оказавшейся в XVIII веке центром русского переплетного искусства, будет посвящена наша отдельная работа.

¹⁹⁹ Клепиков С.А. Указ. соч. С. 144–145; Мурзанова М.Н. Обзор собрания рукописных книг Петра I... С. 115–116, илл. напротив с. 120.

29

Суперэкслибрис А.С. Протасовой

30

Суперэкслибрис Л.К. Разумовского

31

Суперэкслибрис
Л.К. Разумовского

32

Суперэкслибрис
П.К. Разумовского

По поводу стиля строгих переплетов, характерных для наиболее роскошных экземпляров петровского времени, отдаленно напоминающих стиль «а ля Десей»²⁰⁰, где все уменьшающиеся незаполненные расстояния между линейками травлены разным способом (края — под мрамор, центральный прямоугольник — прыском, а средняя часть не тронута травлением — возможно, оставлена для геральдического суперэклибриса), сам С.А. Клепиков указывает, что такой тип «близок по планировке» к работам шведского переплетчика Дитриха Фолькера²⁰¹, хотя в действительности они выполнены в Переплетной палате Академии наук под руководством мастера Георга Фридриха Битнера.

«Внимательно изучая русский художественный переплет XVIII в., с первых же шагов обращаешь внимание на исключительную простоту отделки крышек: одноцветная кожа, узкий тисненный золотом орнаментальный бордюр и иногда небольшой литерный или гербовый суперэклибрис» — пишет тот же С.А. Клепиков²⁰². Однако, как только декоративное оформление переплета книги выходит за рамки этого канона — сразу же очевидно проявление художественного влияния какого-либо европейского стиля. Если во второй трети XVIII века северо-европейское влияние сменяется немецкими вкусами, то со времен Екатерины II тенденции французского книгопереплетного стиля постепенно вытесняют немецкие, и с 1780-х годов в русском переплетном искусстве воцаряется французское владычество.

Кроме того, в XVIII столетии в России можно наблюдать так называемые придворные переплеты двух различных типов. Первый тип, характерный для самой середины века, — темно-вишневый сафьян со строгой рамкой, с геральдическим суперэклибрисом в центре переплетных крышек; в такие переплеты облачены много книг Академической библиотеки и придворной библиотеки времени Елизаветы Петровны. Это типичный образец «библиотечного переплета» Переплетной палаты Академии наук.

Второй тип, бытовавший с начала 1770-х годов до конца 1780-х — это, собственно, и есть «придворный» тип переплета. Светло-красный, алый сафьян, редко — зеленый, более гладкий, нежели в предыдущем случае, вытисненные тонкие линейки или декоративные рамки по периметру крышек, богато декорированный корешок

²⁰⁰ Музеум книги: Каталог выставки. СПб., 2002. С. 98; Клепиков С.А. Указ. соч. С. 148.

²⁰¹ Клепиков С.А. Указ. соч. С. 147.

²⁰² Там же.

с цветочными мотивами. В переплеты такого типа были облачены, по большей части, книги библиотек цесаревича Павла Петровича и его супруги великой княгини Марии Федоровны²⁰³; почти все они сопровождаются их шрифтовыми или геральдическими суперэкслибрисами. Особенно интересно обстоятельство, что эта же мастерская переплетала книги не только для «малого двора», но и для ближайших придворных, особенно много таких книг было переплетено для наставника цесаревича — графа Никиты Ивановича Панина²⁰⁴, и все они несут на себе его геральдический суперэкслибрис; встречаются книги с шрифтовым суперэкслибрисом приближенного к «малому двору» князя Н.Б. Юсупова²⁰⁵. Выполнены эти переплеты преимущественно мастером Андреасом Томасом, англичанином, работавшим по заказам Кабинета ее императорского величества.

«Переплеты помещичьих библиотек ограничивались тиснением на корешках, расчлененных бинтами и изредка суперэкслибрисом на обеих крышках» — вновь пишет о рядовых переплетах XVIII века С.А. Клепиков²⁰⁶; причем не единожды упоминая о суперэкслибрисах на русских книгах, он ни разу не называет их владельцев, да и вообще настаивает на сугубой утилитарности переплетов, что вряд ли справедливо:

«Сказанное выше наглядно показывает ту громадную принципиальную разницу, которая и на данном этапе истории переплетного дела резко вырисовывается, когда мы сопоставляем пути развития русского и западного переплета.

В то время как на Западе появилось значительное число „библиофилов“ или вернее „библиоманов“, для которых наиболее ценным в книге является не содержание, а внешность; русскому читателю нужна была книга как источник знания. Кадры западных „библиофилов от внешности“ черпались в среде придворной знати, разбрасывавшей пригоршни золота на удовлетворение своих потребностей. „Любовь“ к богатому переплету, стремление обзавестись собранием роскошно одетых книг стало модой и признаком хорошего тона.

Полуграмотная фаворитка Людовика XV мадам Дю-Барри собрала значительную библиотеку, над одеянием книг которой изощрялись лучшие переплетчики-художники Франции <...> Однако

²⁰³ Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь. Ч. 1. СПб., 1780. -4-о. (Частное собрание, Москва).

²⁰⁴ Херасков М.М. Россияда, поэма эпическая. М., 1779. 4-о. (МК РГБ, шифр У-4-о/79-Х).

²⁰⁵ Ученая прихоть: Коллекции князя Н.Б. Юсупова. Т. 2. М., 2001. С. 255.

²⁰⁶ Клепиков С.А. Указ. соч. С. 151.

было бы ошибочным думать, что такое исключительное внимание было отдано книгам крупнейших ученых, писателей и мыслителей своего времени. В богатые переплеты облекались или небольшие книжки придворных стихоплетов или (и их было большинство) молитвенники, календари, евангелия и т.п.

Богатые переплеты были нужны так же как безделушки на туалете придворной красавицы. Ими блистали и церкви, они лежали на столах аристократических салонов»²⁰⁷.

При всей тенденциозности приведенной цитаты, она если и справедлива для высшего света, то не только, да и не столько, французского, поскольку культура чтения в Век Просвещения ныне очевидна, сколько для русского общества, картину которого наиболее образно рисует в своих сочинениях Д.И. Фонвизин. Ведь С.А. Клепиков пытается сравнивать русское служилое дворянство с высшим светом Франции, что вряд ли уместно, поскольку если придать эту характеристику высшему свету екатерининской России, то в результате проведенного исследования геральдических суперэкслибрисов фиксируется отражение французской моды во всем ее изяществе: в прекрасные переплеты одеты преимущественно «Придворные месяцесловы», описания праздников и особые экземпляры книг для подарков императорской фамилии или высшим сановникам, а отнюдь не тома «Древней Российской вивлиофики» или «Деяний Петра Великого».

Говоря о русских мастерах-переплетчиках, С.А. Клепиков пишет, что «история не сохранила ни одного имени переплетчиков гражданской книги XVIII века»²⁰⁸. Это утверждение не вполне справедливо, поскольку известны десятки имен переплетчиков, работавших в России в XVIII веке; причем это преимущественно мастера — выходцы из других европейских стран. Это и плеяда мастеров и подмастерьев Переплетной палаты Академии наук, и придворные переплетчики Томас (англичанин), Бакман (англичанин), Фоконье (француз), и саксонец и будущий книгоиздатель Ридигер, и немецкий переплетчик Гегер, работавший в Москве для графа Н.П. Шереметева...²⁰⁹ Все эти переплетчики имели не только свой стиль, но и высокий художественный уровень, сообразный своему времени и своей национальности. Именно анализ стиля позволяет датировать конкретные переплеты с геральдическими суперэкслибрисами вплоть до десятилетия, что оказывает большую помощь при их исследовании.

²⁰⁷ Там же. С. 151–152.

²⁰⁸ Там же. С. 154.

²⁰⁹ Florian J.P.C. de Galatee. Paris, 1793. 4-о. Подписной переплет работы Гегера (Частное собрание, Москва).

В XIX веке русские переплеты становятся очень похожими на европейские, что вполне естественно, ведь не только иностранные переплетчики приезжали работать в Россию, но и русские учреждения и частные лица стали заказывать переплеты за границей. Начиная с середины 1810-х годов — после возвращения Александра I из Европы — лучшие французские переплетчики выполняют крупные заказы для русского двора, особенно много выполнил таких заказов Альфонс Симье-сын (ок. 1795–1824), снабжавший книги геральдическим суперэкслибрисом императора²¹⁰.

К началу XX столетия единичные владельцы суперэкслибрисов предпочитали отдавать свои книги только знаменитым переплетчикам: для гофмейстера двора Г.П. Алексева книги переплетал и снабжал геральдическими суперэкслибрисами петербургский мастер Эдуард Ро²¹¹, И.И. Курис посылал все свои книги переплетаться в Париж, в том числе в знаменитые мастерские Марселина Лортик и братьев Аспер²¹², где на переплеты его книг наносился геральдический суперэкслибрис... Таким образом, с середины XIX века национальные черты в русском индивидуальном художественном переплете уже не столь выразительны, но и владельцев геральдических суперэкслибрисов остаются единицы.

В заключение отметим, что кроме анализа непосредственно внешнего вида переплета необходимо обращать внимание и на его важнейшую составляющую — бумагу, употребленную на форзацы или на оклейку крышек, так называемую мраморную, петушковую, турецкую или иную, которая также отражает своеобразный и характерный для каждой эпохи стиль, что нередко помогает в датировке книжного переплета.

²¹⁰ *Lettres a M. l'abbé de Pradt...* Paris, 1818. 8-о. Экземпляр в подписном переплете зеленого сафьяна работы Simier с золотым обрезом. (Частное собрание, Москва).

²¹¹ *Musset A. de. Premieres poesies: 1829–1835.* Paris, 1890. 24-о. (Частное собрание, Москва).

²¹² *Duma fils A. Les femmes qui tuent et les femmes qui votent.* Paris, 1880. 8-о. Экземпляр № 7, отпечатан на ватманской бумаге, в подписном переплете розового сафьяна мастерской Asper freres с золотой головкой. (Частное собрание, Москва.)

ГЛАВА V

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА АТРИБУЦИИ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ СУПЕРЭКСЛИБРИСОВ

Использование разработанного метода при атрибуции корпуса выявленных геральдических суперэкслибрисов показало его эффективность для достижения главной цели — установления владельца каждого исследуемого геральдического суперэкслибриса. Приведем несколько примеров, каждый из которых призван продемонстрировать различные варианты использования методики атрибуции, наиболее подходящие в каждом конкретном случае.

Во-первых, была выбрана группа знаков (с гербом графов Разумовских), тождественных по гербу, но имеющих различающиеся фалеристические особенности, дабы на их примере продемонстрировать значение не только геральдического исследования, но и применение фалеристики для персональной атрибуции суперэкслибрисов.

Во втором случае, для примера была избрана обширная группа суперэкслибрисов с идентичным гербом (суперэкслибрисы графов Шереметевых), где различными предусмотренными методикой способами достигается оптимальный результат — все суперэкслибрисы атрибутируются персонально.

На третьем примере демонстрируется применение методики для атрибуции суперэкслибрисов Сумароковых, когда были проведены геральдическое и фалеристическое исследования, причем решающим для персональной атрибуции явилось фалеристическое исследование, в процессе которого с помощью специальных воинских арматур и трофеев оказалось возможным установить владельцев знаков.

В четвертом случае, на примере суперэкслибриса князя С.Б. Куракина, мы доказательно настаиваем на важности фалеристического исследования, а также наглядно демонстрируем необходимость палеографии для атрибуции суперэкслибрисов.

И, наконец, в пятом случае, во-первых, демонстрируется эффективность применения разработанной методики и для атрибуции западноевропейских суперэклибрисов, а, во-вторых, представляется пример привлечения нумизматики к процессу атрибуции суперэклибрисов.

Суперэклибрисы графов Разумовских

Шаг 1: атрибуция герба геральдических суперэклибрисов

В процессе выявления геральдических суперэклибрисов отложилась группа из трех знаков (илл. 32–34), очень схожих между собой: их объединяло одинаковое изображение в геральдическом щите, который поддерживается двумя щитодержателями — воинами с непокрытыми (в одном случае) или с покрытыми (в двух случаях) головами (на различных знаках одетые, в которое облачены щитодержатели, неодинаково); в каждом случае герб покрыт графской короной, и в каждом же случае под щитом расположен латинский девиз «*Fatum extendere factis*»; на всех суперэклибрисах под геральдическим щитом изображены орденские знаки. Все три книги, на которых выявлены суперэклибрисы, — на французском языке, изданы за границей в 1796–1806 годах. Переплеты книг, согласно стилистическим и технологическим особенностям, аутентичны времени их издания, геральдические суперэклибрисы соответствуют времени изготовления переплетов.

Поскольку в гербе изображен коронованный двуглавый орел — причем короны напоминают русские императорские, а сам орел также по форме близок скорее к русскому императорскому, нежели к двуглавному орлу Священной Римской империи, — то логично было предположить, что этот герб русского происхождения, и, как показывает корона, принадлежит графскому роду. При обращении к «Общему гербовнику дворянских родов» аналогичный герб обнаруживается в первом же томе этого издания и является гербом графов Разумовских¹. Также этот герб описан и воспроизведен в «Малороссийском гербовнике»² и «Гербовнике Князева»³, отдельный очерк гербам графов Разумовских посвятил С.Н. Тройницкий в 1913 году в журнале «Гербовед»⁴; также герб Разумовских опубли-

¹ ОГ. I, 21.

² Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник. СПб., 1914. С. 145–147, табл. XIII.

³ Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года / Издал С.Н. Тройницкий. СПб., 1912. С. 125.

⁴ Тройницкий С.Н. Гербы графов Разумовских // Гербовед, издаваемый С.Н. Тройницким. М., 2003. С. 153–170.

кован в иллюстрированном приложении к гербовнику Ритштапа⁵, а пожалованный Разумовским герб от Римского императора Карла VII (несколько отличный от русского) — в гербовнике Зибмахера⁶. Кроме того, девиз «Fama extendere factis» (Славу умножать делами. — *лат.*) указан С.Н. Троицким как девиз герба графов Разумовских⁷. То есть перед нами, без всякого сомнения, три геральдических суперэклибриса представителей рода графов Разумовских, и хронологически они относятся к рубежу XVIII–XIX веков.

Шаг 2: выявление круга возможных владельцев геральдических суперэклибрисов

Для того чтобы установить конкретного представителя или представителей рода графов Разумовских, которым принадлежали эти суперэклибрисы, следует привлечь генеалогические источники и выявить представителей рода, которые хронологически могли бы быть их владельцами. Вполне очевидно, что, выявляя круг возможных владельцев, необходимо было обратить внимание на наличие у них различных наград, поскольку на всех трех суперэклибрисах изображены орденские знаки.

Род графов Разумовских не столь многочисленный, а биографические сведения о всех его представителях, живших на рубеже XVIII–XIX веков, подробно изложены в Русском биографическом словаре⁸. Таким образом, в перечень возможных владельцев входят следующие представители рода Разумовских: Кирилл Григорьевич (1728–1803), шестеро его сыновей — Алексей (1748–1822), Петр (1751–1823), Андрей (1752–1836), Лев (1757–1818), Григорий (1759–1837) и Иван (1761–1802), а также сыновья старшего из братьев — Петр Алексеевич (1775–1835) и Кирилл Алексеевич (1777–1829).

Шаг 3: установление непосредственных владельцев исследуемых суперэклибрисов

После того как установлены все персоналии, которые являются возможными владельцами суперэклибрисов, необходимо из их числа выявить истинных владельцев (или одного владельца). Несмотря на то, что в литературе имеются сведения о наличии у не-

⁵ Rolland V., Rolland H.V. Planches de l'armorial general de J. B. Rietstap. T. V. London, 1967. Pl. CXXIX.

⁶ Siebmacher grosses und allgemeines Wappenbuch... Nurnberg, [1910]. Bd. I. Abt. III. S. 415.

⁷ Троицкий С.Н. Гербовые девизы... С. 28.

⁸ Русский биографический словарь: Притвиц — Рейс. СПб., 1910. С. 427–470.

33

Суперэкслибрис А.С. Строганова

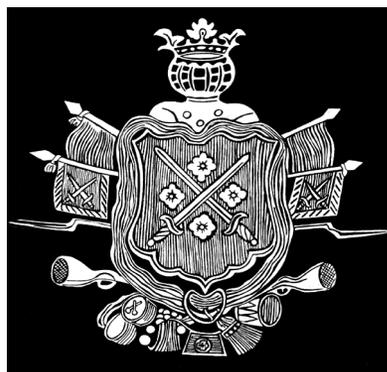
34

Суперэкслибрис Г.А. Строганова

35

Суперэкслибрис С.В. Строгановой

36

Суперэкслибрис Н.С. Сумарокова

которых из них больших библиотек, они не должны никак влиять на ход атрибуции, а могут служить лишь дополнительной информацией, поскольку в качестве неоспоримых фактов рассматриваются исключительно конкретные исторические источники — сами суперэклибрисы. Чтобы попытаться установить персональную принадлежность суперэклибрисов, необходимо провести их фалеристическое исследование, поскольку на всех трех знаках имеются изображения орденов.

Установление владельца геральдических суперэклибрисов 1 и 2

Из трех исследуемых суперэклибрисов два — на книгах 1799 и 1806 годов — очень схожи между собой. Первый (илл. 31, с. 165) вытиснен на переплете тома «Естественной истории» Бюффона, напечатанной в Париже в 1799 году (книга хранится в составе личной библиотеки А.С. Пушкина в ИРЛИ РАН⁹); второй суперэклибрис (илл. 30, с. 165) нанесен на переплет «Буколик» Вергилия в переводе Ж. Делиля, также парижского издания (собрание РНБ¹⁰). На этих двух суперэклибрисах геральдический щит имеет овальную форму и наложен на орденскую звезду, соответствующую по форме звезде ордена Св. Владимира, а под щитом на орденской ленте (которая судя по деталям также соответствует ордену Св. Владимира) изображен орденский крест. Этот крест на двух суперэклибрисах имеет некоторые различия: на знаке 1799 года он очень близок к форме владимирского креста, а на знаке 1806 года он более европейского типа (внешние стороны лучей креста закруглены). Прочие элементы оформления этих двух суперэклибрисов совпадают, особенно обращают на себя внимание щитодержатели, которые облачены в военную форму конца XVIII века и имеют покрытую голову (что не соответствует утвержденному гербу, где щитодержатели с непокрытыми головами). То есть можно предположить, что оба геральдических суперэклибриса принадлежат одному владельцу, причем медный штемпель первого, скорее всего, выполнен в России, а второго — за границей (это можно заключить по трактовке изображения владимирского креста). Теперь, когда установлен изображенный орден, следует из девяти возможных владельцев суперэклибрисов выявить действительного владельца.

⁹ Buffon G.-L. Histoire naturelle. Т. 2. Paris, 1799. 12-о. (ИРЛИ РАН, Б-ка А.С. Пушкина, шифр VIII-7/17).

¹⁰ Virgile. Les Bucoliques, traduites en vers francais [par J. Delille]. Paris, 1806. Gr. in-4-о. (РНБ, шифр 7.25.1.1.).

Если на суперэклибрисе почетное место занимает звезда ордена Св. Владимира, значит, этот орден являлся наивысшей наградой владельца, что соответствует и утвержденным правилам ношения русских орденов. Кроме того, наличие именно орденской звезды, а не только креста, свидетельствует о том, что владелец был кавалером одной из двух первых степеней ордена, поскольку при награждении третьей и четвертой степенями этого ордена полагался лишь крест.

С другой стороны, если бы владелец этого суперэклибриса являлся кавалером орденов, которые превосходили орден Святого Владимира по рангу, — то есть ордена Святого Андрея Первозванного, то на геральдическом суперэклибрисе должен был быть изображен наиболее высокий по рангу орден (что соответствовало бы правилам ношения орденов), либо на суперэклибрисе должны были быть изображены все имевшиеся ордена, по крайней мере русские.

Таким образом, можно заключить, что владелец этого суперэклибриса к концу XVIII века (т.к. первый из двух знаков, который нанесен на переплет книги 1799 года, по стилистике и материалам аутентичен времени издания книги) был награжден либо только орденом Св. Владимира первой или второй степени, либо указанный орден был высшим из всех имевшихся у него российских орденов, а потому владелец ограничился нанесением на свой суперэклибрис его одного.

Из девяти человек, внесенных в список возможных владельцев, только один удовлетворяет такому условию — граф Лев Кириллович Разумовский (1757–1818), который был пожалован орденом Св. Владимира 2-й степени указом императрицы Екатерины II от 18 марта 1792 года за ратные подвиги.

Необходимо сказать, что в 1811 году кавалером ордена Св. Владимира 1-й степени стал и граф Андрей Кириллович Разумовский, однако он не может быть владельцем этих двух суперэклибрисов поскольку переплеты исследуемых книг (1799 и 1806 годов) аутентичны времени их издания.

Итак, фалеристическое исследование показало, что владельцем двух геральдических суперэклибрисов является Лев Кириллович Разумовский.

Установление владельца геральдического суперэклибриса 3

Третий геральдический суперэклибрис (илл. 32, с. 165) вытиснен на переплете книги Оливера Голдсмита «Векфильдский свя-

щенник», напечатанной в 1796 году на английском языке в Париже¹¹. В этом знаке, в отличие от двух предыдущих, соблюдена точность в изображении щитодержателей (они с непокрытыми головами, что соответствует утвержденному гербу), но имеется другая интересная особенность — форма геральдического щита. В данном случае он так называемого шведского типа — то есть, по всей вероятности, суперэкслибрис был заказан владельцем за границей. Однако, поскольку все перечисленные выше представители рода Разумовских были большими охотниками до европейской жизни, то в исследовании этого суперэкслибриса такое наблюдение не является помощником. Однако в изображении третьего суперэкслибриса, как и в двух предыдущих, наличествуют более существенные индивидуальные идентификационные признаки — изображения орденов, что вновь требует от нас призвать в помощь фалеристику.

Под геральдическим щитом шведского типа расположены два орденских креста на орденских лентах; кресты эти по форме соответствуют польским орденам Св. Станислава и Белого Орла. По наличию крестов только этих двух орденов возможно сделать вывод, что российских орденов его владелец к тому времени не имел вовсе. То есть при дальнейшем поиске владельца этого суперэкслибриса, необходимо заведомо исключить всех представителей рода Разумовских из составленного списка, которые имели к тому времени (1796 год) российские ордена — графов К.Г., А.К. и Л.К. Разумовских, при этом остается шесть человек. Для того чтобы попытаться установить владельца этого геральдического суперэкслибриса, необходимо обратиться к кавалерским спискам орденов Св. Станислава и Белого Орла¹².

Просмотр этих списков не дал ожидаемых результатов: в список кавалеров ордена Св. Станислава не включен ни один из шести возможных владельцев, а в списке кавалеров ордена Белого Орла упомянут некто «Кирилл Кириллович Разумовский (1751–1823)» без указания даты награждения. Хотя в генеалогии графов Разумовских нет ни одного Кирилла Кирилловича, указанные даты жизни соответствуют Петру Кирилловичу Разумовскому, но такое указание не может в процессе фалеристического исследования восприниматься неоспоримым доказательством. Как мы указывали выше, в качестве дополнения к спискам кавалеров польских орденов следует рассматривать сведения, которые ежегодно ука-

¹¹ *Goldsmith O.* The vicar of Wakefield. Paris, 1796. In-12-о. (Частное собрание, Москва).

¹² *Loza S.* Historja orderu Orla Bialego. Warszawa, 1922; *Loza S.* Kawalerowie orderu sw. Stanislawy. Warszawa, 1925.

зывались в Адрес-календарях; именно в них начиная с 1786 и 1787 годов кавалером атрибутированных нами двух польских орденов как раз числится один из указанных в списке возможных владельцев — это граф Петр Кириллович Разумовский (1751–1823). Таким образом, в результате фалеристического исследования установлен и владелец третьего суперэклибриса с гербом рода графов Разумовских.

То есть, следуя пошагово полидисциплинарной методике атрибуции геральдических суперэклибрисов, оказалось возможным точно установить принадлежность указанных знаков.

Атрибуция суперэклибрисов графов Шереметевых

Шаг 1: атрибуция герба геральдических суперэклибрисов

В различных книгохранилищах была выявлена большая группа схожих между собой суперэклибрисов, насчитывающая семь разновидностей (илл. 40–46, с. 179, 185, 191); объединяет ее тождественное изображение герба — два креста один под другим, над которыми положена корона; щит поддерживается двумя щитодержателями — львами, различными по трактовке; под гербом — лента с латинским девизом «Deus conservat omnia». Первые три суперэклибриса вытиснены на переплетах иностранных книг 1689–1750 годов, четвертый и пятый — на русских книгах 1773–1779 годов, шестой — на русской книге начала XX века, а седьмой был обнаружен только в виде лоскута кожи с суперэклибрисом в коллекции книжных знаков А.П. Бахрушина в ГПИБ. Первые пять вариантов несколько отличны от последних двух, что, возможно, объясняется еще и хронологическим разрывом — кроме различий в декоративном решении, в изображениях самих гербов над двумя крестами в геральдическом щите изображена дворянская корона, а двух последних — королевская. Во всех случаях герб покрыт графской короной.

Поскольку три книги, на которых имеются суперэклибрисы, изданы на русском языке, то справедливо предположить, что и вся выявленная группа суперэклибрисов — русского происхождения. (Несмотря на то, что декоративное решение первого суперэклибриса ближе к немецким геральдическим традициям, это может быть либо веянием моды, либо индивидуальным стилем мастера, вырезавшего штамп или выполнившего для него эскиз). Поскольку герб во всех случаях покрыт графской короной, то наиболее целесообразным является обращение к «Общему гербовнику дворянских родов», где и находим этот герб. Он принадлежит роду гра-

фов Шереметевых¹³. Также этот герб воспроизведен в «Гербовнике Князева»¹⁴; отдельный очерк «Гербы потомства Гланды Камбилы», где воспроизведено несколько гербов графов Шереметевых, напечатан в 1913 году в журнале «Гербовед»¹⁵; а девиз герба графов Шереметевых «Deus conservat omnia» (Бог сохраняет всё. — лат.) опубликован в указателе гербовых девизов С.Н. Тройницкого¹⁶.

То есть перед исследователем, без всякого сомнения, семь геральдических суперэклибрисов представителей рода графов Шереметевых.

Шаг 2: выявление круга возможных владельцев геральдических суперэклибрисов

Если при атрибуции суперэклибрисов графов Разумовских все три знака были хронологически близкими, что способствовало локализации поиска, то суперэклибрисы графов Шереметевых не обладают таким качеством: первый вытиснен на книге конца XVII века, а последний — на книге начала XX, то есть они обнимают более чем двухсотлетний период, что может сделать поиск возможных владельцев этих знаков излишне трудоемким. Для оптимизации поиска наиболее целесообразным выглядит разделение комплекса из семи геральдических суперэклибрисов графов Шереметевых на несколько групп. Поскольку на пяти из них изображены знаки орденов и другие предметы фалеристики, то можно начать не с составления списка возможных гербовладельцев, а непосредственно с фалеристического исследования. Что же касается шестого суперэклибриса из этого комплекса, который нанесен на переплет книги начала XX века, то он сопровождается шрифтовым суперэклибрисом на корешке, который должен помочь в исследовании, а последний, седьмой суперэклибрис не имеет вообще никаких дополнительных знаков отличия или иных особенностей.

Шаг 3: установление непосредственных владельцев суперэклибрисов

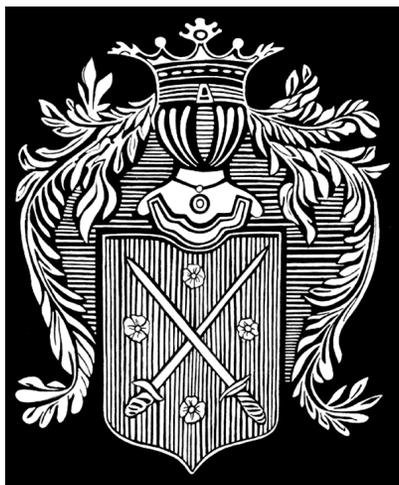
Группу из пяти суперэклибрисов, исходя из их декоративно-художественного решения, характеристики переплетов, а также самих изданий, которые отмечены суперэклибрисами, можно да-

¹³ Ог. II, 10.

¹⁴ Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года / Издал С.Н. Тройницкий. СПб., 1912. С. 169–170.

¹⁵ Тройницкий С.Н. Гербы потомства Гланды Камбилы // Гербовед, издаваемый С.Н. Тройницким. М., 2003. С. 19–28.

¹⁶ Тройницкий С.Н. Гербовые девизы... С. 27.

37

Суперэкслибрис Н.Н. Сумарокова

38

Суперэкслибрис Г.И. Чернышева

39

Суперэкслибрис П.Г. Чернышева

40

Суперэкслибрис А.Д. Шереметева

тировать XVIII веком. Первый (илл. 41, с. 185) вытиснен на переплете фолианта амстердамского издания знаменитого словаря Пьера Бейля 1750 года¹⁷; второй (илл. 42, с. 185) — на книге голландца Грота по строительству домов того же 1750 года¹⁸; третий (илл. 43, с. 185) — на «Искусстве живописи» Ш.-А. Дюфренуа 1684 года¹⁹; четвертый (илл. 44, с. 185) — на изданной в 1773 году «Записке путешествия» графа Б.П. Шереметева²⁰; а пятый (илл. 45, с. 191) — на издании его же писем к Петру Великому (1778–1779).²¹ Для попытки установления владельцев этих суперэкслибрисов следует в каждом случае применить фалеристическое исследование.

Установление владельца геральдического суперэкслибриса 1

На первом суперэкслибрисе изображены многочисленные предметы фалеристики: геральдический щит с гербом графов Шереметевых положен на орденскую звезду, на лучах которой начертан текст: *Pro Fide Rege et Lege*; этот текст является девизом польского ордена Белого Орла, форма звезды также соответствует этому ордену; кроме того, знак ордена Белого Орла расположен на ленте под геральдическим щитом. Также под геральдическим щитом изображены висящими на лентах два орденских креста, которые при ближайшем рассмотрении оказываются крестами ордена Св. Анны и ордена Св. Александра Невского. Последним предметом фалеристики суперэкслибриса является висящий на орденских лентах ключ, головка которого выполнена в форме двуглавого орла. Переплет книги и суперэкслибрис датируются серединой XVIII века.

¹⁷ Bayle P. Nouveau dictionnaire historique et critique... Т. 1. Amsterdam, La Haye, 1750. In-folio. (РНБ, шифр 12.50.1.3.)

¹⁸ Groot M. Les argemens de la campagne, ou remarques particulieres sur la construction des maisons de campagne plus ou moins magnifiques... Leyde, Amsterdam, 1750. 4-о. (Музей-усадьба «Архангельское», ОРК, инв. № 14 738.)

¹⁹ Du Fresnoy Ch. A. L'art de peinture. Paris. 1684. 12-о. (ОРК РНБ, инв. М-1896.)

²⁰ Шереметев Б.П. Записка путешествия генерала фельдмаршала российских войск, тайного советника и кавалера мальтийского, С. апостола Андрея, Белаго Орла и прусского ордена, графа Бориса Петровича Шереметева, в тогдашние времена бывшего ближнего боярина и наместника Вятского, в европейские государства в Краков, в Вену, в Венецию, в Рим и на Мальтийский остров, изданная по подлинному описанию, находящемуся в библиотеке сына его господина обер-камергера, генерал-аншефа, сенатора и кавалера С. апостола Андрея, С. Александра Невского, Белаго Орла и С. Анны, графа Петра Борисовича Шереметева. М., 1773. 2-о. (БАН, ОРКиР, шифр 1773/100.)

²¹ Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника мальтийского, Св. апостола Андрея, Белаго Орла и прусского ордена Кавалера, графа Бориса Петровича Шереметева. Ч.1–4. М., 1778–1779. (ОИК ГПИБ, № 5179.)

Как свидетельствуют «Списки кавалерам российских императорских орденов», из графов Шереметевых в XVIII столетии орденом Св. Анны были награждены только два представителя этого семейства: граф Петр Борисович (1713–1788), получивший эту награду 25 апреля 1742 года²², а также награжденный в 1798 году при Павле I его сын граф Николай Петрович (1751–1809). Орденом Св. Александра Невского в XVIII веке были награждены они же: 15 июля 1744 года — граф Петр Борисович²³, а 28 июня 1796 — граф Николай Петрович²⁴. Как указано в книге Станислава Лозы, посвященной ордену Белого Орла, в XVIII веке высшим польским орденом были также награждены граф Петр Борисович (в 1756 году)²⁵, а также его сын Николай Петрович, дата награждения которого не установлена²⁶; однако впервые кавалером ордена Белого Орла граф Николай Петрович поименован в Адрес-календаре на 1783 год²⁷, то есть датой получения ордена стоит считать ориентировочно 1782 год. Что же касается изображения ключа с головкой в виде двуглавого орла, то он свидетельствует о наличии у владельца придворного звания камергера (такой ключ, как символ ключа от покоев государя, получал камергер вместе со своим придворным званием). Из графов Шереметевых в XVIII веке камергерами были опять же граф Петр Борисович (с 1 января 1741 года) и граф Николай Петрович (с 10 июля 1775 года).

Как можно заключить из перечисленного, с учетом характеристики книжного переплета и суперэкслибриса (середина XVIII века), владельцем этого знака может быть только один представитель рода — граф Петр Борисович Шереметев. Кроме того, по составным частям герба (особенно по использованной звезде ордена Белого Орла за геральдическим щитом), этому геральдическому суперэкслибрису аналогична гербовая печать П.Б. Шереметева, прорись которой вошла к «Гербовник Князева» и опубликована С.Н. Тройницким²⁸.

²² Бантыш-Каменский Н.Н. Списки кавалерам... С. 169.

²³ Там же. С. 133.

²⁴ Там же. С. 164.

²⁵ *Loza S. Historja orderu Orla Bialego. Warszawa, 1922. P. 25.*

²⁶ *Ibid. P. 106.*

²⁷ Адрес-календарь российский на лето от Рождества Христова 1783, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб., 1783. С. 5.

²⁸ Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года / Издал С.Н. Тройницкий. СПб., 1912. С. 169, илл. 500. Заметим, что в рисунке этой печати отсутствует изображение камергерского ключа.

Установление владельца геральдических суперэкслибрисов 2 и 3

Эти суперэкслибрисы (илл. 42–43, с. 185) хотя и различны по размеру и декоративно-художественному решению, но могут быть датированы примерно одним и тем же временем — серединой XVIII века, а, главное, — они полностью идентичны по изображенным на них предметам фалеристики. Оба геральдических щита в суперэкслибрисах имеют форму овала; в расположенных вокруг щитов овальных рамках начертаны слова «За труды и отечество» — девиз ордена Св. Александра Невского; внизу под геральдическими щитами изображены кресты ордена Св. Александра Невского; также под геральдическим щитом обоих суперэкслибрисов изображены кресты ордена Св. Анны.

При обращении к кавалерским спискам, как мы видели выше, устанавливается, что орденом Св. Александра Невского в XVIII веке были награждены граф Петр Борисович (15 июля 1744 года) и его сын граф Николай Петрович (28 июня 1796 года). Наличие девиза ордена Св. Александра Невского вокруг геральдического щита обозначает еще и то, что это был высший орден, которым к тому времени был награжден владелец суперэкслибриса. Кавалерами ордена Св. Анны, как было сказано выше, также являлись граф Петр Борисович (25 апреля 1742 года) и граф Николай Петрович (1798 год).

Поскольку переплеты этих книг и геральдические суперэкслибрисы датированы серединой XVIII века, можно сделать вывод, что владельцем и этих двух суперэкслибрисов, несомненно, является граф Петр Борисович Шереметев²⁹.

Установление владельца геральдических суперэкслибрисов 4 и 5

Последние два суперэкслибриса этой группы (илл. 44, с. 185 и 45, с. 191) практически тождественны между собой и отличаются только размерами и качеством проработки оригинального штампа; оба они, как и переплеты снабженных ими книг, датируются 1770-ми годами. Обилие предметов фалеристики побуждает применить для атрибуции фалеристическое исследование. Геральдические щиты суперэкслибрисов имеют круглую форму и покоятся на изображениях звезд ордена Св. апостола Андрея Первозванного; вокруг геральдических щитов начертаны слова «За веру и вер-

²⁹ Этот вывод также подтверждается тем, что на задней крышке переплета имеется шрифтовой суперэкслибрис — вензель PS, который в данном случае может быть расшифрован как Pierre Scheremetoff.

ность» — девиз ордена Святого апостола Андрея Первозванного, а также положена цепь ордена Св. апостола Андрея Первозванного. Внизу на геральдических суперэклибрисах изображены кресты трех орденов — Св. Анны, Св. Александра Невского и польского ордена Белого Орла. За геральдическим щитом положены крест накрест два ключа, бородками вниз, головки которых имеют форму двуглавых орлов.

Проанализировав списки кавалеров орденов, можно заключить: орденом Св. апостола Андрея Первозванного в XVIII веке было награждено три представителя рода графов Шереметевых: фельдмаршал Борис Петрович (30 декабря 1701 года), его сын граф Петр Борисович (27 декабря 1761 года) и внук граф Николай Петрович, удостоенный этого ордена в 1797 году. Орденом Белого Орла, как уже было выяснено выше, в XVIII веке были награждены граф Петр Борисович (1756) и граф Николай Петрович (ок. 1782). Они же были и кавалерами ордена Св. Александра Невского (1744 и 1796 годы соответственно); и они же имели ордена Св. Анны (1742 и 1798 годы). Расположенные за геральдическим щитом два ключа символизируют придворное звание владельца суперэклибриса — обер-камергер императорского двора. В XVIII веке из рода графов Шереметевых это звание опять же носили граф Петр Борисович (с 1761 года) и его сын граф Николай Петрович (с 1798).

Поскольку переплеты книг и тиснение на них суперэклибрисов датируется 1770-ми годами, то владельцем этих суперэклибрисов может быть только граф Петр Борисович Шереметев. Таким образом, фалеристическое исследование установило, что все пять геральдических суперэклибрисов с гербом рода графов Шереметевых принадлежат одному владельцу — графу Петр Борисовичу Шереметеву.

Причем, четвертый и пятый, по-видимому, были изготовлены исключительно для украшения издаваемых графом книг об его отце-фельдмаршале и носят характер так называемых издательских суперэклибрисов. Стоит отметить, что такое количество геральдических суперэклибрисов, принадлежащих одному человеку, оказывается уникальным случаем в истории русского суперэклибриса XVIII столетия, полностью подтверждая характеристику графа П.Б. Шереметева как выдающегося русского библиофила.

Установление владельца 6-го геральдического суперэклибриса

Шестой суперэклибрис этой группы (илл. 40, с. 179) вытиснен на верхней крышке переплета «Альбома красавиц» начала

XX века и был обнаружен в частном собрании А.Б. Савинова в Москве³⁰. Стиль, в котором исполнен знак, характерен для второй половины XIX века, он не имеет никаких фалеристических дополнений — арматур или орденских знаков. Несомненной помощью для персональной атрибуции этого суперэклибриса должен стать шрифтовой суперэклибрис владельца, вытисненный на корешке: он представляет собою скрещенные литеры АШ под графской короной.

Сочетание АШ представляет собой инициалы владельца и соответствует первым буквам имени и фамилии. Поскольку уже установлено, что герб на суперэклибрисе принадлежит представителю рода графов Шереметевых, то литера Ш, таким образом, соответствует этой фамилии. Имя же владельца этого скрывается за литерой А.

Как показало обращение к генеалогической литературе, за всю историю рода графов Шереметевых имелось лишь два представителя, чье имя начиналось на букву А — Алексей Михайлович (1694–1730) и Александр Дмитриевич (1859–1931). Исходя из датировки геральдического суперэклибриса, характеристики книжного переплета, а также и времени напечатания издания, на переплет которого нанесен знак, владельцем этого геральдического суперэклибриса является граф А.Д. Шереметев.

Установление владельца 7-го геральдического суперэклибриса

Последний из группы геральдических суперэклибрисов графов Шереметевых (илл. 46, с. 191) был выявлен в собрании книжных знаков московского купца и выдающегося русского коллекционера Алексея Петровича Бахрушина (1853–1904), которое сохраняется в Отделе истории книги ГПИБ России. Этот суперэклибрис характеризуется невиданным для русских суперэклибрисов качеством проработки штампа-матрицы; он оттиснут на лоскуте превосходного сафьяна темно-лилового цвета и подклеен в альбом А.П. Бахрушина как обычный эклибрис. Возможно, этот геральдический суперэклибрис представляет собой пробный оттиск, поскольку на обороте лоскута кожи отсутствуют следы того, что он был вырезан с книжного переплета.

Характеристика кожи и штампа, качество оттиска, а также особенности декоративно-художественного решения этого геральдического суперэклибриса позволяют датировать его последней чет-

³⁰ Альбом Красиавиц, Б.м. и г. [1900-е гг]. Гр. 4-о. (Собрание А.Б. Савинова.)

41

42

43

44

Суперэклибрисы П.Б. Шереметева

вертью XIX века. Несмотря на столь превосходные характеристики, в этом памятнике русской геральдики отсутствуют какие-либо основания для персональной атрибуции.

Подобные случаи — когда геральдический суперэклибрис атрибутирован какому-либо дворянскому роду, но при визуальном анализе не просматривается ни малейшего основания для персональной атрибуции — не редки. Однако в таких случаях на помощь исследователю приходит генеалогическая и геральдическая литература по истории этого рода, с привлечением которой в редких случаях оказывается возможным установить персональную принадлежность геральдического суперэклибриса. Именно таким образом оказалось возможным атрибутировать и этот геральдический суперэклибрис.

Дело в том, что в первом томе книги А.П. Барсукова «Род Шереметевых»³¹ опубликован полностью идентичный по начертанию с исследуемым геральдическим суперэклибрисом эстамп — герб рода Шереметевых, гравированный специально для книги А.П. Барсукова художником В.А. Бобровым. Еще одно аналогичное гравюре В.А. Боброва изображение было помещено С.Н. Тройницким в журнале «Гербовед»³².

Присутствие этого произведения В.А. Боброва в двух этих изданиях, а также анализ литературы позволили установить следующие подробности: во-первых, многотомное издание А.П. Барсукова «Род Шереметевых» было начато и осуществлялось по инициативе и на средства графа Сергея Дмитриевича Шереметева³³; во-вторых, художник и гравёр Виктор Алексеевич Бобров (1842–1918) был ближайшим знакомым графа С.Д. Шереметева, для которого исполнил ряд работ и портретов его предков³⁴; в третьих, именно В.А. Бобров выполнил для графа С.Д. Шереметева геральдический эклибрис. Этот эклибрис воспроизведен в книге У.Г. Иваска «Описание русских книжных знаков»³⁵, центральная часть этого бумажного эклибриса (собственно декоративно-художественное решение герба) полностью повторяет центральную часть исследуемого геральдического суперэклибриса. Такая совокупность сведений позволяет

³¹ Барсуков А.П. Род Шереметевых. Т. I. СПб., 1881. Фронтиспис.

³² Тройницкий С.Н. Гербы потомства Гланды Камбилы // Гербовед, издаваемый С.Н. Тройницким. М., 2003. С. 19.

³³ Шавыркина Н.А. История библиотеки Шереметевых... С. 186.

³⁴ Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравёров XVI–XIX вв. Т. I. СПб., 1895. Стлб. 86–92.

³⁵ Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков (Ex-libris). Вып. I. М., 1905. С. 315.

признать исследуемый суперэклибрис геральдическим суперэклибрисом графа С.Д. Шереметева.

Таким образом, проведенное исследование позволило не только установить принадлежность группы из семи геральдических суперэклибрисов роду графов Шереметевых, но и аргументированно атрибутировать каждый из знаков конкретным представителям этого рода. Особенно необходимо отметить роль фалеристического исследования геральдических суперэклибрисов, благодаря которому оказалось возможным атрибутировать пять суперэклибрисов. Показательно также, что даже в безнадежной, как могло показаться на первый взгляд, задаче атрибутировать персонально седьмой суперэклибрис из этой группы, был определен его владелец.

Суперэклибрисы Сумароковых

Шаг 1: атрибуция герба геральдических суперэклибрисов

В результате выявления суперэклибрисов были обнаружены два знака (илл. 36, с. 173 и 37, с. 179), хотя и не очень похожие стилистически, но аналогичные по изображенному гербу: в геральдическом щите, имеющем одно поле, расположены два скрещенных меча, эфесами вниз; в образованных их скрещением четырех углах размещены четыре цветка. Геральдические щиты в обоих случаях разлинованы вертикальными линиями, что в геральдике обозначает красный цвет, то есть геральдический щит — красный. Оба знака выявлены на переплетах русских книг: первый, в котором присутствуют воинские арматуры, — на книге 1757 года³⁶; второй, без воинских арматур, — 1811 года³⁷.

Вполне логично предположить, что вытисненный на русской книге геральдический суперэклибрис имеет и русское происхождение, а потому первым шагом атрибуции следует избрать обращение к «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи», где и обнаруживается указанный герб. Этот герб принадлежит роду дворян Сумароковых³⁸. Он также имеется в изданном С.Н. Тройницким «Гербовнике Князева»³⁹, где воспроизводится прорись гербовой печати поэта А.П. Сумарокова (1718–1777),

³⁶ Ломоносов М.В. Собрание разных сочинений. Кн. 1. СПб., 1757. 4-о. (ОИК ГПИБ, № 6827).

³⁷ Анекдоты, объясняющие дух фельдмаршала Петра Александровича Румянцова-Задунайского. СПб., 1811. 8-о. (ОРК ГМП, № 9153).

³⁸ Ог. II, 82.

³⁹ Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года / Издал С.Н. Тройницкий. СПб., 1912. С. 143.

на которой изображены и предметы фалеристики — знаки ордена Св. Анны, которым А.П. Сумароков был награжден 26 января 1767 года⁴⁰.

В результате анализа генеалогической и исторической литературы устанавливается, что единственным представителем рода дворян Сумароковых, который может являться владельцем этого геральдического суперэклибриса, оказывается Никита Николаевич Сумароков (1765–1812), сын владельца первого знака; литеры BNS расшифровываются как B[ibliothèque] N[ikita] S[oumarocoff]⁴¹.

Шаг 2: выявление круга возможных владельцев геральдических суперэклибрисов

Оба геральдических суперэклибриса нанесены на верхние крышки переплетов, тогда как на нижних крышках вытиснены шрифтовые суперэклибрисы. Первый суперэклибрис, на котором вокруг герба имеются воинские арматуры (илл. 36, с. 173), сопровождается шрифтовым суперэклибрисом, состоящим из латинских литер NS; второй суперэклибрис, не имеющий никаких арматур вокруг герба (илл. 37, с. 179), сопровождается на задней крышке суперэклибрисом смешанного типа, где среди глобуса, циркуля и книг начертаны литеры BNS, а ниже вытиснена дата — 1811, которая совпадает с годом издания книги.

Если попытаться произвести дешифровку этих литер согласно традиции, наблюдаемой нами при нанесении владельческих инициалов на книги, и учесть при этом тот факт, что фамилия гербовладельцев установлена, то литеры раскрываются следующим образом: N S[oumarocoff] и B[ibliothèque] N S[oumarocoff]. Таким образом, владельцем исследуемых геральдических суперэклибрисов должны быть представители (или один представитель) рода Сумароковых, имя которого начинается на русскую букву Н.

Шаг 3: установление непосредственных владельцев суперэклибрисов

Геральдический суперэклибрис 1

В атрибуции суперэклибриса, нанесенного на переплет книги 1757 года, кроме уже установленного инициала Н, исследователю должны помочь и воинские трофеи, расположенные вокруг герба. Трофеи достойны внимания еще и потому, что род Сумароковых

⁴⁰ Бантиш-Каменский Н.Н. Списки кавалерам... С. 181.

⁴¹ Благодарим Е.З. Панченко (СПб ИРИ РАН) за помощь в атрибуции этих суперэклибрисов (см. также ее публикацию по данному вопросу: Панченко Е.З. Суперэклибрисы Сумароковых // Книга в России. Сб. 1. М., 2006. С. 270–279).

в XVIII столетии был многочисленным, и представителей на букву Н также довольно много; то есть для персональной атрибуции необходимо попытаться эффективно использовать всю имеющуюся в суперэклибрисе дополнительную информацию, которую могут нести воинские трофеи. Наличие воинских трофеев, по меньшей мере, указывает на то, что владелец геральдического суперэклибриса был связан с армией.

При исследовании важно отдавать себе отчет в том, что изображенные на геральдических суперэклибрисах предметы (в данном случае воинские атрибуты) несут в себе не отвлеченную или общую, но зачастую предельно конкретную историческую информацию, а потому их следует воспринимать исключительно как исторически информативные детали геральдического суперэклибриса — комплексного исторического источника; здесь извлечению такой информации помогает фалеристика.

При детальном рассмотрении предметов фалеристики — в данном случае воинских трофеев — оказывается, что изображенные трофеи не просто «военные», а имеют конкретное смысловое значение. Изображенные на суперэклибрисе патронная сумка (лядунка), офицерский нагрудный знак (гривна), трехгранные штыки гладкоствольных ружей могут соответствовать только гренадеру. В ходе поиска по биографическим и генеалогическим справочникам, а также по печатным «Спискам воинскому департаменту» был выявлен единственный представитель фамилии Сумароковых, служивший в XVIII столетии в гренадерских подразделениях, и чье имя начинается с буквы Н, — это Николай Степанович Сумароков (1727–1811), который в 1748 году вступил в службу во 2-й Гренадерский полк, затем участвовал в Семилетней войне, а 1764 году вышел в отставку в чине секунд-майора и поселился в родовом имении Карцово Костромского уезда. В 1771 году он был избран уездным предводителем дворянства и переехал в Кострому, где не только собрал значительную библиотеку, но и занялся историей этого города и даже написал «Историю о первоначалии и происшествиях города Костромы до учреждения наместничества»⁴²; был женат на Меланье Ивановне урожденной Олсуфьевой, и имел троих детей: Никиту, Варвару и Анну.

Таким образом, в результате фалеристического исследования установлен владелец первого геральдического суперэклибриса, а шрифтовой суперэклибрис с литерами NS, сопутствующий геральдическому, расшифровывается как N[icolas] S[oumarocoff].

⁴² Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998. С. 115–127.

Геральдический суперэкслибрис 2

Этот суперэкслибрис был выявлен на книге 1811 года издания; он, как мы и говорили выше, также сопровождается вторым суперэкслибрисом на нижней крышке — смешанного типа, с изображением глобуса, книг, циркуля, литер BNS и даты 1811. По-видимому, такая дата должна соответствовать году переплетения книги и нанесения на нее геральдического суперэкслибриса. Воинские трофеи на этом знаке отсутствуют, а потому справедливо предположить, что он принадлежит уже другому владельцу, нежели первый.

В результате анализа генеалогической и исторической литературы устанавливается, что единственным представителем рода дворян Сумароковых, который может являться владельцем этого геральдического суперэкслибриса, оказывается Никита Николаевич Сумароков (1765–1812), сын владельца первого знака; литеры BNS расшифровываются как B[ibliotheque] N[ikita] S[oumarocoff].

Причем и в данном случае циркуль, книга и глобус также не беспричинно носят характер арматур — они имеют смысл и отражают биографические реалии владельца. Никита Сумароков вступил в службу, но, не имея к ней склонности, вскоре вышел в отставку в чине капитана. Еще будучи сержантом лейб-гвардии Семеновского полка, он перевел книгу «Некоторые полезные статьи, выбранные из удивительных секретов великого Альберта, с приобщением для любопытных людей табели звездам и планетам...», изданную в 1783 году⁴³; служил в Губернском правлении при отце, занимался переводами, в том числе перевел «Описание Константинополя», изданное в 1791 году⁴⁴, собрал значительную библиотеку. Особенно он известен тем, что стал основателем первой костромской типографии, сначала располагавшейся в его имени. Костромской гражданский губернатор Н.И. Кочетов писал: «В прошлом 1792 г. костромским помещиком капитаном Никитой Сумароковым заведена собственным иждивением, на основании высочайшего именного указа 1783 г. генваря 15 дня, вольная типография здешнего уезда в сельце его Корцове, в чем по силе того узаконения и объявлена тогда Костромской управе благочиния...»⁴⁵ Типография была перевезена в Кострому, усовершенствована, и в ней, сверх многочисленных акцидентных работ, было выпущено более десяти книг,

⁴³ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. Т. II. М., 1964. С. 292, № 4543.

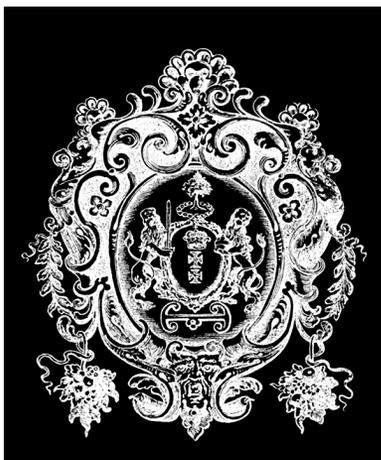
⁴⁴ Там же. С. 356, № 4944.

⁴⁵ Библиофилы России: Сб. III. М., 2006. С. 371.

45

Суперэкслибрис П.Б. Шереметева

46

Суперэкслибрис С.Д. Шереметева

47

Суперэкслибрис Г.Р. Шидловского

48

Суперэкслибрис И.И. Шувалова

причем переводчиком некоторых книг был сам Сумароков; только в 1796 году, после указа государыни, Сумароков был вынужден продать свое печатное производство Губернскому правлению.

Таким образом, исследование геральдических суперэклибрисов представителей рода Сумароковых, во-первых, доказывает важность фалеристики для атрибуции суперэклибрисов, причем в данном случае предметом фалеристики выступают не знаки орденов, а менее заметные предметы — воинские трофеи, которые обычно не привлекают к себе пристального внимания; во-вторых, на примере суперэклибрисов Сумароковых мы видим наглядный пример преемственности в употреблении геральдических суперэклибрисов — особенности, неоднократно наблюдаемой при изучении бытования этого исторического источника.

Суперэклибрис князя С.Б. Куракина

Шаг 1: атрибуция герба геральдического суперэклибриса

В процессе выявления книг с суперэклибрисами в Отделе редких книг ВГБИЛ нашелся том «Естественной истории» Бюффона на французском языке, изданный в Париже в 1764 году⁴⁶, на крышке переплета которого вытиснен геральдический суперэклибрис (илл. 25, с. 159). Герб суперэклибриса овальной формы, пятичастный; щит поддерживается щитодержателем — рыцарем в латах и шлеме, с копьем и стоящим на земле щитом; на кирасе рыцаря изображен двуглавый орел. Снизу геральдический щит поддерживается лежащим на земле медведем, вокруг щита расположены воинские арматуры. На щите воина начертан вензель — лигатура, читающаяся как РЕК, покрытая княжеской короной. Герб, в свою очередь, также покрыт княжеской короной.

Герб этот, хотя и нанесен на переплет иностранной книги, сразу производит впечатление русского, особенно по изображенному в гербе стулу — новгородскому гербу, — символизирующему княжение, по композиции арматур и щитодержателей (особенно медведю) и по двуглавному орлу на кирасе... Поиск русских гербов княжеского достоинства представляется более простым, нежели обычного дворянского герба, поскольку княжеских родов значительно меньше, но в композиции этого суперэклибриса для исследователя есть еще и одна важная подсказка — вензель владельца. Поскольку в вензелях лиц, наделенных княжеским достоинством, латинская литера Р всегда означает это самое достоинство

⁴⁶ Buffon. Histoire naturelle... Т. 14. Paris, 1764. 8-о. (НИОРК ВГБИЛ, шифр R-16325).

(фр. prince — князь), то фамилия и имя обозначены двумя оставшимися литерами — ЕК. Таким образом, фамилия гербовладельца начинается на Е или К.

Обратившись к княжеским гербам, внесенным в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи», в первом же томе печатного издания мы обнаружили воспроизведенным и описанный выше княжеский герб, который принадлежит роду князей Куракиных⁴⁷. Геральдический суперэклибрис, как часто бывает, имеет некоторые отличия от утвержденного герба, опубликованного в «Общем гербовнике», в основном это касается обозначения цветов: пятый малый щиток, возможно, только в силу размера, не разлинован вертикальными линиями под утвержденный красный цвет (на эту проблему, объясняющуюся лимитом технических возможностей горячего тиснения золотом на коже, было обращено внимание выше), но в верхнем левом поле, где помещен фрагмент новгородского герба, поле обозначено черным, тогда как в утвержденном варианте оно серебряное. Такие разночтения в цветах с утвержденными, определенными «Общим гербовником», часто встречаются в русских гербах XVIII века, что было многократно зафиксировано С.Н. Тройницким в «Гербовнике Князева»⁴⁸. Кроме того, в данном случае имеется еще одно отличие: новгородский герб в суперэклибрисе изображен в усеченном виде — без двух медведей, которые в утвержденном гербе стоят по сторонам стула. По-видимому, такое отличие неслучайно, поскольку личный герб князя Александра Борисовича Куракина (1752–1818)⁴⁹ из «Гербовника Князева» повторяет те же разночтения с впоследствии утвержденным гербом; такое повторение «ошибки» говорит о том, что дворянские гербы в России в XVIII веке далеко не всегда употреблялись в таком виде, в каком они впоследствии вошли в «Общий гербовник».

Таким образом, перед нами геральдический суперэклибрис представителя рода князей Куракиных.

Шаг 2: выявление круга возможных владельцев геральдического суперэклибриса

Необходимым шагом этого этапа атрибуции суперэклибриса является примерная датировка книжного переплета, на который он нанесен: переплет выполнен из обычной коричневой телячьей

⁴⁷ ОГ. I, 3.

⁴⁸ Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года / Издал С.Н. Тройницкий. СПб., 1912.

⁴⁹ Там же. С. 79.

кожи, крышки без золотого тиснения, корешок гладкий (так называемый греческий), декорированный золотым тиснением, русской работы. Важным датирующим признаком этого переплета является специфическая его особенность — при коричневой коже для переплета корешок по всей длине инкрустирован красной кожей, поверх которой уже нанесено традиционное золотое тиснение. Подобный прием, когда при изготовлении обычных, относительно дешевых переплетов коричневой кожи, корешок оклеивался цветной кожей, применялся в России на рубеже XVIII–XIX века. Это был очень грамотный с хозяйственной точки зрения прием, при котором книги в шкафу казались переплетенными в дорогие цветные сафьянные переплеты, хотя обходились владельцу в несколько раз дешевле. То есть, несмотря на указанный на титульном листе книги 1764 год, временем облачения книги в этот переплет следует считать рубеж XVIII–XIX веков. Поскольку золотое тиснение на корешке и суперэклибрис нанесены с применением одного и того же оттенка золота, суперэклибрис также следует датировать рубежом XVIII–XIX веков.

Кроме датировки геральдического суперэклибриса, особое внимание необходимо уделить изображенным на нем предметам фалеристики — воинским трофеям, указующим, по меньшей мере, на то, что владелец суперэклибриса был связан с военной службой. Но главным персональным признаком суперэклибриса является вензель РЕК. После того как была установлена фамилия, к которой принадлежит владелец этого геральдического суперэклибриса, а также его княжеское достоинство, на этом этапе исследования он уже расшифровывается как P[rince] E K[ourakine], то есть неизвестной остается лишь одна из трех литер. Как может показаться на первый взгляд, для окончательной дешифровки остается последний, легкий шаг — выбрать из представителей княжеского рода Куракиных персонаж, который бы соответствовал следующим условиям: имя его начинается на букву Е, он бы служил в армии, и жил на рубеже XVIII–XIX столетий.

Шаг 3: установление непосредственного владельца суперэклибриса

Кажущаяся простота дальнейших действий оказалась обманчивой: при анализе генеалогической литературы выяснилось, что среди представителей рода князей Куракиных во второй половине XVIII — начале XIX века вообще нет мужских представителей, чье имя начиналось бы с этой буквы; да и вообще, в роду князей Куракиных за всю его многовековую историю не было ни едино-

го представителя мужского пола, чье имя начиналось бы с буквы Е⁵⁰.

Кроме того, имена на эту букву довольно редки вообще, а также почти не употреблялись в указанный период для именовании представителей знатных и родовитых русских фамилий, каковой несомненно является и фамилия князей Куракиных. Как показывает анализ имен всех представителей русского служилого дворянства времени царствования Екатерины Великой (за период с 1764 по 1795 год)⁵¹, мужские имена на эту букву имелись следующие: Евгений, Евграф, Евдоким, Евлампий, Евстафий, Евстигней, Евстифей, Евстрат, Евтихий, Егор, Еким, Елизар, Елисей, Елпидифор, Емельян, Епафродит, Епифан, Ераст, Еремей, Ермил, Ермолай, Ерофей, Ефим и Ефрем. Ни одно из этих имен даже приближенно не напоминает представителей рода князей Куракиных требуемого периода.

Тогда были рассмотрены все представители мужской половины рода князей Куракиных, жившие на рубеже XVIII–XIX веков, коих оказалось пять человек: четверо сыновей и внук князя Бориса-Леонтия Александровича Куракина (1733–1764). Сознательно го возраста достигли четверо его сыновей: Александр Борисович (1752–1818), Степан Борисович (1754–1805), Алексей Борисович (1759–1829) и Иван Борисович (1761–1827); кроме них в указанный хронологический период в сознательном возрасте был и сын князя Алексея Борисовича — Борис Алексеевич (1784–1850). Все они, как можно видеть, имели имена, начинающиеся на другие буквы алфавита, отнюдь не на Е; то есть кажущаяся легкой задача отыскания истинного владельца суперэклибриса превратилась в сложную загадку.

Сперва казалось, что в поиске владельца суперэклибриса может помочь владельческая запись на этом экземпляре, гласившая «Melle la Comtesse Natalii Zotoff», которая принадлежит графине Наталье Николаевне Зотовой (?–1873, в замужестве княгине Голицыной) — дочери графини Елены Алексеевны Зотовой, урожденной княжны Куракиной (1784–1869), дочери князя Алексея Борисовича Куракина (1759–1829). Таким образом, на основании этой владельческой записи было соблазнительным решить эту загадку та-

⁵⁰ В случае если бы этот герб принадлежал даме, то, сообразуясь с геральдической традицией того времени, на суперэклибрисе был бы изображен так называемый брачный герб, в котором были бы изображены два геральдических щита: один с родовым гербом, а другой — с гербом супруга. Феномен брачного герба еще раз акцентирует внимание на внимательном отношении русского дворянства к своим гербам.

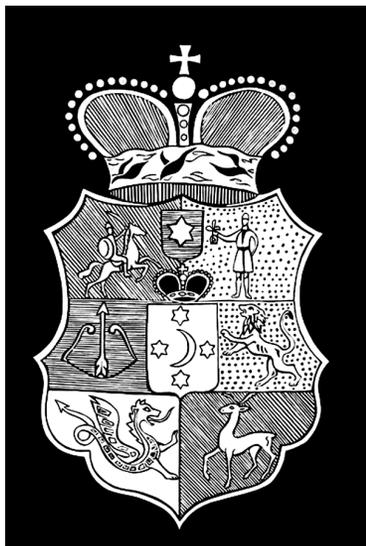
⁵¹ Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795). / Сост. В.П. Степанов. СПб., 2003. С. 778–781.

ким образом, будто вензель РЕК расшифровывается как P[rincesse] E[lene] K[ourakine] и относится ко времени ее девичества, как мы первоначально и решили. Однако совершенно необъяснимыми оказывались воинские трофеи; особенно это обстоятельство было вопиющим в силу того, что отец ее, в отличие от двух дядьёв, не имел никакого отношения к воинской службе.

Невозможность объяснить присутствие на суперэклибрисе воинских трофеев свидетельствовала, как минимум, о спорности такой атрибуции и требовала проведения более серьезного исследования, почему было решено обратиться к основополагающим историко-генеалогическим материалам фамилии князей Куракиных. Основным таким источником является печатный «Архив князя Ф.А. Куракина», издававшийся 1890–1902 годах. Именно опубликованные в этом издании материалы позволили найти ответ, и именно в этом издании оказалось возможным отыскать представителя фамилии князей Куракиных по мужской линии, жившего в указанный период, имя которого начинается на букву Е. Им оказался P[rince] E[tienne] K[ourakine]! Ведь именно так подписаны все письма князя Степана Борисовича Куракина, написанные им по-французски и перепечатанные в «Архиве князя Ф.А. Куракина». Такое прочтение имени сразу разрешает казалось бы неразрешимую задачу и делает возможной расшифровку вензеля РЕК.

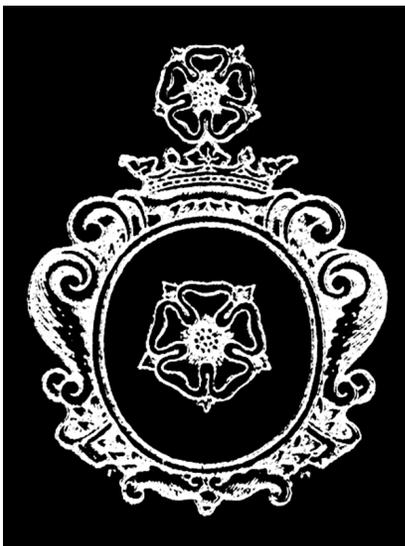
То есть при атрибуции русского геральдического суперэклибриса к нему предъявлялись и требования именно как к русскому, и мы заведомо не учитывали веяний и тенденций, попеременно отражавшихся на русской самобытности в XVIII–XIX веках: шведское, немецкое, итальянское, французское, английское влияние, испытываемое в различные отрезки времени, несомненно, должно было оставить отпечаток и в геральдике, и в книжном собирательстве. И именно пренебрежение в процессе исследования палеографическими знаниями и, в данном конкретном случае, игнорирование галломанских настроений в русском обществе второй половины XVIII столетия, привело к тому, что рассматривалось только русское написание имени владельца геральдического суперэклибриса. Это вполне логично, но, оказалось, что не все русские имена сходно пишутся на языке иностранном, то есть русское имя Степан имеет иное иноязычное звучание и написание⁵². Как вы-

⁵² Такой неожиданный вывод заставил обратиться для дополнительной проверки результатов исследования к подлинным письмам князя Степана Борисовича Куракина к своему брату Александру, сохраняющимся в ОПИ ГИМ (Ф.3): рисунок гербовой печати, которой пользовался князь Степан Борисович при запечатывании сургучом писем, полностью соответствует рисунку исследуемого геральдического суперэклибриса.

49

Суперэклибрис Н.Б. Юсупова

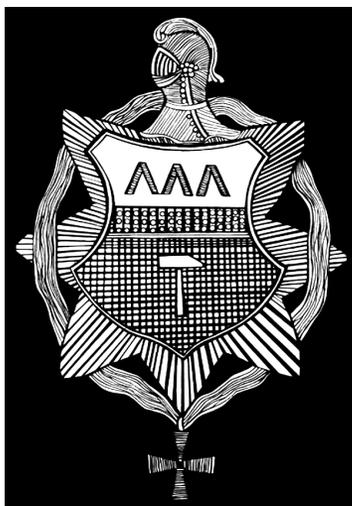
50

Суперэклибрис О.Н. Бернацкой

51

Суперэклибрис А.Д. Блудовой

52

Суперэклибрис П.Г. Демидова

яснилось из того же печатного «Архива князя Ф.А. Куракина», это правило касается и обратной транскрипции: например, знаменитый итальянский живописец XVIII века Стафано Торелли свои французские письма подписывал Etienne Torelli (такое изменение графики фиксирует и само изменение звуковой формы заимствованного имени в различных языках, в настоящем случае — изначально греческого происхождения имя Стефан (*лат.* Stephanus), переходит в Этьенн во французском, поскольку начальное *st* развивало перед собой гласную *e*, а *s* исчезало после *e* перед *t*; подобные латинско-французские переходы часты, напр. *spereare* — *espoir*, *stella* — *etoile* и мн. др.).

И, конечно, именно князю Степану Борисовичу соответствуют и воинские трофеи: он с детства имел тягу к воинской службе, в службу принят 27 декабря 1764 мичманом, в 1769 году отправлен в Швецию для обучения разным наукам, в 1770 году вступил волонтером в армию своего двоюродного деда графа П.И. Панина, участвовал в сражении при Бендерах; 9 декабря 1770 года переведен в армейские полки капитаном; в 1771 году находился в войсках князя Н.В. Репнина — другого двоюродного деда, — действовавших против турок; В 1772–1773 годах сражался в Польше против конфедератов; 6 июня 1773 года взят А.И. Бибиковым в генерал-адъютанты; 23 июля 1773 года пожалован премьер-майором Кирасирского полка наследника Павла Петровича; принимал участие в освобождении Оренбурга от Пугачева; 9 июня 1777 года пожалован подполковником и состоял в Полевом наследника Павла Петровича гусарском полку сверх комплекта, откуда перешел в Кирасирский, а затем в Легкоконный Ахтырский полк; был ранен под Очаковым; 21 апреля 1784 года пожалован полковником, 21 апреля 1789 — бригадиром. И только при Павле I, уже не имея здоровья для воинской службы, определен в гражданскую службу с производством в тайные советники, а при Александре I вышел в отставку.

Суперэклибрисы герцога Фердинанда Пармского

В данном случае нам хотелось бы наглядно продемонстрировать эффективность применения нумизматического исследования для атрибуции суперэклибрисов. Также на этом примере можно увидеть, что выработанная методика применима и для атрибуции знаков западноевропейских владельцев.

В процессе выявления книг с суперэклибрисами, в НИОРК ВГБИЛ обнаружилась целая рассеянная по библиотечному фонду

группа западноевропейских изданий, на переплеты которых нанесены легко выделяемые из общего корпуса геральдические суперэклибрисы двух типов, схожие между собой по изображенному на них гербу (илл. 69–70, с. 225). Стоит отметить, что все такие суперэклибрисы, выявленные в фонде, нанесены на переплеты книг, вышедших из под станов знаменитого итальянского типографа Джамбаттисты Бодони (1740–1713) и образуют собой при рассмотрении вместе серьезную коллекцию произведений этого выдающегося европейского печатника. Все книги данной подборки попали в собрание ВГБИЛ из Западной Европы после Великой Отечественной войны в качестве трофеев. Все они в лучших для того времени переплетах — либо из цветного сафьяна, либо из высококачественных телячьих кож с декоративным травлением; экземпляры, облаченные в сафьян, имеют подбитые розовой тафтой форзацы.

Поскольку книги, издававшиеся Д. Бодони в придворной типографии в итальянской Парме, уже давно признаны в Европе памятниками типографского искусства и сопоставимы по занимаемому ими месту в европейской культуре с изданиями Ибарры в Испании, Баскервилля в Англии и Дидо-Старшего во Франции, то и установление имени владельца этого собрания типографических шедевров представляло дополнительный историко-культурный интерес.

Шаг 1: атрибуция герба геральдических суперэклибрисов

Герб в суперэклибрисах покрыт королевской короной, что свидетельствует о принадлежности владельца геральдического суперэклибриса к европейским монархам. Как мы и говорили ранее, суперэклибрисы монархов могут быть атрибутированы не традиционным для геральдиста путем, а иначе, с привлечением еще одной вспомогательной исторической дисциплины — нумизматики. Именно поэтому мы сознательно не сделаем первого шага, что в условиях ограниченности доступа российских исследователей к европейским гербовникам, многие из которых отсутствуют в отечественных библиотеках, кажется вполне оправданным.

Шаг 2: выявление круга возможных владельцев геральдических суперэклибрисов

Все издания, на переплеты которых нанесены исследуемые геральдические суперэклибрисы, датируются 1780–1790-ми годами; переплеты эти по своим технологическим и декоративно-ху-

дожественным особенностям аутентичны времени издания книг. Первый геральдический суперэклибрис⁵³, который вытиснен на изданиях форматом в восьмую долю листа, в художественном плане решен более архаично; второй вариант⁵⁴ более строг, и им отмечены издания форматом в четвертую долю листа и более. Гербы на этих суперэклибрисах очень сложные, многофигурные, с наложением по кругу геральдического щита нескольких рядов орденских цепей.

Геральдический щит на суперэклибрисе овальной формы, состоит из девяти частей и имеет в центре круглый щиток с тремя лилиями, что говорит о принадлежности гербовладельца к династии Бурбонов. Во второй половине XVIII века подобные гербы можно встретить только у Бурбонов Испанской, Пармской и Неаполитанской ветвей. Вокруг геральдического щита по кругу положены три ряда орденских цепей. В результате проведенного фалеристического исследования они были атрибутированы.

Первой вокруг геральдического щита положена цепь испанского ордена Карлоса III, состоящая поочередно из вензеля Карлоса III, башни, панциря с трофеями и львов; далее следует цепь высшего французского ордена — ордена Святого Духа, состоящая из чередующихся коронованных латинских литер H и лилий; а затем следует цепь высшего испанского ордена — Золотого Руна, которая состоит из чередующихся изображений огнива и пламенеющих кремней. Лишь на цепи ордена Золотого Руна мы можем видеть внизу знак ордена — собственно Золотое Руно, на цепях остальных двух орденов знаки трудноразличимы.

В кавалерской геральдике традиционно сложилось, что чем выше достоинство ордена для награжденного, тем дальше от гербового щита расположена его цепь (и, соответственно, изображается она таким образом большей по размеру, нежели остальные). Поскольку здесь орден Золотого Руна (высший испанский орден) расположен на преимущественном месте, нежели орден Святого Духа (высший французский орден), то, несомненно, гербовладелец имеет большее отношение к Испании. Такое положение дел подтверждается наличием на геральдическом суперэклибрисе второго по значимости испанского ордена — ордена короля Карлоса III. Из этого исследователь может сделать вывод, что владелец

⁵³ *Caesar, G.J. La Guerre de Jules Cesar dans les Gaules. T. 2. A Parme: De l'Imprimerie Royale [Bodoni], 1786. In-8°. (Шифр 3045275, инв. № 1701969); и др.*

⁵⁴ *Affo P.I. Storia della citta di Parma. T. 2. Parma, 1793. Grand in-4°. (Без шифра, инв. № 550965); и др.*

суперэклибриса мужчина, происходит из рода Бурбонов и имеет отношение к Испании.

В большинстве случаев доступ к спискам кавалеров иностранных орденов серьезно затруднен (их попросту почти нет в российских библиотеках), а потому для установления владельца этих геральдических суперэклибрисов целесообразно воспользоваться иным способом.

Шаг 3: установление непосредственного владельца суперэклибрисов

Как мы говорили ранее, для атрибуции суперэклибрисов европейских монархов (императоров, королей, курфюрстов, герцогов и т.д.), особенно германских и итальянских владетелей (в силу большого числа государств на этих территориях, и, соответственно, многочисленности их монархов), наиболее эффективным способом является применение нумизматического исследования. О принадлежности владельца суперэклибриса к категории владетельных особ говорит как королевская корона, венчающая герб, так и наличие в суперэклибрисе сразу нескольких высших европейских орденов. Именно в этом случае, когда очевиден столь высокий ранг владельца, имеет смысл не тратить время на исследование самого герба, а привлечь нумизматику для скорейшего установления личности его владельца. Для этого необходимо воспользоваться одним из иллюстрированных нумизматических каталогов-ценников европейских монет издания Краузе, которые издаются огромными тиражами, хорошо иллюстрированы и имеются почти во всех библиотеках и, соответственно, доступнее любого печатного гербовника. Поскольку установленная при исследовании хронологическая характеристика геральдических суперэклибрисов относится к последней четверти XVIII века, то надлежит использовать каталог Краузе, описывающий европейские монеты XVIII столетия⁵⁵.

В этом каталоге без особых затруднений был найден герб, идентичный искомому; он находится в разделе описаний монет государств современной Италии. В каталоге имеются воспроизведения таких монет, герб на которых в точности, включая орденские цепи, повторяет герб суперэклибрисов: это дукаты 1784 и 1786 годов, чехин 1784 года, доппия 1784 года, 4 доппии 1784 и 1787 годов...⁵⁶

⁵⁵ Krause Ch. L., Mishler C. Standard catalog of world coins eighteenth century 1701–1800. Iola, 1993.

⁵⁶ Ibid. P. 847–848.

Все эти монеты относятся к герцогству Парма, где правителем был герцог Фердинанд Пармский, относящийся к Пармской ветви династии Бурбонов. Поскольку герцог Фердинанд Пармский был внуком испанского короля Филиппа V (представителя испанской ветви династии Бурбонов) и сыном принца Филиппа Испанского (основателя Пармской ветви династии Бурбонов), то он также принадлежал к испанской королевской фамилии и являлся принцем крови, то есть инфантом. Об этом говорит и надпись на аверсе этих монет: «Ferdinandus I Hispan[ia]rum infans» (Фердинанд I инфант испанский. — *лат.*). Кроме того, в процессе нумизматического исследования такой же в точности герб был выявлен на монете другого герцогства — Пьяченцы (на изображении монеты в 10 сольдо 1791 года⁵⁷), сопровождаемый такой же латинской надписью. Такое совпадение легко объяснимо: Фердинанд I был одновременно герцогом Пармы и Пьяченцы⁵⁸.

Ветвь Пармских Бурбонов существует с 1731 года. Посредством второго брака внука французского короля Людовика XIV, испанского короля Филиппа V (1683–1746), с дочерью герцога Пармы и Пьяченцы Одоардо II — Елизаветой Фарнезе (1692–1766), испанские Бурбоны приобрели права на пармский престол. Когда в 1731 году династия Фарнезе в мужском колене пресеклась, герцогом Пармы и Пьяченцы стал их сын дон Карлос (будущий испанский король Карлос III, из династии Бурбонов). По прелиминарному миру 1735 года он уступил герцогство Габсбургам (Францу Лотарингскому — зятю императора Священной Римской империи Карла VI) в обмен на королевства Неаполь и Сицилию, что было подтверждено Венским мирным договором 1738 года. Аахенским миром 1748 года, завершающим войну за Австрийское наследство 1740–1748, герцогства Парма и Пьяченца, с добавлением княжества Гвасталла, были возвращены испанским Бурбонам. Герцогом тогда стал младший брат Карлоса III — Филипп Пармский (1720–1765); именно Филипп Пармский является официальным основателем Пармских Бурбонов. Следующим герцогом Пармским был его сын — Фердинанд (1751–1802). В 1801 году, по франко-испанскому договору, сын и наследник Фердинанда Людовик (1773–1803) занял престол королевства Этрурии, созданного Наполеоном I из Великого герцогства Тосканского. После смерти Фердинанда Пармского

⁵⁷ Ibid. P. 848.

⁵⁸ Герцогства Парма и Пьяченца почти всегда рассматривались совместно: Папа Павел III выделил их в 1545 году из Папской области для своего сына Пьетро Луиджи Фарнезе, после чего почти двести лет фамилия Фарнезе владела этими герцогствами, а в 1731 году оба герцогства перешли к испанским Бурбонам.

53

Суперэклибрис
М.А. Оболенского

54

Суперэклибрис
В.Я. Чемберса

55

Суперэклибрис А.Р. Баташева

56

Суперэклибрис Н.И. Болховского

Наполеон I забрал у Бурбонов Парму, Пьяченцу и Гвасталлу. Престол Этрурии со смертью Людовика в 1803 унаследовал его малолетний сын Карл (1799–1883) при регентстве своей матери Марии Луизы Испанской (1782–1824). В 1807 году Наполеон ликвидировал Этрасское королевство, а Карл был лишен короны. В 1815 году, по решению Венского конгресса, Парма и Пьяченца были отданы в пожизненное владение бывшей французской императрице Марии Луизе Австрийской.

В связи с владельцем этого геральдического суперэкслибриса — герцогом Фердинандом Пармским (1751–1802) — стоит отметить, что именно ему был обязан своей славой выдающийся печатник Джамбаттиста Бодони, который «обрел свое жизненное призвание, когда в 1767 году Фердинанд, герцог Пармский, пригласил его в свои „Новые Афины“, с тем чтобы он основал и возглавил здесь книгопечатню, которая должна была по примеру Парижской *Imprimerie Royale* стать арсеналом прекрасных и редких шрифтов»⁵⁹. Именно на книгах этой знаменитой типографии вытиснены исследуемые геральдические суперэкслибрисы.

Таким образом, без проведения собственно геральдического исследования, а лишь с помощью фалеристики и нумизматики мы установили несомненного владельца суперэкслибрисов — герцога Фердинанда Пармского.

Как можно было видеть на примере пяти групп геральдических суперэкслибрисов, разработанный метод атрибуции доступен и эффективен. Кроме того, он с успехом может быть использован не только для атрибуции суперэкслибрисов, но и для исследования других геральдических источников.

⁵⁹ Книгопечатание как искусство... С. 329–330.

ГЛАВА VI

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ СУПЕРЭКСЛИБРИС КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Характеристику суперэклибриса мы представим в нескольких аспектах; все они призваны показать, что суперэклибрис представляет собой важнейший исторический источник.

Геральдический суперэклибрис как источник по истории русской культуры и просвещения

В результате нашей работы были выявлены и атрибутированы более ста русских геральдических суперэклибрисов, что в несколько раз превышает их количество, известное до начала работы.

В собрании РГБ были обнаружены суперэклибрисы графа Н.И. Панина¹, П.Г. Демидова² и И.И. Шувалова³. В собрании РНБ — графа П.Б. Шереметева (варианты I⁴ и III⁵), барона А.С. Строганова⁶, графа Л.К. Разумовского (вариант II)⁷ и графа Д.П. Бутурлина (вариант I)⁸. В коллекции ГПИБ — герцога Э.И. Бирона⁹, графа А.Г. Головкина (варианты I¹⁰ и III¹¹), графа Д.П. Бутурлина (вари-

¹ *Херасков М.М.* Россияда поэма эпическая. М., 1779. (МК РГБ, шифр У-40/79-Х).

² *Horatius.* Opera. V. 1. Londini, 1733. 8-о. (МК РГБ, № IX-6971).

³ *Hoey A. van.* Lettres et negociations. Londres, 1743. Pet. 8-о. (МК РГБ, инв. IX-6695).

⁴ *Chaufepie J.G. de.* Nouveau dictionnaire historique et critique... Т. 1. Amsterdam, Haye, 1750. In-folio. (РНБ, шифр 12.50.1.3.).

⁵ *Du Fresnoy C.A.* L'art de peinture. Paris, 1684. 12-о. (ОРК РНБ, инв. М-1896).

⁶ *Hore beate Marie Virginis...* Paris, 1526. 12-о. (ОРК РНБ, инв. М-1607).

⁷ *Virgile.* Les Bucoliques, traduites en vers francais par J. Delille. Paris, 1806. Gr. in-4-о. (РНБ, шифр 7.25.1.1.).

⁸ РНБ (шифр 12.2.9.23.).

⁹ Книга устав воинский о должности генералов, фельт маршалов, и всего генералитета, и прочих чинов... СПб., 1737. 8-о. (ОИК ГПИБ, № 6659.).

¹⁰ *Goulart S.* Les memoires de la Ligne. Т. 4. S. I. 1595. 8-о. (ОИК ГПИБ, № 5266).

¹¹ *Dionysii Halicarnassei antiquitatum Romanarum.* Lutetiae [Paris], 1546. -Fol. (ОИК ГПИБ, № 33760).

ант II)¹², А.Д. Черткова¹³, Э.К. Гуттен-Чапского (варианты I¹⁴ и II¹⁵) и И.И. Шувалова (вариант II)¹⁶. В собрании ВГБИЛ — суперэклибрисы графини Е.К. Воронцовой¹⁷, барона Н.А. Корфа¹⁸, Ф.П. Балк-Полева¹⁹ и Г.Р. Шидловского²⁰. В собрании ГМП — И.А. Всеволожского²¹, С.И. Глебова²², князя П.С. Долгорукого²³ и И.И. Мелиссино²⁴. В коллекции НБ Эрмитажа были выявлены знаки барона Г.А. Строганова²⁵, И.И. Куриса (вариант IV)²⁶, князя Н.Б. Юсупова²⁷ и А.Г. Головкина (вариант II)²⁸. В других библиотеках Москвы и Петербурга были обнаружены суперэклибрисы графа А.Г. Головкина (вариант IV)²⁹, графа П.Б. Шереметева (вариант IV)³⁰, графа А.С. Уварова³¹, А.М. Ефимовского³², графа П.Б. Шереметева (вариант II)³³, графа Л.К. Разумовского (вариант I)³⁴ и других собирате-

¹² *Крестинин В.* Исторические начатки о двинском народе. Ч. 1. СПб., 1784. 4-о. (ОИК ГПИБ, № 5185).

¹³ *Жуковский В.А.* Стихотворения. Т. 1. СПб., 1835. 8-о. (ОИК ГПИБ, инв. № 67626).

¹⁴ *Вобан.* Истинный способ укрепления городов. СПб., 1724. 12-о. (ОИК ГПИБ, № 18302).

¹⁵ География или краткое земного круга описание. М., 1716. 12-о. (ОИК ГПИБ, № 15360).

¹⁶ *Memoires de M. Pierre de Bourdelle, seigneur de Brantome...* A Londres, 1739. 16-о. (ГПИБ, инв. № 4601).

¹⁷ *Parny.* Oeuvres choisies. Paris, 1826. 8-о. (НИОРК ВГБИЛ, № 66767).

¹⁸ *Gaudet F.-C.* Bibliotheque des petits-maitres. Au Palais-Royal, 1742. 12-о. (НИОРК ВГБИЛ, № 27969).

¹⁹ *Tissot.* Avis au peuple sur la Sante. Т. 2. Lyon, 1764. 12-о. (НИОРК ВГБИЛ, № 1776753).

²⁰ *Лессинг Г.Э.* Клад. М., 1788. 12-о. (НИОРК ВГБИЛ, № 627410).

²¹ Российский Феатр. Ч. 19. СПб., 1788. 8-о. (ОРК ГМП, № 18 446).

²² *Voltaire.* Collection complete des oeuvres. Т. 3. S. 1., 1757. 8-о. (ОРК ГМП, № 68085).

²³ *Cornelle P.* Oeuvres. Т. 1. Paris, 1758. 16-о. (ОРК ГМП, инв. № 68069).

²⁴ *Херасков М.* Россияда. М., 1779. 4-о. (ОРК ГМП, Библиотека И.Н. Розанова, шифр БР-285, № 44302).

²⁵ *Bartoli P.S.* Recueil de peintures antiques trouvees a Rome. Т. 2. Paris, 1783. Gr.-fol. (ОРК ГЭ, инв. № 25881).

²⁶ *Виньола Д.Б.* Правило о пяти чинах архитектуры. М., 1709. (ОРК ГЭ, № 239828).

²⁷ *Beranger P.J.* Chansons. Т. 1. Paris, 1859. 8-о. (ОРК ГЭ, инв. № 107143).

²⁸ *Vade J.J.* Oeuvres poissardes. Paris, 1796. Gr. 4-о. (ОРК ГЭ, инв. № 266235).

²⁹ *Manuale di Epitteto / Volgarizzato da Eritisco Pilenejo.* Parma, 1793. 12-о. (ОРК НБ МГУ, шифр Дмитр. 6314).

³⁰ *Шереметев Б.П.* Записка путешествия... М., 1773. 2-о. (БАН, шифр 1773/100).

³¹ ОПИ ГИМ. Ф 17 (Уваровы). Оп. 1. Д. 74 (переплет).

³² *L'Iliade d'Homere / Traduction nouvelle par Bitaupe.* Т. 2. Paris, 1764. 8-о. (Музей-усадьба «Архангельское», ОРК, инв. № 8546).

³³ *Les argemens de la campagne, ou remarques particulieres...* Leyde, Amsterdam, 1750. 4-о. (Музей-усадьба «Архангельское», ОРК, инв. № 14 738).

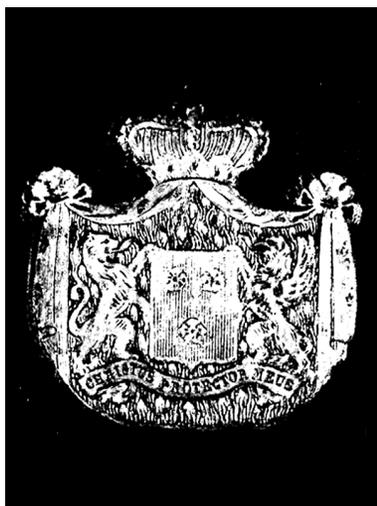
³⁴ *Buffon G.-L.* Histoire naturelle. Т. 2. Paris, 1799. 12-о. (ИРЛИ РАН, Б-ка А.С. Пушкина, VIII-7/17).

57
Суперэкслибрис
И.И. Траутсона

58
Суперэкслибрис императора
Франца-Иосифа I

59
Суперэкслибрис Л.-П. Аренберга

60
Суперэкслибрис Дж. Ротшильда

лей. Из русских геральдических суперэклибрисов, разысканных в провинциальных книгохранилищах, особенно необходимо отметить суперэклибрисы князя М.М. Голицына³⁵, графа В.Н. Панина³⁶, графов Мусиных-Пушкиных³⁷ и графа А.П. Бестужева-Рюмина³⁸. В коллекциях обычных экслибрисов, в виде срезов кожи со старинных переплетов, были обнаружены геральдические суперэклибрисы И.И. Поливанова³⁹ и графа С.Д. Шереметева⁴⁰. Результативным оказался поиск русских геральдических суперэклибрисов в частных собраниях — в них были обнаружены суперэклибрисы графа Д.Н. Мавроса, И.И. Куриса (варианты I, II, III), Г.П. Алексеева (варианты I и II), графини А.Д. Блудовой, В.П. Головина, князя В.П. Кочубея, князя С.В. Кудашева, графа П.К. Разумовского, графа П.Г. Чернышева, графа А.Д. Шереметева, Н.К. Шильдера. В собрании Я. Бердичевского в Берлине был обнаружен суперэклибрис графа П.Г. Чернышева, а в магазине антикварной книги *Antiquariaat Papurus* в Вoorбургe (Нидерланды) — геральдический суперэклибрис барона С.Г. Строганова — ранее неизвестный русский знак 1-й половины XVIII века.

Особенно важно отметить тот факт, что выявление геральдических суперэклибрисов в частных собраниях, привлеченное изначально лишь в качестве дополнительного источника с целью большей репрезентативности поиска, неожиданно принесло внушительные результаты. Оказалось, что семнадцать русских геральдических суперэклибрисов из частных собраний вовсе не встретились в процессе исследования в государственных книгохранилищах. Это заставляет не только более внимательно относиться к вопросу привлечения частных коллекций к обширным исследованиям в области истории культуры, но считать такое условие неотъемлемым для достижения репрезентативности научного поиска.

Итак, если до 1991 года было опубликовано 26 русских геральдических суперэклибрисов, причём 9 из них или были атри-

³⁵ *Harms A.F. Tables historiques et chronologiques des plus fameux peintres anciens et modernes. A Bronsvic, 1742. In-fol, (ОРК НБ Тверского Гос. университета, № 102962).*

³⁶ Русский Архив. М., 1866. [Годовой комплект]. (Тверская Областная Универсальная библиотека, инв. № 78069).

³⁷ *Козлов И.И. Собрание стихотворений. Ч. I. СПб., 1833. 8-о. (НБ Петрозаводского Университета, инв. № 32807).*

³⁸ *Die europaische Fama. 49 Theil. Leipzig, 1706. 8-о (Тульская областная универсальная библиотека. Инв и-37256).*

³⁹ ОИК ГПИБ, колл. А.П. Бахрушина.

⁴⁰ Там же.

бутированы неверно, или публиковались в качестве анонимных (то есть корпус опубликованных и правильно атрибутированных русских геральдических суперэклибрисов насчитывал всего 17 знаков), то в результате проведенного исследования было выявлено и атрибутировано более ста русских геральдических суперэклибрисов⁴¹. Также важно отметить, что имена почти 15% всех владельцев русских геральдических суперэклибрисов, установленных в процессе исследования, ранее вообще не связывались с книжным собирательством и не упоминались в обширной литературе вопроса.

Анализируя же полученные результаты, сразу можно отметить важную особенность геральдического суперэклибриса — фамильную преемственность, поскольку использование геральдических суперэклибрисов членами одной семьи является выраженной тенденцией. Это либо отец и сын, либо братья, либо близкие члены одного рода — Сумароковы, графы и бароны Строгановы, графы и князья Воронцовы, графы Панины, графы Чернышевы, графы Разумовские. Такая характерная особенность, по-видимому, отчасти отражает и специфику распространения геральдических суперэклибрисов, некий клановый и подражательный характер.

Несмотря на глубокую избранность геральдического суперэклибриса как явления, наличие столь внушительного корпуса однотипных исторических источников позволяет исследовать не только их хронологические, количественные или иные характеристики, но и проследить специфические особенности развития геральдического суперэклибриса в России.

Хронологическая характеристика русского геральдического суперэклибриса

Как показало исследование русских геральдических суперэклибрисов, все они укладываются в ранее известные рамки — 1710–1910-е годы.

Однако, столь значительное увеличение корпуса русских геральдических суперэклибрисов позволяет иначе взглянуть на тенденции распространения геральдических суперэклибрисов в России. Самый первый геральдический суперэклибрис, который употреблялся русским персонажем для книг своей личной библио-

⁴¹ Дружинин П.А. Русский геральдический суперэклибрис. М.: Древлехранилище, 2000. 227 с.; Дружинин П.А. «Русский геральдический суперэклибрис»: Дополнения и уточнения к книге // Библиофилы России: Альманах. Т. III. М., 2006. С. 353–373.

теки, был суперэклибрис князя Г.Ф. Долгорукого (1657–1723), который датируется серединой 1710-х годов; он был опубликован Б.М. Чистяковым еще в 1929 году⁴² и до последнего времени представлялся лишь первенцем, случайно опередившим массовое распространение геральдического суперэклибриса в России, начавшееся уже с 1740-х годов. Обнаружение в собрании Тульской областной универсальной библиотеки книги с геральдическим суперэклибрисом канцлера А.П. Бестужева-Рюмина (1693–1768), который датируется началом 1730-х годов, позволяет воспринимать геральдический суперэклибрис как более массовое явление, хотя и распространенное первоначально в среде вельмож. Подтверждают такое положение и сведения об изготовлении штампов геральдических суперэклибрисов в Пунсонной палате Петербургской Академии наук в 1730-е годы.

Также в ходе анализа хронологических характеристик оказалось возможным подвергнуть корректировке устоявшееся мнение о том, что геральдический суперэклибрис был распространен в России только во второй половине XVIII столетия: из 107 русских геральдических суперэклибрисов только 50 суперэклибрисов (то есть менее половины, а точнее 46,7%) датируются XVIII веком, тогда как 57 суперэклибрисов хронологически приходятся на XIX — начало XX века.

Распространение геральдического суперэклибриса в России в XIX веке дает повод для новых и весьма неожиданных выводов: оказывается, что из общего числа суперэклибрисов (52) лишь 23 геральдических суперэклибриса относятся к первой половине XIX века, тогда как большее число — 29 геральдических суперэклибрисов — ко второй половине XIX века.

Такое соотношение характеризует читательские вкусы и динамику развития книжного собирательства в России в XIX веке. Если в царствование императора Александра I мода на геральдические суперэклибрисы в среде высшей знати еще удерживается, то с конца 1820-х годов она начинает угасать вместе с модой на большие дворянские библиотеки, поскольку книга — как основной предмет и важнейший символ эпохи Просвещения — уходит вместе с этой эпохой и постепенно переходит в разряд обыденной, повседневной детали дворянского быта.

Но во второй половине XIX столетия появляются совершенно иные владельцы геральдических суперэклибрисов — это не просто сановники, побуждаемые дворянской гордостью, а уже пред-

⁴² Чистяков Б.М. Супер-эклибрис... С. 144.

ставители библиофильства в современном, чисто европейском прочтении этого слова. Именно изменением круга книжного собирательства — когда оно перешло в качестве увлечения от обеспеченной части русского общества к интеллектуальной — объясняется и эволюция геральдического суперэклибриса. То есть геральдический суперэклибрис второй половины XIX века — это уже не дань моде, а обозначение библиофильских интересов и устремлений владельцев. Именно такое перерождение геральдического суперэклибриса предотвратило его исчезновение, тогда как другие подобные явления, свидетельствующие о глубокой избранности их владельцев — например гербовые жетоны для карточных игр — в середине XIX века практически исчезают.

То есть из веяния общеевропейской моды, которым геральдический суперэклибрис проник в Россию в 1710-х годах, к концу XIX века он перерождается в иное, интеллектуальное, кредо владельцев; именно этим объясняется тот факт, что суперэклибрисы последней четверти XIX века демонстрируют преимущественно элиту российского интеллектуального, можно даже сказать, научного, библиофильства. Наиболее характерные представители его — коллекционер и библиофил Иван Ираклиевич Курис (1840–1898), библиофил граф Дмитрий Николаевич Маврос (1820–1896), нумизмат Эмерик Карлович Гуттен-Чапский (1828–1896), историки Александр Алексеевич Васильчиков (1832–1890) и граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918).

К началу XX века геральдический суперэклибрис окончательно приобретает характер библиофильского изыска и становится принадлежностью единичных собирателей: численность суперэклибрисов этого времени крайне мала — нами зафиксировано только пять суперэклибрисов начала XX века. Лишь в меньшей степени это принадлежность обеспеченных библиофилов «европейского типа», таких как обер-гофмейстер двора и известный нумизмат Георгий Петрович Алексеев (1836–1914), продолжающий европейские традиции библиофильства и завершающий перечисленную выше плеяду собирателей, умерших к концу XIX столетия. А в большей степени — это библиофилы нового, нарождающегося поколения, чей интерес к книжному собирательству и геральдическому суперэклибрису идет от интереса к прошлому, захватившего многих в России между двумя войнами начала XX века. Причем последние владельцы геральдических суперэклибрисов сами были непосредственно связаны с геральдикой и даже оказали влияние на становление геральдики в России как научной дисциплины — это историк Сергей Николаевич Тройницкий (1882–1948), художник

Владимир Яковлевич Чемберс (1878–1934), генеалог Ольга-Николаевна Значко-Яворская (1872–?).

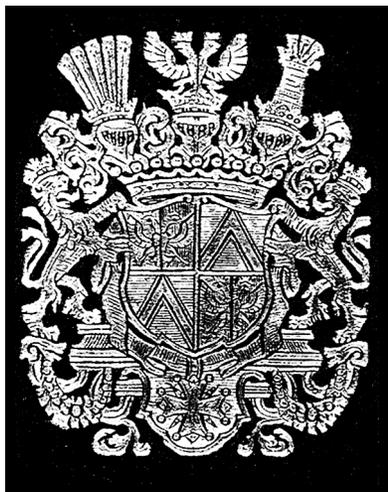
Эволюция геральдического суперэклибриса в России, которую оказалось возможным проследить на двухвековом пути, уникальна: сначала это веяние европейской моды и принадлежность элиты общества, затем символ и достояние дворянского сословия, после этого — знак принадлежности к библиофильству и коллекционированию, и, наконец, символ исследователя геральдики. Такой путь, как можно предположить, неминуемо должен был привести к серьезному исследованию феномена русского геральдического суперэклибриса, но события 1917 года надолго отодвинули научные исследования в области истории дворянства вообще и дворянской геральдики в частности.

Языковая характеристика книг с русскими геральдическими суперэклибрисами

В процессе исследования особенное внимание было уделено и анализу языка, на котором напечатаны книги, несущие не своих переплетах русские геральдические суперэклибрисы. Во-первых то обстоятельство, что зачастую русские геральдические суперэклибрисы обнаруживаются на европейских изданиях, повлияли на эвристику книг с суперэклибрисами; во-вторых, представляется важным охарактеризовать языковую принадлежность книг, на которых были обнаружены именно русские суперэклибрисы, поскольку подобный анализ актуален для характеристики русских читательских интересов периода существования геральдического суперэклибриса в России, да и феномена чтения вообще.

Собранные в процессе исследования статистические сведения позволяют не только охарактеризовать соотношение русских и иностранных книг, но и проследить динамику такого соотношения, поскольку она не всегда на протяжении двухвековой истории русского геральдического суперэклибриса была константной⁴³.

⁴³ Приведенные данные хотя и могут допускать так называемую случайную ошибку репрезентативности, однако они, несомненно, верно отражают тенденции в динамике репертуара иностранной и русской книги в России; естественно, речь идет о специфическом сегменте читательской аудитории. Уточним, что в том случае, если в процессе исследования было выявлено несколько книг с идентичным русским геральдическим суперэклибрисом, то в статистику вносился языковой показатель, сделанный на соотношении русских и иностранных книг, и основной показатель брался исходя из преимущества тех или других. Однако таких случаев немного, поскольку большинство геральдических суперэклибрисов наличествуют либо только на русских, либо только на иностранных книгах.

61
Суперэклибрис Г. Брюля

62
Суперэклибрис Г. Бюнау

63
Суперэклибрис брауншвейгского герцога Вильгельма

64
Суперэклибрис саксонского курфюрста Иоганна-Георга III

Если рассмотреть языковое соотношение за весь двухвековой период (1710–1910-е годы), то доля русскоязычных изданий составляет 36,4%, а книг на иностранных языках — 63,6%. Это вполне отвечает характеристике избранности геральдического суперэклибриса как явления. Однако, особенно любопытной в данном случае оказывается динамика соотношения русских и иностранных книг с русскими геральдическими суперэклибрисами.

Наибольшее превосходство иностранных книг отмечено в XVIII веке — их процентное соотношение составляет 72% иностранных против 28% русских книг. Однако читательские интересы и пристрастия постепенно изменяются, по крайней мере, анализ книг с русскими геральдическими суперэклибрисами первой половины XIX столетия демонстрирует уже иное соотношение — 65,2% иностранных книг против 34,8% русских.

Тенденция к нивелированию превосходства численности иностранных книг над русскими продолжается и во второй половине XIX века: численность книг с русскими геральдическими суперэклибрисами этого периода составляет 48,3% на русском языке против 51,7% на иностранных языках. Наконец, в начале XX века происходит перелом в интересах этой глубоко специфичной группы читательской аудитории: процентное соотношение меняется в пользу русских книг — их 60% против 40% иностранных. Эта статистика перекликается и с предыдущими выводами о распространении геральдического суперэклибриса в России и о специфике их владельцев и может служить базой для более общих выводов о динамике читательских вкусов.

Таким образом, характеристика распространения суперэклибриса позволяет вскрыть целый пласт сведений для интеллектуальной истории: это и информация для изучения феномена чтения как культурной среды русского общества, и характеристика языковых предпочтений русского читателя, и ее динамика на протяжении двух столетий; это и новые персоналии, которые никогда не воспринимались в связи с книжным собирательством.

Геральдический суперэклибрис как источник для установления происхождения и судьбы книжных памятников

В 1929 году историк-геральдист В.К. Лукомский писал: «Книжные знаки (exlibris и super-exlibris), вообще, являются исключительно ценными путеводителями во всякого рода исследованиях для установления происхождения и судьбы библиотек, а потому

и следует настоятельно рекомендовать особо осторожное обращение с ними и сохранение их на книгах, имея в виду не только показательное, научное значение их, но и материальное, очень часто поднимающее ценность книги при наличии непосредственного указания на ее „provenance“»⁴⁴.

Поскольку эта рекомендация относится к обычным печатным эклибрисам, то геральдический суперэклибрис всегда воспринимался как незыблемый знак книговладения. И хотя в последнее десятилетие делаются попытки фальсифицировать и геральдический суперэклибрис, к большинству книжных памятников (прежде всего, к тем, которые уже давно сохраняются в государственных собраниях) подобные опасения не относятся.

Геральдический суперэклибрис традиционно принадлежит тому владельцу, который заказал книжный переплет (в большинстве случаев — это первый владелец книги или рукописи), а потому он является тем источником, исследовав который, возможно не только проследить происхождение или бытование книжного или рукописного памятника, но и решить более сложные источниковедческие задачи.

Поскольку наибольшее внимание в процессе исследования геральдических суперэклибрисов мы уделяли русским знакам, то отметим ряд случаев, которые являются весьма показательными и демонстрируют источниковедческую ценность геральдических суперэклибрисов.

Геральдические суперэклибрисы «сгоревших» библиотек

Благодаря суперэклибрису оказалось возможным совершенно иначе взглянуть на судьбу русских библиотек, которые, казалось, были уничтожены московским пожаром 1812 года.

Утрата ценнейших памятников письменности, начиная с Александрийской библиотеки, всегда была связана с огнем: неисчислимое количество книг и рукописей погибло в пламени. В силу выпавших на долю России войн и катаклизмов, ее культурные сокровища многократно гибли в жерле огня; именно с этим связана и наиболее знаменитая русская утрата — «Слово о полку Игореве».

В корпусе геральдических суперэклибрисов удалось выделить целую группу знаков, которые объединены между собой необычной характеристикой: согласно литературе, книги с этими суперэклибрисами вовсе не должны были существовать — ведь библио-

⁴⁴ Мухин С.А. Судьба одной библиотеки / Предисл. В.К. Лукомского. Л., 1929. С. 11.

теки их владельцев считались полностью погибшими от огня. То есть в процессе исследования выявились книги из нескольких известных библиотек, «обращенных в пепел» московским пожаром 1812 года. Приведем краткий перечень.

Библиотека графа Д.П. Бутурлина

Граф Дмитрий Петрович Бутурлин (1763–1829) был одним из наиболее известных европейских библиофилов конца XVIII — первой трети XIX века. Особенно он прославился после того, как вышли каталоги его собрания — в 1794 году в Петербурге⁴⁵, а затем в 1805 году в Париже⁴⁶; кроме того, в 1805 году в Лейпциге вышло описание первопечатных западноевропейских книг его библиотеки⁴⁷. Издание печатных каталогов библиотеки, численный состав которой доходил до сорока тысяч томов, с одной стороны принесло Д.П. Бутурлину славу, а с другой — стало памятником библиотеке, которой вскоре не стало: в 1812 году вся библиотека была поглощена огнем московского пожара⁴⁸. Однако в процессе выявления и исследования книг с геральдическими суперэклибрисами были найдены книги с суперэклибрисами графа Д.П. Бутурлина, причем даже удалось зафиксировать два варианта его суперэклибриса — один предназначался для книг большего формата (в четвертую долю и более), а другой — для книг в восьмую и двенадцатую доли листа⁴⁹ (илл. 6–7, с. 129). Известно, что Д.П. Бутурлин впоследствии собрал вторую библиотеку, однако тогда книги он снабжал обычным печатным эклибрисом, а геральдический суперэклибрис более не употреблял (по-видимому, оригинальные медные штампы его геральдических суперэклибрисов также погибли при пожаре). Такого обилия книг из «сгоревшей» библиотеки оказывается достаточно, чтобы иначе охарактеризовать судьбу этого знаменитого собрания, часть которого избежала огня (наиболее вероятно, попросту была расхищена) и в настоящее время представлена во многих библиотеках и частных собраниях. Характерно, что ни на одном из виденных в процессе исследования экземпляров с геральдическим суперэклибрисом Д.П. Бутурлина нет ни следов огня, ни затеков от воды.

⁴⁵ Catalogue de la bibliotheque de Mr. le comte D. Boutourlin. P. 1. SPb., 1794.

⁴⁶ Catalogue des livres de la bibliotheque de S. E. M. le Comte de Boutourlin / Revu par MM. A.-A. Barbier...et Ch. Pougens. Paris, An. XIII (1805).

⁴⁷ Monuments typographiques de la bibliotheque du Comte Boutourlin. [Sans titre]. <Leipzig, vers 1805>.

⁴⁸ Берков П.Н. Русские книголюбы. М.-Л., 1967. С. 154.

⁴⁹ Дружинин П.А. Русский геральдический суперэклибрис. М., 2000. С. 33–36.

Библиотека П.Г. Демидова

Библиотека Павла Григорьевича Демидова (1738–1821) была знаменита выдающимся для начала XIX века подбором книг по естественным наукам и систематизирована по изобретенному самим владельцем принципу. Большая часть книг была представлена изданиями на иностранных языках, каталог которых был напечатан в 1806 году⁵⁰. Русских книг насчитывалось сравнительно немного — 529 названий печатных книг и 158 русских рукописей, которые известны по описи, изданной В.М. Ундольским⁵¹. Библиотека П.Г. Демидова, заключавшая в себе много редких и ценных изданий, была завещана в 1803 году императорскому Московскому университету и разделила в 1812 году ее печальную участь.

Но нами были выявлены книги с геральдическими суперэклибрисами П.Г. Демидова, а его суперэклибрисы также обнаружались в частных коллекциях также в виде вырезанных фрагментов кожи с переплетов. На книгах с его суперэклибрисами не зафиксировано ни следов огня, ни следов воды. Количество же выявленных демидовских книг оказалось столь значительным, что зарегистрированы пять вариантов его суперэклибриса. Как и в случае с суперэклибрисами Д.П. Бутурлина, они отличаются размером и были предназначены для книг различного формата. Еще два варианта объясняются тем обстоятельством, что после получения в 1803 году ордена Св. Владимира I степени П.Г. Демидов заказал специальный штамп — «надпечатку», посредством которого на геральдические суперэклибрисы допечатывались фалеристические элементы — лишнее свидетельство трепетного отношения к наградам у русского дворянства. Таким образом, выявление целого корпуса книг с геральдическими суперэклибрисами П.Г. Демидова заставляет усомниться в том, что вся его библиотека погибла от огня.

Библиотека графа Л.К. Разумовского

Знаменитая библиотека графа Льва Кирилловича Разумовского (1757–1818), располагавшаяся в доме графа на Тверской улице (где с 1831 года был Английский клуб) была обращена в пепел вместе с самим домом Л.К. Разумовского⁵². Подмосковную его —

⁵⁰ Fischer F. Catalogue systematique des livres de la bibliotheque de Paul de Demidoff... / Museum — Demidoff. T. I. A Moscou, 1806.

⁵¹ Каталог российским книгам библиотеки Павла Григорьевича Демидова, составленный им самим / Издал В. Ундольский. М., 1846.

⁵² Мартынов И.Ф. Частные библиотеки в России в XVIII в. // Памятники культуры: Новые открытия. 1975. М., 1976. С. 105.

село Петровское-Разумовское, где хранилась часть библиотеки, — постигла та же печальная участь. Граф уехал в Чернигов, «а подмосковная его превратилась в место стоянки разгульной гвардии Наполеона. Что хотели, успели спасти: церковные сокровища были первою заботою, и конечно священника церкви; сокровища же дома, вся библиотека и все украшения оставались в своих местах; спасти их было некому по малолетству и не для чего, по богатству Разумовских. Понятно, что могли взять, французы взяли; чего не могли — уничтожили»⁵³.

Однако при исследовании были выявлены книги с его геральдическими суперэклибрисами, причем было зафиксировано два варианта его геральдического суперэклибриса. Эти результаты также противоречат утверждению о полном уничтожении его библиотеки.

Библиотека графа П.Б. Шереметева

Еще одно книжное собрание, за которым закрепилась легенда сгоревшего, — библиотека графа Петра Борисовича Шереметева (1713–1788), находившаяся к 1812 году в «Наугольном» доме Шереметевых на Воздвиженке⁵⁴. Но в процессе исследования обнаружено три варианта геральдического суперэклибриса, которые он употреблял для личной библиотеки, на книгах в различных собраниях⁵⁵. Стоит указать, что еще в 1880 году мнение об уничтожении его книг было подвергнуто сомнению: «Следуя попадающим там и сям указаниям, библиотека была уничтожена во время большого московского пожара 1812 года, чему трудно верить, так как дом, в котором она помещалась, уцелел во время пожара»⁵⁶. И наличие книг с геральдическими суперэклибрисами графа также опровергает мнение о том, что библиотека его погибла от огня.

Приведенные сведения позволяют иначе взглянуть на историю указанных книжных собраний. Поскольку все перечисленные из них, за исключением университетской, находившейся на содержание казны, принадлежали богатейшим и знаменитым московским жителям и находились в различных частях города (дом Шереметева — на Воздвиженке, дом Разумовского — на Тверской, дом Бу-

⁵³ Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание Петровско-Разумовского. М., 1902. С. 13.

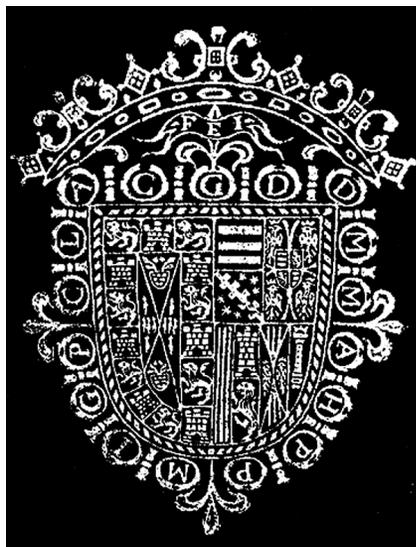
⁵⁴ Шавыркина Н.А. История библиотеки Шереметевых... С. 188.

⁵⁵ Дружинин П.А. Русский геральдический суперэклибрис. М., 2000. С. 167–172.

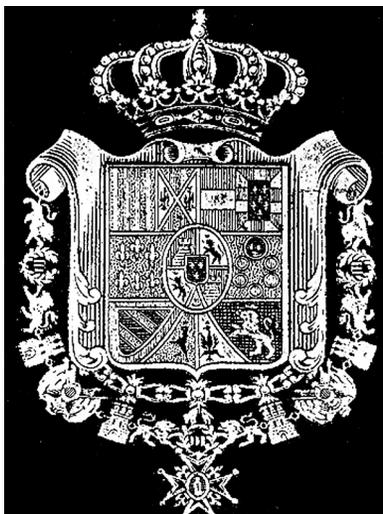
⁵⁶ Эльсгольц Ф.К. Частные библиотеки в России // Российская библиография. СПб., 1880. № 53 (2). С. 2. (Цит. по: Луттов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 231.)

65
Суперэклибрис
брандербургского курфюрста
Иоганна-Зигмунда

66
Суперэклибрис
Ф.-Р. Гузмана

67
Суперэклибрис испанской
королевы Изабеллы II

68
Суперэклибрис испанского
короля Карлоса III

турлина — в Немецкой слободе), то можно сделать однозначное заключение: в большинстве случаев пожару сопутствовал, а чаще его предвещал (о чем свидетельствует нетронутость сохранившихся книг огнем), грабеж имущества. Грабили чаще всего собственные дворовые люди, затем поджигавшие дома; причем книги, сохранившиеся в достаточно малом числе экземпляров, были не главной наживой погромщиков. Однако благодаря грабежу часть этих знаменитых библиотек оказалась таким образом спасена, а впоследствии те книги, которые не пошли на растопку или сигарки, влились в другие книжные собрания.

Причем миф о полном уничтожении некоторых знаменитых библиотек в 1812 году, который удастся развеять исследованием геральдических суперэкслибрисов, характерен и для комментариев к революционным событиям начала XX века. В качестве примера, с которым удалось иметь дело в процессе исследования, стоит привести судьбу библиотеки А.А. Васильчикова.

Александр Алексеевич Васильчиков (1832–1890) — гофмейстер двора и директор императорского Эрмитажа — оставил после себя богатую библиотеку, которую унаследовал его сын Павел Александрович. Она бережно сохранялась в родовом имении Васильчиковых Покровское-Березовка Петровского уезда Саратовской губернии. События 1917 года роковым образом отразились на судьбе библиотеки: по утверждению С.Р. Минцлова, «во время революции владелец уложил всю библиотеку в ящики и предложил Саратовскому университету принять ее в дар, но от университета прислано никого не было и библиотека была сожжена крестьянами вместе с домом»⁵⁷.

Однако при выявлении книг с геральдическими суперэкслибрисами именно в Научной библиотеке Саратовского университета обнаружился целый комплекс книг с суперэкслибрисами двух типов (малого размера — для книг обычного формата, и большего размера — для фолиантов), которые были нами атрибутированы как суперэкслибрисы А.А. Васильчикова. Книги эти, действительно, не поступили в Саратовский университет, но были спасены — их удалось перевезти в Петровскую уездную библиотеку-читальню, откуда они в начале 1930-х годов и поступили в Научную библиотеку Саратовского университета.

На примере этих пяти библиотек, книги которых имели суперэкслибрисы, легко демонстрируются возможности геральдическо-

⁵⁷ Минцлов С.Р. Синодик // Временник Общества любителей русской книги. Вып. I. Париж, 1925. С. 44.

го суперэклибриса как важнейшего исторического источника, использование которого позволяет делать совершенно неожиданные выводы, причем не только открывать единичные неизвестные факты, но и пересматривать положения, казавшиеся каноническими.

Суперэклибрис «Воронцовского сборника» писем Вольтера

В 1937 году в первом томе монументального издания «Русская культура и Франция» появилась основополагающая для изучения рукописного наследия Вольтера в СССР статья известного историка В.С. Люблинского «Собрание писем Вольтера из архива Воронцовых»⁵⁸, посвященная знаменитому «Воронцовскому сборнику» писем Вольтера.

Этот сборник, сохраняющийся по сей день в СПб ИРИ РАН в составе рукописного фонда Воронцовых, содержит 178 собственно-ручных писем Вольтера 1734–1751 годов к другу Шарлю-Огюстену де Ферриолу, графу д'Аржанталю (1700–1778), и его близким. В начале XIX века эти письма, прежде хранившиеся в связке, были переплетены в качественный кожаный переплет, на крышке которого был вытиснен геральдический суперэклибрис — герб графов Воронцовых. Ценность столь крупного эпистолярного комплекса очевидна как для изучения жизни и творчества Вольтера, так и в качестве жемчужины русской вольтерианы. В силу исторической значимости «Воронцовского сборника» важным оказался вопрос о том, каким образом этот эпистолярный комплекс оказался в России.

Историки В.С. Люблинский и Н.С. Платонова в указанной статье приводят свою точку зрения, основанную, прежде всего, на письме от 5 апреля 1803 года, в котором русский посол во Франции граф А.А. Морков писал графу А.Р. Воронцову о покупке и препровождении Воронцову «нескольких писем Вольтера, сплошь собственноручных, собранных одним любителем, среди коих некоторые напечатаны не были»⁵⁹. Далее В.С. Люблинский пишет: «Опираясь на авторитет Н.П. Лихачева, Н.С. Платонова относит золотое ампирное тиснение к началу XIX века и подтверждение этому видит в том обстоятельстве, что суперэклибрис изображает не княжеский герб Воронцовых, которые княжеский титул получили

⁵⁸ Собрание писем Вольтера из архива Воронцовых / Наследие Вольтера в СССР: Статья В.С. Люблинского, публикация В.С. Люблинского и Н.С. Платоновой // Русская культура и Франция: Т. I. / Литературное наследство: Т. 29/30. М., 1937. С. 46–51.

⁵⁹ Там же. С. 46.

лишь в 1845 г. Таким образом, сборник этот связывается с личностью канцлера, графа Александра Романовича Воронцова (1741–1805). Это был один из самых серьезных и искренних читателей и почитателей Вольтера в России и один из наиболее образованных русских вельмож XVIII века вообще. <...> Эти биографические данные идут вполне навстречу высказанному выше предположению, что первым русским владельцем публикуемого здесь собрания писем Вольтера был именно он, канцлер Александр Романович Воронцов»⁶⁰.

Желание ученого связать упоминание о письмах Вольтера, графа А.Р. Воронцова и знаменитый «Воронцовский сборник» в единое целое вполне очевидно. Однако, даже не касаясь вопроса о принадлежности геральдического суперэклибриса, сопоставление «Воронцовского сборника» писем Вольтера в 359 листов и «нескольких писем Вольтера» как одного и того же — уже не вполне корректно. В процессе исследования нами был рассмотрен и суперэклибрис на переплете «Воронцовского сборника» писем Вольтера (илл. 8, с. 129). Было установлено, что принадлежит он не канцлеру графу А.Р. Воронцову, а его племяннику — графу М.С. Воронцову.

Граф Михаил Семенович Воронцов (1782–1856), пожалованный в 1845 году княжеским достоинством, был одним из крупнейших библиофилов своего времени — общая численность собранных им книг простиралась до пятидесяти тысяч томов⁶¹. Некоторые исследователи, однако, высказывали суждения о том, будто граф М.С. Воронцов «по-видимому, с меньшим интересом относился к пополнению архива»⁶², хотя и с оговоркой что «и при нём коллекция пополнялась»⁶³. В действительности же, он не только сохранил богатейшие собрания своего отца и дяди, но и преумножил их.

Можно было бы допустить, что граф М.С. Воронцов, будучи наследником собрания своего дяди А.Р. Воронцова, заново переплел «Воронцовский сборник», поставив на нем свой суперэклибрис (каковых у него всего зафиксировано семь вариантов), но наиболее вероятно, что М.С. Воронцов приобрел эпистолярный корпус, представляющий собою отнюдь не «несколько писем», самостоятельно. Причем пополнению его библиофильского собрания

⁶⁰ Там же. С. 46–47.

⁶¹ *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. СПб., 1911. № 6. С. 1.

⁶² *Троцкий И.* Архив Воронцовых // Литературное наследство: Т. 9/10. М., 1933. С. 403.

⁶³ Там же.

благоприятствовали и обстоятельства его жизни, отразившиеся качественно на характеристике его книжной коллекции: в 1815–1818 годах граф М.С. Воронцов командовал русским оккупационным корпусом во Франции, да и после упразднения этой должности — до начала 1820-х годов — оставался в Париже, где приобрел большое число книг и рукописных материалов.

То есть наиболее вероятным выглядит изначальная принадлежность «Воронцовского сборника» именно графу М.С. Воронцову, а его геральдический суперэклибрис на переплете — очевидное тому доказательство.

Приведенный пример, когда происхождение такого значительного археографического памятника, которое ввиду огромного авторитета В.С. Люблинского было канонизировано и оказалось уязвимым из-за неверно атрибутированного геральдического суперэклибриса, наглядно демонстрирует роль суперэклибрисов в установлении происхождения книжных и рукописных памятников.

Книга с суперэклибрисом в личной библиотеке А.С. Пушкина

Одним из книжных памятников, который изучался в процессе работы, была книга из личной библиотеки А.С. Пушкина, хранящейся в ИРЛИ РАН. Книга представляет собой второй том «Естественной истории» Бюффона, напечатанный на французском языке в Париже в 1799 году⁶⁴. Книга облачена в переплет телячьей кожи, сильно потемневшей от времени, да и сам экземпляр сильно зачитан: уголки крышек обтрепаны, корешок с трещиной; на верхней крышке переплета вытиснен геральдический суперэклибрис (илл. 30, с. 165).

Вполне очевидно, что книги, составлявшие библиотеку поэта, не были обделены вниманием: в 1910 году было напечатано описание библиотеки, составленное Б.Л. Модзалевским, в котором упомянута и книга с суперэклибрисом. Геральдический суперэклибрис, как гласит каталог Модзалевского, представляет собой «герб графов Разумовских»⁶⁵. Через пятнадцать лет в Трудах Ленинградского общества эклибрисистов была обнародована и персональная атрибуция этого геральдического суперэклибриса: он принадлежит известному библиофилу и министру на-

⁶⁴ Buffon G.-L. Histoire naturelle. Т. 2. Paris, 1799. 12-о. (ИРЛИ РАН, Б-ка А.С. Пушкина, VIII-7/17).

⁶⁵ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 179.

родного просвещения графу Алексею Кирилловичу Разумовскому (1748–1822)⁶⁶.

Такая атрибуция книги с суперэклибрисом в собрании А.С. Пушкина явилась важным дополнительным фактом, характеризующим отношения поэта и графа А.К. Разумовского. Граф известен не только как министр народного просвещения в 1810–1816 годах, но и как учредитель Царскосельского лицея, принимавший там вступительные и переводные испытания; кроме того, Пушкин является автором эпитафии «На гр. А.К. Разумовского». Однако, именно с личностью Разумовского, к которому поэт относился без особых симпатий, связан целый ряд ограничений в жизни лицейцев (в том числе запрещение воспитанникам сочинять и представлять театральные пьесы). Именно в силу отрицательной характеристики графа Разумовского в контексте биографии Пушкина, наличие в его библиотеке книги, ранее принадлежавшей министру народного просвещения, не получило традиционной для пушкиноведения «разработки».

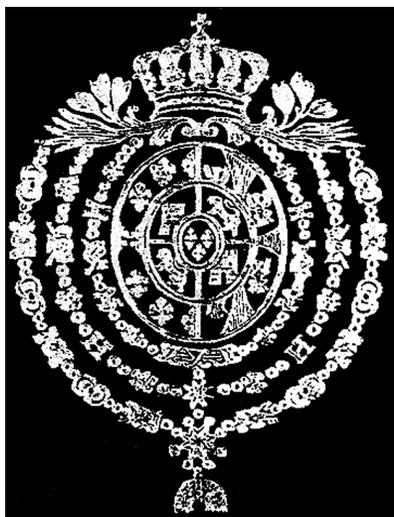
Это оказалось спасительным, потому как в процессе исследования геральдических суперэклибрисов, при помощи описанного выше фалеристического исследования, оказалось возможным опровергнуть атрибуцию 1925 года и сделать окончательный вывод о принадлежности суперэклибриса другому Разумовскому — графу Льву Кирилловичу (1757–1818).

Сведений о знакомстве А.С. Пушкина с графом Л.К. Разумовским не сохранилось; возможно, книга попала в библиотеку поэта уже после его смерти от вдовы графа — Марии Григорьевны, урожденной Вяземской, по первому браку Голицыной (1772–1865), с которой Пушкин был знаком: именно на балу у графини М.Г. Разумовской 26 января 1837 года состоялось объяснение Пушкина с секундантом Дантеса д'Аршиаком⁶⁷.

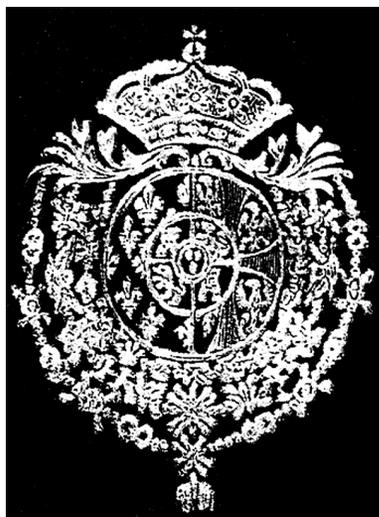
Таким образом, при помощи геральдического суперэклибриса в данном случае не только устанавливается происхождение одной из книг в личной библиотеке А.С. Пушкина, но одновременно опровергается неверная атрибуция, что в связи с биографией поэта имеет серьезное значение. Кроме того, приведенный пример не только характеризует геральдический суперэклибрис как исторический источник, но и наглядно демонстрирует, как неверная атрибуция суперэклибриса может стать основанием для историко-литературных мистификаций.

⁶⁶ Труды Ленинградского общества эклибрисистов: Вып. II–III. Л., 1925. С. 7–8.

⁶⁷ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение / Отв. ред. В.Э. Вацуру. Л., 1989. С. 363.

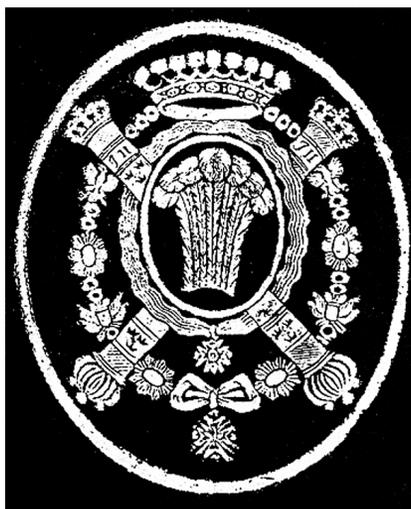

69

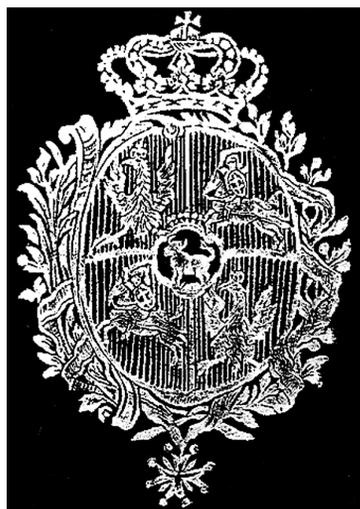
70

Суперэкслибрис герцога Фердинанда Пармского

71

Суперэкслибрис
М. Мнишека

72

Суперэкслибрис польского
короля Станислава-Августа

Роль геральдического суперэклибриса в установлении подлинности книжных памятников

В качестве примера, демонстрирующего источниковедческую значимость суперэклибрисов в контексте вопроса подлинности книжных памятников, характерно исследование геральдического суперэклибриса на русской книге 1790 года, которое было проведено нами в 2006 году в Москве.

Особую важность исследованию придавало то обстоятельство, что книга, на переплет которой нанесен этот геральдический суперэклибрис, не совсем обычна. Это «Письмо к другу, жителю вуюющему в Тобольске. По долгу звания своего», напечатанное в Санкт-Петербурге в 1790 году.

Эта небольшая 14-тистраничная брошюра форматом «в осьмушку» посвящена открытию в 1782 году монумента Петру Великому; автором ее является А.Н. Радищев. Это — первая книга, которую Радищев напечатал в купленной им типографии; и уже следом за ней было напечатано знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву». То есть речь идет о самой редкой книге А.Н. Радищева и одной из самых редких и знаменитых русских изданий гражданской печати вообще. Всего известно три сохранившихся ее экземпляра⁶⁸: в Библиотеке СПб ИРИ, в ГПИБ России и, наконец, экземпляр с пометами императрицы Екатерины II — в следственном деле А.Н. Радищева в фонде Тайной канцелярии в РГАДА (Ф. 7. Д. 2762).

Конечно, появление еще одного экземпляра такой книги — уже событие, а выяснение происхождения и бытования экземпляра, которые можно проследить благодаря установлению имени владельца геральдического суперэклибриса, несомненно, может добавить и сведений к биографии писателя. Исследователь книжных знаков Б.М. Чистяков писал в 1929 году: «Чаще всего суперэклибрис выставляется первым владельцем книги, вследствие чего почти всегда можно установить его фамилию и личность, а для книголюбца это большое достижение. Пусть мы не всегда можем проследить дальнейшую историю книги, но мы знаем ее начало, а это уже много»⁶⁹.

Суперэклибрис, вытисненный на переплете книги, по своим геральдическим и декоративным характеристикам напоминает знаки западноевропейского происхождения: на это ука-

⁶⁸ Сводный каталог русской книги XVIII века: 1725–1800. Т. III. М., 1966. С. 6–7. № 5799.

⁶⁹ Чистяков Б.М. Супер-эклибрис... С. 133.

зывают многочисленные нашламки, распространенные в немецкой геральдике; декоративно суперэклибрис выполнен в традициях XVIII века, герб в суперэклибрисе покрыт графской короной, под геральдическим щитом изображены знаки высшего польского ордена Белого Орла. Такое географическое сочетание: герб выраженного немецкого типа и наличие на нем польского ордена может говорить о том, что речь идет о гербовладельце из Саксонии, хронологически совпадающего с тем временем, когда курфюрсты саксонские были одновременно и польскими королями.

Конкретно этот геральдический суперэклибрис (илл. 61, с. 213) вообще очень часто встречается на иностранных книгах в российских библиотеках; он зафиксирован нами еще при выявлении и исследовании геральдических суперэклибрисов в собрании ВГБИЛ⁷⁰. Владельцем его является граф Брюль⁷¹.

Генрих Брюль (1700–1763) — министр и фаворит Августа III, короля польского и курфюрста саксонского. Сперва служил пажом у герцогини Елисаветы, вдовы герцога Саксен-Вейсенфельского, а в 1720 году стал пажом при дворе Августа II, затем получил звание камергера. Император Карл VI в 1737 году возвел его в звание имперского графа. Роскошь и богатства графа Брюля вошли в историю: он содержал 200 человек прислуги, своей почетной страже платил лучше, чем сам Август III, гардероб его был самым роскошным. После смерти Брюля все его имения и дворец, расположенный на так называемой Брюлевской террасе, были конфискованы, но затем возвращены наследникам.

Пользуясь советами знатока искусства Карла Генриха Хейнекена, граф руководил покупками картин для Дрезденской галереи и одновременно формировал свою коллекцию. Именно это собрание, насчитывавшее около шестисот картин и тысячи рисунков, впоследствии приобретенное для Екатерины II при посредстве русского посланника в Дрездене А.М. Белосельского-Белозерского у наследников графа, составило ядро эрмитажной коллекции голландской и фламандской живописи⁷².

Замечательная библиотека графа Брюля к началу 1760-х годов была одной из крупнейших в Европе и насчитывала около 70 тыс.

⁷⁰ *Les amours de Henri IV*. P. I–II. Amsterdam, 1754. In-8°. (НИОРК ВГБИЛ. Шифр А 525, инв. №№ 464274, 464275).

⁷¹ *Bogeng G.A.E. Die grossen Bibliophilen...* Bd. 2. Leipzig, 1922. Abb. 191.

⁷² Западноевропейская живопись: Каталог. / Государственный Эрмитаж. Т. 1. Л., 1976. С. 11.

томов⁷³, в 1750 году начал выходить ее роскошный каталог, который не был завершен (вышло только четыре тома)⁷⁴, поскольку собрание графа было куплено Королевской библиотекой в Дрездене. После 1945 года эта библиотека была вывезена в СССР в качестве трофея.

Наличие на книге геральдического суперэклибриса графа Генриха Брюля, что свидетельствует о принадлежности книги к его библиотеке, несомненно, важнейшая особенность любого книжного памятника. Однако, в данном случае — при рассмотрении книги А.Н. Радищева с этим геральдическим суперэклибрисом — налицо противоречие. Прежде всего, перед нами в настоящем случае необычный прецедент, когда иностранный суперэклибрис вытиснен на переплете русской книги XVIII века. Но даже такое обстоятельство меркнет по сравнению со следующим: при хронологическом сопоставлении получается, что книга была отпечатана через 27 лет после смерти ее первого владельца.

Такая несообразность нуждается в грамотной трактовке. Несмотря на то, что мы зафиксировали единичные случаи, когда после смерти владельца суперэклибриса штамп-матрица продолжает некоторое время использоваться его наследниками для клеймения книг (это мы встречаем и в случае с первым русским суперэклибрисом — князя Г.Ф. Долгорукого), то всё равно надлежит обратить особенное внимание на технико-технологические характеристики суперэклибриса, чтобы удостовериться в его подлинности. Дело в том, что в последние годы на антикварных аукционах и в антикварной книжной торговле стали встречаться поддельные геральдические суперэклибрисы, вытисненные на старых переплетах с применением вновь изготовленных штампов (об этом см. далее). Однако в данном случае геральдический суперэклибрис не вызвал сомнений в подлинности.

Кроме того, поскольку в процессе выявления суперэклибрисов было обнаружено большое число книг из библиотеки Брюля, то мы имели дополнительный сравнительный материал: переплеты книг из библиотеки Генриха Брюля, которые хотя и выполнены из простой телячьей кожи, имеют характерные индивидуальные черты. Кожа для этих переплетов хорошо выделана, всегда светлого, охристо-воскового тона, гладкая и качественная, без декоративных элементов на крышках — мушек, крапа и прочего травления, нако-

⁷³ Ebert F.A. Geschichte und Beschreibung der Koniglichen offentlichen Bibliothek aus Dresden. Leipzig, 1822. S. 85.

⁷⁴ Catalogus bibliothecae bruhlianae. Pars I–IV. Dresdae. 1750–1756. — 4 vol. in-folio.

нец, кожа на этих переплетах всегда хорошо лакирована. По сути, переплеты книг библиотеки Брюля являются иллюстрацией высокого качества и строгой красоты, характерных для Германии. Таков в точности при визуальном исследовании оказался и переплет «Письма к другу, жительствовавшему в Тобольске».

Если переплет книги и геральдический суперэклибрис на нем безусловно подлинны, то важно выяснить, каким образом в этот переплет попала книга более позднего времени. Поскольку книга тонкая, по сути брошюра, то на корешке никаких надписей не имеется; цветные форзацы мраморной бумаги вполне соответствуют эстетике времени изготовления переплета и опять же характерны для «брюлевских» переплетов. В таком случае напрашивается логичный вывод, что книга была вставлена в этот переплет уже в позднейшее время, и он для нее «чужой».

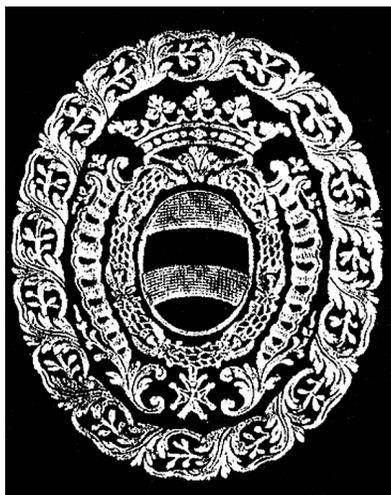
Подмена переплетов — далеко не редкость: подобные манипуляции обычно происходят при реставрации книжного блока и вообще практиковались в советской реставрационной традиции послевоенных лет, поскольку иностранные книги XVIII–XX веков, особенно отдельные тома, почитались за сор, и значительная часть их была пущена на макулатуру. Оговорим еще одно обстоятельство: при списании книг на макулатуру надлежало уже перед сдачей отделить собственно бумагу от остального, то есть книжные блоки отодрать от переплетных крышек — иначе перерабатывающие комбинаты не принимали их в переработку по цене бумаги⁷⁵. Можно сказать, что переплеты сами «просились» одеть другую книгу вместо утраченного или испорченного переплета.

Несомненно, такие особенности экземпляра должны привлекать дополнительное внимание и к самой книге. Так следовало поступить и в настоящем случае, особенно учитывая значительную музейную, да и не меньшую материальную ценность книги. При визуальной экспертизе книги было установлено, что издание отпечатано способом высокой печати на подлинной бумаге рубежа XVIII–XIX века, без филиграней (что вполне допустимо), то есть все использованные материалы соответствуют эпохе; но вопросы вызвала технология печати книги.

⁷⁵ Мы не имеем возможности останавливаться на этом, но хотим отметить, что политика СССР (в лице Главного управления по заготовкам, поставкам и использованию вторичных ресурсов (Союзглаввторресурсы) при Госнабе СССР), принуждающая организации и граждан сдавать как можно больше макулатуры государству, а особенно — эйфория, возникшая на излете режима в связи с введением такой «инновации» как обмен макулатуры на недоступные в розничной сети издания художественной литературы, нанесли катастрофический удар по домашним библиотекам и архивам.

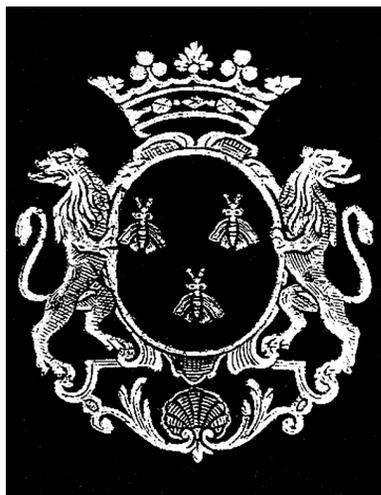
При более тщательной экспертизе, необходимость которой становится в подобных случаях очевидной, проведенной с применением лабораторного оборудования (микроскопа), удалось установить, что этот экземпляр книги «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске» является качественным фальсификатом. Если для типографической практики XVIII столетия характерна печать в типографском стане с наборной формы, то в данном случае печать производилась иначе: специально для имитации высокой печати, которую можно на бумаге ощутить тактильно, по цифровой или фотографической копии с подлинной книги были изготовлены полимерные формы (практика печати массовых изданий с таких фотоформ высокой печати была распространена особенно в 1990-х годах и используется до настоящего времени), а затем была произведена печать в ручном (по-видимому, в так называемом корректурном) прессе. Сам замысел — вместо свойственной современной копировальной технике плоской печати использовать ощутимую руками высокую печать — вполне разумен и говорит о находчивости наследников Гутенберга. Причем для того, чтобы изготовленная таким образом копия была внешне максимально приближена к оригиналу, отпечатана она была на подлинной тряпичной бумаге конца XVIII века, и также следует отметить находчивость изготовителей, которые специально использовали листы без филиграней — при этом идентификация бумаги максимально затруднена (как хронологически, так и географически), одновременно не вызывая никаких сомнений в аутентичности. И уже в качестве финального аккорда, чтобы подлинность фальсификата была неоспоримой, к нему был подобран подлинный переплет XVIII века с геральдическим суперэкслибрисом. То есть, как можно видеть, геральдическому суперэкслибрису в данном случае придавалось серьезное значение именно как свидетельству подлинности.

Но «лучшее — враг хорошего», и в погоне за совершенством — пытаясь сделать фальсификат как можно более соответствующим оригиналу — изготовители переусердствовали, но, главное, не осознавали значения геральдического суперэкслибриса как исторического источника. Однако именно геральдический суперэкслибрис оказался в данном случае определяющим для распознавания фальсификата. Этот случай иллюстрирует важнейшее качество суперэкслибриса как владельческого знака, а то обстоятельство, что он обычно ставится первым владельцем книги, позволяет не только датировать переплет книги и определять гербовладельца, но и решать намного более сложные исследовательские задачи.

73

Суперэкслибрис К.Г. Хойма

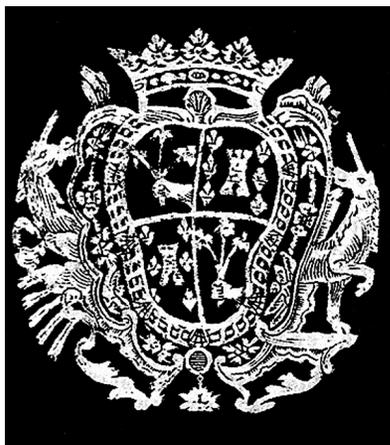
74

Суперэкслибрис Р.М. Баррена

75

Суперэкслибрис принца
Луи-Александра

76

Суперэкслибрис
М.-И. Демарэ

Наряду со случаями, когда при исследовании книжного памятника сам памятник оказывается фальсифицированным, а геральдический суперэклибрис — подлинным, встречаются и обратные примеры — когда фальсификатом является именно геральдический суперэклибрис. Неминуемое включение фальсификатов в круг исторических источников заставляет рассмотреть и эту сторону геральдического суперэклибриса.

Фальсификаты геральдических суперэклибрисов

Фальсифицирование различных знаков собственности (принадлежности), каковым является и суперэклибрис, является всё более частым явлением. С помощью знаков собственности возможно повысить как культурную, так и материальную ценность книги: зачастую именно благодаря суперэклибрису обычная антикварная книга превращается в книжный памятник. Это вполне справедливо, поскольку историческая и материальная ценность конкретной книги складывается не только из ценности предмета как такового, но и из места этого предмета в культурно-историческом пространстве.

Повторим слова В.К. Лукомского: «Книжные знаки (exlibris и super-exlibris), вообще, являются исключительно ценными путеводителями во всякого рода исследованиях для установления происхождения и судьбы библиотек, а потому и следует настоятельно рекомендовать особо осторожное обращение с ними и сохранение их на книгах, имея в виду не только показательное, научное значение их, но и материальное, очень часто поднимающее ценность книги при наличии непосредственного указания на ее provenance»⁷⁶.

Обычные печатные эклибрисы, будучи по сути бумажными наклейками, довольно часто присутствуют на тех книгах, на которых их не было при жизни владельцев этих книжных знаков. Именно в связи с такими метаморфозами известный авторитет в книжной торговле — букинист П.П. Шибанов (1864–1935) — признавал, что торговцы, желая таким образом повысить стоимость книги, либо заменяют неинтересный с их точки зрения эклибрис на более редкий или известный, либо же просто наклеивают на книгу ценный эклибрис, при этом П.П. Шибанов называл таких умельцев «врагами книги», а указанному явлению посвятил специальный доклад⁷⁷.

⁷⁶ Мухин С.А. Указ. соч. С. 11.

⁷⁷ Это было сказано П.П. Шибановым в докладе «Враги книги», сведения о котором приводит Б.М. Чистяков в статье «Супер-эклибрис и библиофилия» (Альманах библиофила. Л. 1929. С. 131–132.)

Тогда же П.П. Шибанов обратил внимание и на обратное: многочисленные любители печатных эклибрисов, желая иметь в своей коллекции какой-либо недостающий у них образец, зачастую обезличивают превосходные владельческие экземпляры. То есть при некотором умении и сноровке печатные эклибрисы с достаточной непринужденностью могут перемещаться с одной книги на другую, с книги — в папку эклибрисиста, а из папки — на любую книгу.

Характерный пример такого путешествия книжного знака был отмечен в процессе выявления геральдических суперэклибрисов в одном из частных собраний: библиофил похвалился томом «Истории Российской» М.М. Щербатова из знаменитой библиотеки С.А. Соболевского — друга Пушкина и выдающегося библиофила — с его геральдическим эклибрисом. И такая гордость объяснима, поскольку любая книга из библиотеки Соболевского — ценность для исследователя или коллекционера. Однако при внимательном рассмотрении экземпляра оказалось, что на эклибрисе вместо раздела «история», к которому он должен был бы относиться, рукой С.А. Соболевского было написано по-французски «кулинария», что также указывает на *provenance*, но уже не книги, а только эклибриса — он был снят с другой книги, входившей в раздел «кулинария», и наклеен на книгу М.М. Щербатова. Таких примеров можно привести множество.

В настоящее время процесс фальсификации традиционных печатных эклибрисов еще более упростился и чрезвычайно распространился: благодаря тому, что электронные способы плоской печати стали общедоступными, на книжном антикварном рынке постоянно встречаются книги с фальсификатами эклибрисов императорских и придворных библиотек, которые в несколько раз повышают стоимость этих книг. Сделаны эти знаки чаще всего посредством цветного копировального аппарата или более сложными способами, причем все они очень похожи на оригинальные эклибрисы. А если подобные «императорские» экземпляры имеют хождение на антикварном рынке, то со временем они становятся частью коллекций государственных музеев и библиотек, поступая туда через закупочные комиссии. Только исследователь, хорошо осведомленный в тонкостях полиграфических техник, имеющий наработанность глаза, сможет отличить фальсификат от оригинала.

Что же касается геральдического суперэклибриса, то до последнего времени считалось, что именно суперэклибрис как никакой другой знак собственности книжных памятников соответствует своей главной цели — точно указывать на владельца кон-

кретного книжного памятника; причем утверждалось даже, что суперэклибрис практически нет никакой возможности фальсифицировать. Б.М. Чистяков писал по этому поводу: «Суперэклибрис, действительно, может быть наиболее верным охранителем права собственности книги»⁷⁸.

Раньше единственным типом манипуляций с суперэклибрисами были только те, что связаны с заменой или подменой книжного переплета (как описанная выше история с книгой А.Н. Радищева). Обычно это происходило при вынужденной или плановой реставрации, часто без умысла, когда книга вставлялась в другой кожаный переплет, на крышках которого имелся геральдический суперэклибрис. Особенно такие замены переплетов, или, как они назывались на языке библиофилов тех времен, «пересадки», были распространены в 1960–1980-е годы, когда заказать для антикварной книги качественный переплет было невозможно, а иностранные книги в очень хороших переплетах стоили совсем недорого; так и был избран путь «пересадки» книги в другой переплет. Традиционно такие метаморфозы распознаются по корешку книги: изготовление аутентичной наклейки с заглавием на корешке переплета всегда представляло трудность; наклейки в таких случаях очень просты и обычно контрастируют с качеством самого переплета. Типичный пример — экземпляр первого издания «Руслана и Людмилы» А.С. Пушкина 1820 года из библиотеки П.В. Губара (ГМП), который вставлен в прекрасный переплет с суперэклибрисом императора Александра I. Подобные случаи были, есть и будут, но они всегда различимы и при исследовании конкретного книжного памятника легко разоблачаемы (хотя и не всегда на них обращается внимание).

Мнение о невозможности фальсифицировать непосредственно сам геральдический суперэклибрис ранее было незыблемым, ну а если и были попытки это сделать, то подобные фальсификаты элементарно распознавались. С проникновением же на отечественный рынок новых европейских технологий и специализированных станков, оказалось возможным и фальсифицирование самих геральдических суперэклибрисов.

Еще двадцать — тридцать лет назад изготовление фальсификата было бы невозможно, поскольку отсутствовали фрезерные станки, необходимые для производства латунных штампов для горячего тиснения. Такие станки функционируют на компьютерной базе, в электронную память которой вкладывается рисунок, а тон-

⁷⁸ Чистяков Б.М. Супер-эклибрис... С. 133.

кая фреза вырезает на латунном бруске штамп-матрицу, выбирая из заготовки металл на требуемую глубину. Но в последние два десятилетия в России было обновлено оборудование в некоторых переплетных цехах типографий (например, в типографии «Наука» в Москве и некоторых других), куда были закуплены и станки для изготовления переплетных клише, в том числе и указанных латунных штампов.

И если в 1751 году граф П.Б. Шереметев, заключавший книги своей петербургской библиотеки в переплеты с геральдическими суперэклибрисами, просил московских управляющих «поискать прилежно в [Немецкой] слободе и других местах все инструменту переплетного книжного, какой мне принадлежит, и купя оной весь прислать к нам в Петербург, хотя б оной и до тридцати рублей продавался»⁷⁹, то и в настоящее время оказывается возможным приобрести в Москве качественные инструменты для изготовления переплета, в том числе и заказать штампы для фальсифицирования геральдических суперэклибрисов. Именно на новых высокотехнологических станках европейского производства возможно изготовление качественных фальсификатов.

Первый суперэклибрис-фальсификат был обнаружен нами в 2003 году в одном из антикварных магазинов Москвы. Это была русская книга первой трети XIX века с геральдическим суперэклибрисом неизвестного владельца на верхней крышке переплета (илл. 62, с. 213). Суперэклибрис этот оказалось возможным атрибутировать сразу, поскольку в процессе выявления геральдических суперэклибрисов такой же знак был обнаружен в собрании ВГБИЛ и атрибутирован⁸⁰; он принадлежит известному немецкому историку графу Генриху Бюнау (1697–1762), автору «Истории Германской империи». Его книжное собрание, без всякого сомнения, было одним из лучших в Европе в XVIII столетии; значительная часть из собранных графом более чем 40 тыс. томов оказалась в 1945 году в советских библиотеках в качестве трофея.

Уже при визуальном осмотре было очевидно, что это фальсификат: технологически суперэклибрис был выполнен небрежно, даже беспомощно; можно сказать, что он представлял из себя опытный образец: штамп плохо проработан, дилетантски выполнено и само тиснение, для которого применено не листовое сусальное золото или специальная переплетная синтетическая фольга, а поталь или фольга сомнительного качества. Кроме того, сам штамп-матрица

⁷⁹ Шавыркина Н.А. История библиотеки Шереметевых... С. 174.

⁸⁰ Дружинин П.А. Западноевропейский суперэклибрис... С. 231–233.

для тиснения, несомненно, был выполнен не из латуни, а из цинка, традиционно употребляемого для клише штриховых рисунков в книге, что отразилось и на конечном результате — цинк мало подходит для горячего тиснения, а глубина выборки металла в цинковых клише всегда невелика, что во всем своем несовершенстве проявляется при тиснении таким штампом. Также стоит отметить тот факт, что для тиснения был взят обычный русский переплет, изначально имевшийся на книге, притом не лучшего качества и сохранности. То есть визуальное исследование констатировало даже не собственно фальсификат, а аляповатую подделку геральдического суперэклибриса Генриха Бюнау.

Но по прошествии полутора лет — в 2005 году — один из петербургских частных коллекционеров обратился с просьбой атрибутировать геральдический суперэклибрис на купленной им недавно книге — знаменитом издании М.А. Корфа «Четырнадцатое декабря 1825 года», отпечатанном в 1854 году в Петербурге тиражом 25 экземпляров.

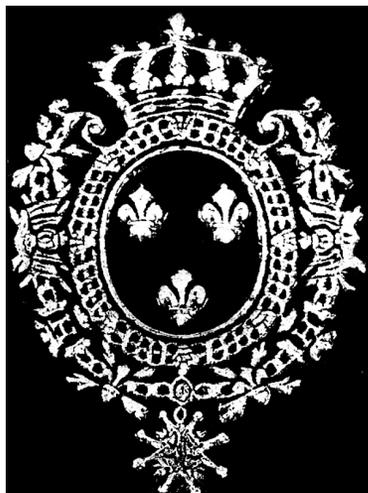
Удивительно, но переплет книги, который визуально можно датировать серединой XIX века, был также украшен геральдическим суперэклибрисом Генриха Бюнау. Однако этот вариант фальсификата суперэклибриса уже более походил на подлинный, хотя хронологическая несообразность наличия его на издании середины XIX века выглядела нарочитой. Несомненно, нанесен на переплет он был посредством латунного штампа, однако была применена синтетическая фольга — именно она, оставляющая однородное золотое покрытие, со всей очевидностью свидетельствовала о недавнем нанесении знака.

Кроме того отметим, что граф Бюнау пользовался в дополнении к геральдическому суперэклибрису еще и шрифтовым, с текстом *Ex bibliotheca bunaviana*, наносившимся на нижнюю крышку переплета. Оба фальсификата не имели на нижней крышке никакого тиснения.

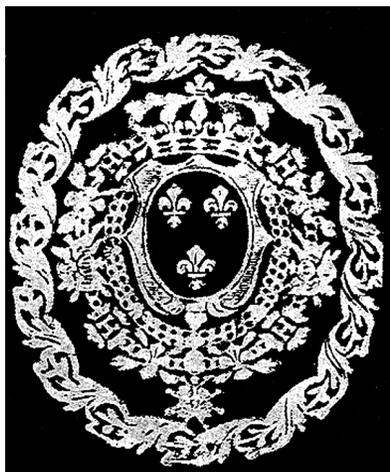
В том же году на аукционе в Москве был выставлен экземпляр книги митрополита Евгения (Болховитинова) «Словарь о бывших в России писателях духовного чина» (СПб., 1818, ч. 1–2 в одном переплете; «аукцион сезона» 30 сентября 2005 года, лот № 61, стартовая цена 30 тыс. рублей, ориентировочная цена продажи 38–44 тыс. рублей). Но на этом переплете, выполненном из коричневой кожи, был вытиснен геральдический суперэклибрис, и цена продажи экземпляра превысила многократно ориентировочную — она составила 130 тыс. рублей. Суперэклибрис на книге в данном случае был лишь украшением, поскольку не был атрибутирован

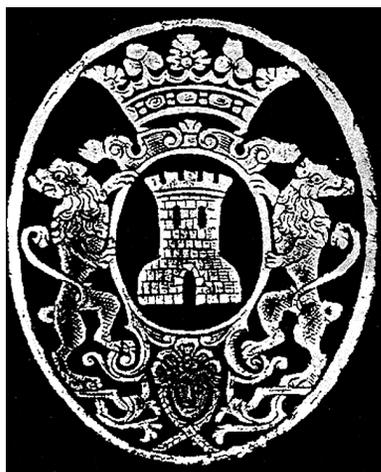
77
Суперэкслибрис
короля Людовика XIV

78
Суперэкслибрис
короля Людовика XV

79
Суперэкслибрис
короля Людовика XVI

80
Суперэкслибрис
Ж.Ф. Монтиньи

в аукционном каталоге, тем не менее, его наличие позволило составителям каталога сделать вывод, что «издание представляет историческую ценность». В действительности же геральдический суперэклибрис на книге (илл. 5) принадлежит герцогу Эрнсту-Иоганну Бирону (1690–1772), то есть опять налицо хронологическое несоответствие, указывающее на фальсификацию. При ближайшем рассмотрении это подтвердилось — оттиск на переплете был выполнен новым штемпелем.

И, наконец, еще один фальсификат был исследован в 2007 году. Геральдический суперэклибрис (илл. 32, с. 129) был вытиснен на переплете литературного сборника «Каллиопа: Труды благородных воспитанников Университетского пансиона» (М., 1815): то была точная копия геральдического суперэклибриса Петра Кирилловича Разумовского (1751–1823). Этот фальсификат был выполнен на очень высоком уровне: безукоризненно изготовленный штамп-матрица обеспечил четкий, проработанный оттиск (поскольку это фальсификат, то он оказался даже качественней, нежели подлинные экземпляры геральдического суперэклибриса), для тиснения был тщательно подобран цвет золота — не броский, не полностью глянцевоый, а вполне аутентичный внешне тому золоту, что было употреблено для тиснения заглавия и декоративного орнамента на корешке и крышках переплета. Лишь технологические особенности, характерные для фальсификата, перечень которых будет приведен ниже, позволили распознать его.

Стоит предположить, что тенденция фальсификации геральдических суперэклибрисов, особенно императорских, будет только укореняться, поскольку технологии совершенствуются, а подобное «улучшение» экземпляров столь значительно увеличивает материальную ценность книги, что стимулирует практику фальсифицирования. Еще в 1920-е годы отмечалось, что «фальсификаторы все же находятся в выигрышном положении, так как иногда проходит очень много времени, прежде чем фальсификат попадает в руки эксперта и обнаруживается»⁸¹.

Таким образом, фальсифицирование геральдических суперэклибрисов уже является серьезным явлением и может рассматриваться в контексте большой научной проблемы фальсификации исторических источников.

Поскольку в процессе исследования геральдических суперэклибрисов нам пришлось столкнуться с проблемой распознавания

⁸¹ Как бороться с фальсификаторами // Советский филателист. М., 1928. № 3 (79). С. 15.

фальсификатов, то необходимо изложить и основные положения, которые были выработаны в результате этой работы.

Первое. Горячее тиснение, посредством которого суперэклибрис наносится на поверхность книжного переплета, является серьезным вмешательством в структуру переплетного материала — кожи, и чем переплетная кожа старше, тем она суше и менее пластична, и вследствие этого неподатлива для тиснения, а также более хрупка. И если в настоящее время использовать для тиснения геральдического суперэклибриса переплет книги XVIII — начала XIX века, то он уже не будет столь восприимчив к нанесению тиснения, как во времена своего изготовления. В связи с этим, обычно кожу уже невозможно бывает «продавить» настолько, насколько это было возможно в момент изготовления переплета. И потому фальсификаты не так глубоко и качественно оттиснуты, поскольку если при тиснении приложить чрезмерное усилие, особенно штампом-новоделом с острыми от фрезы краями, то кожа в силу возраста такое вмешательство уже не сможет вынести и начнет трескаться в некоторых местах по краям оттиска.

Второе. Со временем старинные переплеты, которые лакировались либо протравливались при изготовлении (особенно это наблюдается на переплетах из обычной телячьей кожи), покрываются мелкой сеткой трещинок — кракелюром. Такое явление наиболее часто рассматривается при исследовании произведений масляной и темперной живописи, но встречается кракелюр и на других памятниках, в т.ч. и на книжных переплетах. И если по такому покрытому кракелюром кожаному переплету производить тиснение, то при внимательном рассмотрении оказывается, что золото лежит не только на коже, но и в углублениях кракелюра — в самих микротрещинах, тогда как при условии, что геральдический суперэклибрис нанесен на переплет в момент его изготовления, в микротрещинах золота быть не может. Деструктивному воздействию особенно подвержены кожи, травившиеся при изготовлении под мрамор или иными способами, поскольку травление такое производилось с применением агрессивных материалов и традиционно отражается на сохранности кож, именно потому и фальсификаты суперэклибрисов на травлёных кожах распознаются значительно легче.

Третье. Важным фактором в распознавании фальсификатов геральдических суперэклибрисов является характеристика золотой фольги, употребленной для нанесения суперэклибриса: она должна соответствовать не только духу времени, но и почти всегда схожа с оттенком золота, употребленным мастером-переплетчиком

при декорировке корешка и переплетных крышек. Конечно, химический анализ такого золота сразу сможет дать сведения о времени его создания, поскольку в настоящее время оно включает синтетические материалы, однако чаще всего возможность такой экспертизы отсутствует. А потому следует обращать особое внимание на качество золота, которым вытиснен сам суперэклибрис и остальные детали оформления переплета.

Суперэклибрисы-палимпсесты

В процессе исследования суперэклибрисов нам встретилось явление, которое заслуживает отдельного упоминания. Речь идет о знаках, которые можно обозначить как суперэклибрисы-палимпсесты. Если обратиться к этимологии, то термин «палимпсест» переводится с греческого как «вновь соскобленный», в археологии и кодикологии он обозначает рукописный памятник, нанесенный на материал для письма (пергамен), с которого предварительно был счищен нанесенный ранее текст. Конечно, лишь в рукописной традиции этот способ сравнительно нередок, в других же областях такие образцы крайне немногочисленны. Общеизвестный пример такого явления, например, в живописи — портрет Емельяна Пугачева, написанный поверх портрета императрицы Екатерины II, который читатель помнит по школьному учебнику истории. Подобные примеры встречаются и в исследуемой нами области.

Причем такие случаи можно даже разделить на два типа. Первый — когда единичная книга из одного собрания переходит в другое. И если оба собирателя имели суперэклибрисы, то оба и снабжают конкретный экземпляр своими знаками книговладения. Например, экземпляр книги В.В. Крестинина «Исторические начатки о двинском народе» (1784)⁸², на котором вытиснен геральдический суперэклибрис графа Д.П. Бутурлина (1763–1829), который, в свою очередь, перекрывает собой более ранний суперэклибрис — шрифтовой знак княгини Е.Р. Дашковой (1743–1810) — КЕД, расшифровывающийся как «К[нягини] Е[катерины] Д[ашковой]» (илл. XL, 119). То есть книга первоначально принадлежала Е.Р. Дашковой (вероятно, получена ею в качестве «обязательного» экземпляра Академической типографии, поскольку в то время она по должности получала бесплатно все выходящие акаде-

⁸² Крестинин В. Исторические начатки о двинском народе. Ч. 1. Спб. 1784. 4-о. (ОИК ГПИБ, № 5185).

мические издания), а затем перешла в библиотеку ее племянника графа Д.П. Бутурлина, с которым княгиня была очень дружна.

Второй пример — менее случайный и много более любопытный, поскольку речь идет не об отдельной книге, а о целой библиотеке, притом один суперэклибрис заменялся другим намеренно, на всех томах библиотеки. Приведем историю этой метаморфозы.

В 1773 году цесаревич Павел Петрович был обвенчан с принцессой Гессен-Дармштадтской, нареченной 15 августа при миропомазании Натальей Алексеевной. Поскольку сообщество малого двора являло собой собрание поклонников просвещения, то книги были неотъемлемой частью их повседневной жизни. Как и книги цесаревича, на переплеты которых наносились суперэклибрисы (литера Р в картуше), книги великой княгини также отмечались суперэклибрисом — вензелем NA в овальной декоративной рамке. Когда же 13 апреля 1776 года Наталья Алексеевна скончалась, то книги остались на своих местах, но скорое бракосочетание (26 сентября того же года) Павла Петровича с принцессой Софией-Доротеей, нареченной Марией Федоровной, должно было отразиться и на книгах почившей супруги: для их скорейшего «исправления» был изготовлен латунный штампель с суперэклибрисом новой великой княгини (двуглавый орел, который имеет на своей груди два геральдических щита — российский императорский герб и герб Вюртемберга, а вокруг — ленту ордена Св. Екатерины с крестом этого ордена внизу).

А поскольку книги для наследника и некоторых приближенных переплетались у работавших для двора петербургских мастеров (почти все они имеют так называемый придворный тип переплета из красного сафьяна), то спешно скрыть выморочный владельческий знак оказалось возможно только следующим образом: средняя часть суперэклибриса заклеивалась овальным лоскутом кожи такого же красного цвета, а поверх этого овала посредством вновь вырезанного латунного штампа наносился суперэклибрис с гербом новой супруги наследника престола. Причем новый штампель был выполнен таким образом, что край (граница) кожаной заплаты перекрывался сверху золототисненым ободком, который полностью скрывал под слоем золота границу заплаты, и таким образом надежно маскировал этот своеобразный палимпсест (илл. XXXVII–XXXVIII, с. 119).

Вполне возможно, что о такой перемене в большом корпусе книг никогда не стало бы известно, но 17 декабря 1837 года в Зимнем дворце произошел грандиозный пожар, и часть книг, которые все-таки были спасены от огня, оказались залиты водой. При этом,

от воздействия воды кожа переплетов намокла, а при высыхании лоскуты (заплаты) красного сафьяна, которыми был прикрыт вензель Натальи Алексеевны, на некоторых экземплярах отслоились; именно такой экземпляр и хранится в фонде РНБ⁸³. Когда же этот секрет оказался нами раскрыт, мы смогли внимательнее рассмотреть книги с геральдическими суперэклибрисами Марии Федоровны, и оказалось, что тот вариант ее знака, который имеет на груди двуглавого орла два геральдических щита — всегда выполнен поверх суперэклибриса Натальи Алексеевны⁸⁴. А вариант с тремя геральдическими щитами (илл. XXXIX, с. 119) ставился позднее, и уже только на те книги, которые принадлежали второй супруге Павла Петровича изначально.

В этой истории, к сожалению, остается неисследованным важный момент, который мы должны оговорить. Дело в том, что описанный нами случай имеет источником тот вариант суперэклибриса Марии Федоровны, который ставился на книги форматом ин-октаво и менее (размер с рамкой 63x53 мм), тогда как для книг в четвертую долю и более употреблялся знак большего размера (82x57 мм). Но если меньший знак был раскрыт силою исторических обстоятельств, то «вскрытие» большего по размеру мы собственноручно произвести не смогли, хотя и пытались, — наклейка всегда так хорошо приклеена и подогнана, а ее утоньшенные с внутренней стороны края так плотно придавлены золотым тиснением к основному первоначальному суперэклибрису, что мы неминуемо бы испортили таким вмешательством внешний вид книжного памятника; найти в частных собраниях этот вариант для такой цели мы также не смогли. Таким образом, поскольку раскрытие привело бы к порче экземпляра, а желательное в данном случае рентгенологическое исследование было нам недоступно, то оставляем задачу исследования «внутренности» этого суперэклибриса на будущее. Как нам видится, там может быть обнаружен либо увеличенный вариант вензеля Натальи Алексеевны, либо уже ее брачный герб.

⁸³ Впервые суперэклибрис Натальи Алексеевны воспроизведен: *Герасимова Е.В.* Императорские и великокняжеские собрания в РНБ. СПб., 2008. С. 12, но описан следующим образом: «Владельческий экземпляр из Царскосельского собрания Екатерины II, суперэклибрис на переплете которого позднее был исправлен и дополнен монограммой будущей супруги (с 1773 г.) Цесаревича Павла Петровича — Великой княгини Наталии Алексеевны»; верная атрибуция произведена нами — см.: *Дружинин П.А.* Другим наука // Новое литературное обозрение. М., 2009. № 96. С. 337–338.

⁸⁴ См., например, многотомные издания в собрании ГМЗ «Павловск» — *Riviere du Fresny Ch. Oeuvres*. Т. I, II, IV. Paris, 1747, in-12o (инв. 8168–8170); *Corneille P. Oeuvres*. Т. II–V, VII–X. Paris, 1758, in-16-o (инв. 8001–8008) и др.

81
Суперэкслибрис
Наполеона Бонапарта

82
Суперэкслибрис
шведского короля Густава III

83
Суперэкслибрис
императора Карла VI

84
Суперэкслибрис
императора Рудольфа II

Так называемые издательские суперэкслибрисы

В типологической характеристике суперэкслибрисов было сказано о существовании так называемых издательских суперэкслибрисов — знаков, лишь внешне кажущихся собственно суперэкслибрисами, то есть символами книговладения, но в действительности владельческими знаками не являющимися. Термин этот был предложен в России в 1920-х годах.

Еще с начала XX века этот вопрос привлекал исследователей бумажных книжных знаков (экслибрисов), поскольку выяснялось, что не все гербовые ярлыки являются в действительности книжными знаками. Наибольшее внимание этой проблеме уделял В.К. Лукомский, и некоторые выводы, к которым он пришел, актуальны и в настоящем случае:

«Необходимо оговорить, что в нашем представлении экслибрисом в прямом (хотя, быть может, и в несколько тесном) смысле слова следует разуметь лишь такой знак собственности, который, будучи произведением художественного творчества или предметом технического производства, изготовлен специально для книг, в целях прежде всего указания владельца их. <...> Исходя из этого, по моему мнению, бесспорного положения, все то, что хотя бы и носило на себе некоторые признаки книжного знака (по композиции рисунка, именным надписям и т.п.), но фактически такого назначения не имело и не имеет в виду в будущем, строго говоря, не должно именоваться экслибрисом. <...> Подобный знак <...> должен быть исключен из обычного оборота, как не экслибрис, а лишь его подобие — quasi-exlibris (как будто экслибрис)»⁸⁵.

Относительно того, как поступать с такими «как будто экслибрисами», В.К. Лукомский был категоричен: «Весь подобный материал <...> должен быть, по моему мнению, решительно изъят из коллекционного оборота <...> в целях очищения самих собраний от плевел, засоряющих собою подлинный исторический и художественный источник, столь существенный для многообразных выводов в пользу библиологических обобщений»⁸⁶.

И если В.К. Лукомский без труда умел изымать из собраний книжных знаков облатки (наклейки на почтовые конверты), вырезанные гербы из гербовников и даже винные этикетки крымских голицынских заводов, то в нашем случае бывает трудно отличить

⁸⁵ Лукомский В.К. Фальсификат в экслибрисе: К 50-му заседанию Секции изучения книжного знака Русского общества друзей книги. М., 1929. С. 4.

⁸⁶ Там же. С. 10.

суперэклибрис от «как будто» суперэклибриса — то есть, согласуясь с установленной нами типологией — так называемого издательского суперэклибриса.

А необходимость этой дифференциации возникла, так как выяснилось, что и среди суперэклибрисов встречаются издательские знаки. Поскольку «издательский геральдический суперэклибрис», который не является знаком книговладения, а лишь украшает переплет книги, превращается в контексте исследования книжных знаков в ложный исторический источник, рассмотрение которого в качестве книжного знака (то есть владельческого признака) неминуемо приводит к неверным выводам в историческом исследовании, то необходимо вычленивать такие случаи и дать характеристику этого явления.

«Издательские суперэклибрисы», в отличие от просто владельческих суперэклибрисов, выявлялись на протяжении всего исследования. Основным критерием, по которому геральдический суперэклибрис однозначно характеризовался как издательский, было выявление идентичных геральдических суперэклибрисов на переплетах нескольких экземпляров одного и того же издания. То есть эти знаки употреблялись исключительно для украшения переплетов определенных изданий и выявлены только на них (то есть, подчеркнем это особо, они ни разу не были встречены на переплетах других изданий). Кроме того, «издательский геральдический суперэклибрис» всегда оказывается связанным либо с содержанием книги, либо с ее автором. Сразу оговоримся, что в данном разделе мы не рассматриваем очевидные случаи, когда герб на книжном переплете заведомо носит характер украшения печатных изданий: таковы герб князей Куракиных на «Архиве князя Ф. А. Куракина», князей Воронцовых на «Архиве князя Воронцова», графов Разумовских на «Семействе Разумовских» А. А. Васильчикова и многие им подобные.

«Издательские суперэклибрисы» П. Б. Шереметева

Первый вариант (илл. 44, с. 185)

«Издательским геральдическим суперэклибрисом», основу которого составляет личный дворянский герб, является знак графа Петра Борисовича Шереметева (1713–1788). Кроме того, что ранее были зафиксированы три варианта его владельческих геральдических суперэклибрисов, издательских насчитывается два варианта. Первый — 1773 года — украшает переплеты двух изданий, предпринятых на средства графа, напечатанных в формате ин-фолио.

1) «Записка путешествия генерала фельдмаршала российских войск, тайного советника и кавалера мальтийского, с. апостола Андрея, Белаго орла и прусского ордена, графа Бориса Петровича Шереметева, в тогдашние времена бывшего ближнего боярина и наместника вятского, в европейские государства в Краков, в Вену, в Венецию, в Рим и на Мальтийский остров, изданная по подлинному описанию, находящемуся в библиотеке сына его господина обер-камергера, генерал-аншефа, сенатора и кавалера с. апостола Андрея, с. Александра Невского, Белаго орла и с. Анны, графа Петра Борисовича Шереметева» (М., 1773. 2°). Особые экземпляры этого издания были заключены в переплеты из сафьяна зеленого или красного цвета и украшены геральдическим суперэкслибрисом графа П.Б. Шереметева.

Причем известны подробности издания и распространения этой книги: в 1773 году тираж ее был отпечатан, но граф П.Б. Шереметев не начинал распространения книги до тех пор, пока надлежащие экземпляры не будут поднесены Екатерине II и их императорским высочествам — цесаревичу Павлу Петровичу и великой княгине Марии Федоровне, причем для государыни предназначался экземпляр в зеленом сафьяне (ныне в собрании Кабинета редких книг и рукописей НБ Государственного Эрмитажа), а Павлу Петровичу и Марии Федоровне — экземпляры в красном сафьяне. После того как экземпляры были вручены членам императорской фамилии, граф переслал экземпляры и другим сановным адресатам: И.И. Бецкому (ныне в собрании НБ МГУ), графу Н.И. Панину (там же), графине А.К. Воронцовой, митрополиту Платону, графу В.Г. Орлову, генерал-прокурору А.А. Вяземскому, графу А.П. Шувалову, вице-канцлеру А.М. Голицыну, графу А.Р. Воронцову, графу З.Г. Чернышеву, князю Г.А. Потемкину, графине Д.П. Салтыковой, в императорскую Академию наук и императорскую Академию художеств и т.д. Все эти экземпляры, по большей части в переплетах красного сафьяна, были украшены геральдическим суперэкслибрисом графа П.Б. Шереметева и почти все имели его дарительные надписи внизу титульного листа⁸⁷.

2) Еще одно издание, украшенное таким же геральдическим суперэкслибрисом, вышло год спустя — «Письма Петра Великого писанные к генерал-фельдмаршалу, тайному советнику, мальтийскому, с. апостола Андрея, Белаго орла, и прусского ордена кавалеру, графу Борису Петровичу Шереметеву, по большей части соб-

⁸⁷ Шавыркина Н.А. Издательская деятельность П.Б. и Н.П. Шереметевых... С. 156–158.

ственною государевою рукою, а иные с подлинников хранящихся в императорской Кабинетской архиве списанные, сколько оных нашлось у его сиятельства господина обер-камергера, генерал-аншефа, сенатора, орденов с. апостола Андрея, с. Александра Невского, Белого орла, и с. Анны кавалера, графа Петра Борисовича Шереметева, которого желанием и старанием оные ныне на свет изданы, и с предисловием о происхождении и о службах предков Шереметевых, особливо же о славных делах фельдмаршала графа Бориса Петровича и о потомках его» (М., 1774. 2°). Особые экземпляры этого издания также были переплетены в зеленый и красный сафьян и несли на себе герб графа П.Б. Шереметева.

Распространялось издание примерно так же, как и в 1773 году: экземпляры подносились сперва царствующей фамилии: «в сафьяне цвета лавра и мирты — ее величеству, и две в красном — их высочествам»⁸⁸, а затем и прочим адресатам.

Второй вариант (илл. 45, с. 191)

Этот «издательский геральдический суперэклибрис» выявлен на многих экземплярах другого издания, предпринятого графом в 1778–1779 годах: «Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника мальтийского, с. апостола Андрея, Белого орла и прусского ордена кавалера, графа Бориса Петровича Шереметева» (М., 1778–1779. 8°).

Особые экземпляры этого сочинения (все четыре тома по отдельности) были облачены в переплеты зеленого и красного сафьяна, и каждый том нес на себе «издательский геральдический суперэклибрис» графа; встречаются экземпляры, переплетенные не в сафьян, а в простую телячью кожу.

О распространении этого издания сведения также доступны: в апреле 1778 года граф отправил в Петербург экземпляры первого тома для поднесения императрице, их высочествам, С.Г. Зоричу, графу Н.И. Салтыкову, графу Н.И. Панину, генерал-прокурору А.А. Вяземскому и князю Г.Г. Орлову⁸⁹. Книгу государыне должен был поднести С.Г. Зорич, бывший тогда в фаворе. Также книги отправлялись и к другим лицам, причем они были в различных переплетах; граф Шереметев писал своему управляющему в Петербурге: «А которые книги кому отдать, на обертке всякой подписано, по той подписи и разности, ибо они в разных переплетах»⁹⁰. Вторая

⁸⁸ Там же. С. 159.

⁸⁹ Там же. С. 161.

⁹⁰ Там же.

посылка книг в Петербург, содержащая 22 комплекта, состояла из двух экземпляров в сафьянных переплетах — для императорской Академии наук и императорской Академии художеств, а прочие — для придворных лиц — были переплетены в переплеты обычной телячьей кожи⁹¹.

Таким образом, можно утверждать, что герб графа П.Б. Шереметева на указанных изданиях изначально не носил характера владельческого знака (что характерно для суперэкслибриса), а был украшением переплета, связанным с содержанием изданий. Существование двух вариантов объясняется тем, что герб большего размера употреблялся для фолиантов, а герб меньшего — для книг «в осьмушку».

«Издательский суперэкслибрис» М.А. Оболенского

Еще один издательский знак принадлежит историку, князю М.А. Оболенскому (илл. 53, с. 203). Дослужившись до должности директора Московского главного архива Министерства иностранных дел, М.А. Оболенский был также членом Археографической Комиссии и членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Он известен как автор и составитель многих книг и сборников по русской истории.

Одна из изданных князем книг — «Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку князя Оболенского» (М. 1853) — также имеет свои особенности: несколько экземпляров из тиража были переплетены в зеленые сафьянные переплеты и украшены гербом М.А. Оболенского; он повторяет по начертанию герб князя, изображенный на титульном листе книги.

«Издательский суперэкслибрис» А.Д. Блудовой

Характерный пример, когда «издательский геральдический суперэкслибрис» наносится на переплет издания, предназначенного для узкого круга приближенных лиц, — знак графини А.Д. Блудовой (илл. 51, с. 197).

Антонина Дмитриевна Блудова (1813–1891) — дочь председателя Государственного Совета и президента Петербургской Академии наук графа Дмитрия Николаевича Блудова — была известной писательницей и благотворительницей, участвовала в светской жизни столицы, особенно в среде славянофилов, дружила с В.А. Жуковским, Н.В. Гоголем, Ф.И. Тютчевым, А.С. Хомяковым и другими;

⁹¹ Там же. С. 162.

в 1863 году она была пожалована камер-фрейлиной императрицы Александры Федоровны. Трепетное отношение к памяти своего знаменитого отца побудило ее издать в 1866 две книги: «Мысли и замечания графа Дмитрия Николаевича Блудова. (Из его записной книги)» и мемориальный труд Е.П. Ковалевского «Граф Блудов и его время (царствование императора Александра I-го)».

Часть тиража этих двух изданий по воле княгини была отпечатана на особой бумаге, снабжена фотографией Д.Н. Блудова и заключена в коленкоровые переплеты, верхняя крышка которых была украшена гербом, нанесенным посредством конгревного (т.е. бесцветного) тиснения.

«Издательский суперэклибрис» О.Н. Бернацкой

Хронологически последним русским геральдическим суперэклибрисом, который следует считать издательским, является суперэклибрис О.Н. Бернацкой 1913 года (илл. 50, с. 197).

Ольга Николаевна Бернацкая (1872–?); в замужестве Значко-Яворская) известна как деятель в области истории и вспомогательных исторических дисциплин: в 1912 году она стала действительным членом Петербургского Археологического института. В 1913 году она написала и издала за свой счет книгу «Родословие дворян Бернацких» (СПб., 1913), причем из общего тиража в 100 экземпляров девять были переплетены в пергаменные переплеты с геральдическим суперэклибрисом О.Н. Бернацкой, который был выполнен по рисунку Г.И. Нарбута.

Отдельно такое украшение оговорено в тексте книги: на обороте титульного листа девяти особых экземпляров указано, что они переплетены в специальные переплеты с суперэклибрисом. По-видимому, роль вдохновителя изготовления таких экземпляров принадлежит В.К. Лукомскому, о чем свидетельствует и посвящение в данном издании: «Владиславу Крескентьевичу Лукомскому, любезно оказавшему содействие моему труду сообщением сведений, относящихся до рода Бернацких, и советами по изданию этой книги, выражаю мою глубокую благодарность. О. Значко-Яворская»⁹².

⁹² Значко-Яворская О. Родословие дворян Бернацких. СПб., 1913. С. [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование отличается, прежде всего, тем, что геральдический суперэклибрис рассмотрен не как украшение переплета или художественный изыск, а как полноценный исторический источник.

Начало работы характеризуется постановкой и решением методологических вопросов: разработки типологии, принятия и обоснования терминологии суперэклибриса. Сформированная для исследования источниковая база, в силу огромного объема как поэкземплярно просмотренного книжного фонда (более 180 тыс. книжных памятников), так и изученных служебных каталогов с указанием индивидуальных признаков конкретных экземпляров (описания более чем 1 млн. 450 тыс. книжных памятников) является беспрецедентным для отечественного источниковедения.

В процессе работы был впервые разработан комплексный полидисциплинарный метод атрибуции геральдических суперэклибрисов. Оригинальность метода характеризуется применением в его составе не только геральдического исследования суперэклибрисов, но целого комплекса вспомогательных исторических дисциплин, в котором значительную роль также играют фалеристическое и нумизматическое исследования. Разработанный метод оказался в высшей степени эффективным для выполнения поставленной задачи — атрибуции геральдических суперэклибрисов, причем безотносительно их географической принадлежности.

Применение разработанного метода к комплексу выявленных источников позволило выявить и ввести в научный оборот корпус русских геральдических суперэклибрисов. Причем особенно впечатляет прогресс, который благодаря настоящему исследованию был достигнут в изучаемой области науки: если за все предыдущие годы изучения геральдического суперэклибриса в России (1852–1991 гг.) корпус опубликованных и верно атрибутированных знаков насчитывал всего 17 экземпляров, то результатом настоящей работы стало введение в научный оборот корпуса из более чем ста русских геральдических суперэклибрисов. В качестве доказательства эффективности разработанного метода для атрибуции

и описания западноевропейских суперэклибрисов, укажем на коллекцию ВГБИЛ, которой была посвящена отдельная итоговая публикация¹. Изучение шрифтовых суперэклибрисов позволило осуществить масштабный проект по реконструкции собрания прусского короля Фридриха Великого и издать подробное описание коллекции².

Как удалось доказать в процессе исследования, привлечение геральдического суперэклибриса в качестве исторического источника способствует разрешению множества актуальных научных вопросов: изучению динамики формирования читательских интересов, характеристике ее языковых пристрастий; оказывает значительную помощь в изучении феномена чтения как среды существования избранного круга владельцев геральдических суперэклибрисов. Особенно стоит отметить тот факт, что многие установленные владельцы геральдических суперэклибрисов ранее вообще не фигурировали в перечнях владельцев книжных собраний.

Геральдический суперэклибрис, в большинстве случаев наносимый на переплет книги ее первым владельцем, оказывает существенную помощь в исследовании процессов формирования, бытования и судьбы целых книжных коллекций. Например, только благодаря суперэклибрисам оказалось возможным опровергнуть сложившуюся в отечественной историографии мифологему о полной гибели знаменитых русских библиотек — Д.П. Бутурлина, П.Г. Демидова, П.Б. Шереметева, Л.К. Разумовского, А.А. Васильчикова. Этот пример еще раз красноречиво показывает исключительную важность геральдического суперэклибриса в ряду исторических источников для изучения истории культуры и просвещения.

Особенную роль играет геральдический суперэклибрис в исследовании единичных книжных памятников, особенно в части их происхождения. Проведенные исследования «Воронцовского сборника» писем Вольтера, а также книги с геральдическим суперэклибрисом из личной библиотеки А.С. Пушкина, которые ранее были ошибочно приписаны другим владельцам, наглядно это демонстрируют.

¹ Дружинин П.А. Западноевропейский суперэклибрис XVI–XIX вв. в собрании ВГБИЛ // Книга: исследования и материалы. М., 1997. С. 218–268.

² Дружинин П.А. Книги Фридриха Великого или Описание коллекции сочинений и изданий прусского короля, напечатанных при его жизни, сделанное по экземплярам, прежде принадлежащим самому королю и его наследникам, а ныне находящимся в Российской государственной библиотеке. М., 2004.

Важность использования геральдического суперэклибриса для исследований в области подлинности книжных памятников убедительным образом доказана на примере фальсифицированного экземпляра книги А.Н. Радищева. Кроме того, в настоящей книге впервые не только поставлен вопрос о серьезной роли геральдических суперэклибрисов в распознавании книжных фальсификатов, но и подробно рассмотрена проблема фальсифицирования самих геральдических суперэклибрисов, а также выработаны практические рекомендации для распознавания подобных случаев.

Впервые в научной практике рассмотрен вопрос о так называемых издательских геральдических суперэклибрисах, не являющихся знаками книговладения, а служащих лишь для украшения книжных переплетов. Благодаря большой источниковой базе исследования оказалось возможным не только охарактеризовать это явление, но и установить корпус русских издательских геральдических суперэклибрисов.

Благодаря значительному объему сравнительного материала впервые удалось выявить так называемые суперэклибрисы-палимпсесты, когда один суперэклибрис наносится поверх другого, с целью скрыть сведения о прежнем владельце книги.

Таким образом, смеем надеяться, что нам удалось довести до логического конца работу, задуманную еще столетие назад крупнейшими нашими учеными в области вспомогательных исторических дисциплин — академиком Н.П. Лихачевым и профессором В.К. Лукомским, которые по различным, но равно непреодолимым, историческим обстоятельствам не сумели осуществить свои замыслы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адарюков В.Я. Русский книжный знак. М., 1921.
Антиквар: Библиографический листок. СПб., 1902.
Бантыш-Каменский Н.Н. Списки кавалерам российских императорских орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского и Св. Анны с учреждения до установления в 1797 году орденового капитула / Предисл., сост., ред. П.А. Дружинина. М., 2006.
Барсуков А.П. Род Шереметевых. Т. I. СПб., 1881.
Берков П.Н. Русские книголюбы. М.-Л., 1967.
Библиографические материалы: Описание книг, брошюр и статей библиотеки сенатора Н.П. Смирнова. СПб., 1898.
Библиотека Белинского / Предисл. и публ. Л. Ланского // Литературное наследство: Т. 55: Белинский. Т. I. М., 1948.
Библиотека Вольтера: Каталог книг. М.-Л., 1961.
Библиотека Д.В. Ульянинского: Библиографическое описание. Т. 3. М., 1915.
Богомолов С.И. Российский книжный знак: 1700–1918. М., 2004.
Брылов Г.А. Обложка книги: Опыт исторического исследования. Л., 1929.
Вейнер П.П. Библиографические листки: «Старые годы»: их история и критика... / Изд. подг. И.А. Золотинкина. СПб., 2008.
Верещагин В.А. Русский книжный знак. СПб., 1902.
Винклер П. Корона // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (С. Петербург). Т. XVI. СПб., 1895. С. 317–320.
Герасимова Е.В. Императорские и великокняжеские собрания в РНБ. СПб., 2008.
Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года / Издал С.Н. Троицкий. СПб., 1912.
Голлербах Э.Ф. Встречи и впечатления / Сост. Е.С. Голлербах. СПб., 1998.
Дружинин П.А. Другим наука // Новое литературное обозрение. М., 2009. № 96. С. 327–340.
Дружинин П.А. Западноевропейский суперэкслибрис XVI–XIX вв. в собрании ВГБИЛ // Книга: исследования и материалы. М., 1997. С. 218–268.
Дружинин П.А. Книги Фридриха Великого, или Описание коллекции сочинений и изданий прусского короля, напечатанных при его жизни, сделанное по экземплярам, прежде принадлежащим самому королю и его наследникам, а ныне находящимся в Российской государственной библиотеке. М., 2004.
Дружинин П.А. Книжный переплет и суперэкслибрис как памятники декоративно-прикладного искусства: (В связи с выставкой коллекции П.С. Романова). М., 1994.

Дружинин П.А. Русский геральдический суперэкслибрис. М., 2000.

Дружинин П.А. «Русский геральдический суперэкслибрис»: Дополнения и уточнения к книге // Библиофилы России: Альманах. Т. III. М., 2006. С. 353–373.

Дуров В.А. Ордена России. М., 1993.

Западноевропейская живопись: Каталог / Государственный Эрмитаж. Т. 1. Л., 1976.

Западноевропейский переплет XIV–XX веков: Из собрания Государственного Эрмитажа / Составитель Ж. Павлова [Набор из 16-ти открыток]. Л., 1977.

Иван Ираклиевич Курис и его коллекции: Доклад Б.М. Чистякова / XXV заседание секции библиофилов и экслибрисистов Северо-Западного отдела ВОФ. Ленинград, Зимний дворец, 26 мая 1932 г. [Памятка заседания]. Л., 1932.

Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков (Ex-libris). Вып. I. М., 1905.

Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя. [Часть I] // Русский библиофил. СПб., 1911. № 6.

Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя. Ч. II. СПб., 1912.

Ивенский С.Г. Книжный знак: история, теория, практика художественного развития. М., 1980.

Иверсен Ю.Б. Неизданные и редкие русские медали. СПб., 1874.

Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. СПб., 1914.

Каталог российских книг библиотеки Павла Григорьевича Демидова, составленный им самим / Издал В. Ундольский. М., 1846.

Как бороться с фальсификаторами // Советский филателист. М., 1928. № 3 (79). С. 15.

Кацпржак Е.И. Альбом книжной орнаментики XVIII в. [М., 1956].

Кашутина Е.С., Сапрыкина Н.Г. Экслибрис в собрании Научной библиотеки Московского государственного университета: Альбом каталог. М., 1985.

Клепиков С.А. Из истории русского художественного переплета // Книга: исследования и материалы. Сб. 1. М., 1959.

Книгопечатание как искусство: Типографы и издатели XVIII–XX веков о секретах своего мастерства / Сост. Зиховски Р. фон, Тиман Г. / Предисл. к русскому изданию, пер. с нем., франц., англ., итал., комментарий И.Е. Бабанова. М. 1987.

Королев С.В. Книги с «суперэкслибрисами» императрицы Екатерины II из собрания бывшей Эрмитажной иностранной библиотеки. Часть I. // «Про книги»: Журнал библиофила. М., 2007, № 3. С. 112–118; То же. Часть II // «Про книги»: Журнал библиофила. М., 2008, № 3. С. 109–114.

Кузьмин Е.И. Современное состояние библиотек России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. № 32 (188). М., 2002.

Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990.

Лопарев Х.М. Библиотека графа С. Д. Шереметева. Т. 1–2. СПб., 1890–1892.

- Лукомский В.К. Герб как исторический источник // Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра. Вып. XVII. Л., 1947. С. 49–57.
- Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник. СПб., 1914. (Репринтное воспроизведение: Киев, 1993).
- Лукомский В.К. Гербовая экспертиза (случаи и способы применения) // Архивное дело. М., 1939. № 1 (39). С. 46–76.
- Лукомский В.К. Фальсификат в экслибрисе: К 50-му заседанию Секции изучения книжного знака Русского общества друзей книги. М., 1929.
- Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.
- Люблинский В.С. Наследие Вольтера в СССР // Русская культура и Франция. Т. I. / Литературное наследство. Т. 29/30. М., 1937.
- Мартынов И.Ф. Частные библиотеки в России в XVIII в. // Памятники культуры: Новые открытия. 1975. М., 1976.
- Мангуэль А. История чтения. / Пер. с англ. М. Юнгер. Екатеринбург, 2008.
- Минаев Е.М., Фортинский С.П. Экслибрис. М., 1970.
- Мишлов С.Р. Синодик // Временник Общества любителей русской книги. Вып. I. Париж, 1925.
- Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910.
- [Морген К.А.] Искусство переплета IX—начала XX века: (К международному году книги) / Государственный Эрмитаж. [Буклет выставки]. Л., 1972.
- Музеум книги: Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. СПб., 2002.
- Мурзанова М.Н. Обзор собрания рукописных книг Петра I / Первые фонды рукописных книг академической библиотеки // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I: XVIII век. М.-Л., 1956.
- Мухин С.А. Судьба одной библиотеки / Предисл. В.К. Лукомского. Л., 1929.
- Мыльников А.С. О книговедческом методе в источниковедении (к постановке вопроса) // Книга: исследования и материалы. Сб. 25. М., 1972.
- Наука составлять двенадцать сортов красильных тушь с их тенями и смещением... / Пер. с нем. Платон Реган. М., 1795.
- Невежина В.М. Книжная выставка музея «Архангельское». [М., 1928].
- Нодье Ш. Читайте старые книги: новеллы, статьи, эссе о книгах, книжниках, чтении. Пер. с фр. / Сост. и авт. предисл. В.А. Мильчина. Кн. 1–2. М., 1989.
- Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи: Части I–X (1562 герба) / Предисловие, составление, редакция и указатель — П.А. Дружинин. М., 2009.
- Отчет императорской Публичной библиотеки... за 1853–1902 гг. СПб., 1854–1910.
- Павлова Ж.К. Среди экслибрисов и книжных собраний Государственного Эрмитажа // Книга: исследования и материалы. Сб. 31. М., 1975. С. 15–81.

Панченко Е.З. Забытая коллекция: суперэклибрисы в библиотеке Н.П. Лихачева // *Вспомогательные исторические дисциплины*. СПб., 2005. Сб. XXXIX. С. 118–130.

Панченко Е.З. Суперэклибрисы Сумароковых // *Книга в России*. Сб. 1. М., 2006. С. 270–279.

Попкова Н.А. Эклибрис на книгах Научной библиотеки Саратовского университета // *Опыт работы Зональной Научной библиотеки Саратовского университета*. Саратов, 1982. № 25. С. 21–51.

Разумовская М. Разумовские при царском дворе. СПб., 2004.

Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Т. I. СПб., 1895.

Российская родословная книга / издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. I–IV. СПб., 1854–1857.

Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1–2. СПб., 1886–1887.

Румянцов В.С. Древние здания Московского Печатного Двора. М., 1869.

Русская и иностранная книга XV–XIX века: [Каталог] / Кружок любителей русских изящных изданий. / [Сост. Кедров П.Д., Остроградский М.А., Рейнбот П.Е.] СПб., 1914.

Русский биографический словарь / Т. Притвиц-Рейс. СПб., 1910.

Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795) / Сост. В.П. Степанов. СПб., 2003.

Сайтов В.И., Модзалевский Б.Л. Московский Некрополь. Т. 2. СПб., 1908.

Самарин А.Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000.

Сводный каталог русской книги XVIII века: 1725–1800. Т. II–III. М., 1964–1966.

Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998. С. 115–127.

Симони П.К. Из книжной старины XVIII столетия // *Антиквар: библиографический листок*. № 11–12. СПб., 1903.

Смирнов-Сокольский Н.П. Моя библиотека: библиографическое описание. Т. I. М., 1969.

Собрание писем Вольтера из архива Воронцовых / Наследие Вольтера в СССР: Статья В.С. Люблинского, публикация В.С. Люблинского и Н.С. Платоновой // *Русская культура и Франция: Т. I. / Литературное наследство: Т. 29/30*. М., 1937. С. 46–151.

Соловьев Н. Русская книжная иллюстрация XVIII века // *Старые годы: Ежемесячник для любителей искусства и старины*. Июль — сентябрь. СПб., 1907.

Спасский И.Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963.

Списки кавалеров императорского военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия за боевые отличия: 26 ноября 1769 — 1 сентября 1880. СПб., 1880.

Справочники по истории дореволюционной России: Библиографический указатель. Изд. 2. / Ред. П.А. Зайончковский. М., 1978.

- Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание Петровско-Разумовского. М., 1902.
- Тройницкий С.Н. Гербовые девизы русского, польского, финляндского и прибалтийского дворянства. СПб., 1910.
- Тройницкий С.Н. Гербы графов Разумовских // Гербовед, издаваемый С.Н. Тройницким. М., 2003. С. 153–170.
- Тройницкий С.Н. Гербы Лейб-кампании обер и унтер-офицеров и рядовых. СПб., 1913.
- Тройницкий С.Н. Гербы потомства Гланды Камбилы // Гербовед, издаваемый С.Н. Тройницким. М., 2003. С. 19–28.
- Тромонин К. Достопамятности Москвы. М., [1842–1845].
- Троцкий И. Архив Воронцовых // Литературное наследство. Т. 9, 10. М., 1933.
- Труды Ленинградского общества экслибрисстов: Вып. I–XIII. Л., 1924–1931.
- Указатели к трудам Ленинградского Общества Экслибрисстов. Л., 1934.
- Ученая прихоть: Коллекции князя Н.Б. Юсупова. Т. 2. М., 2001.
- Фонды редких и ценных изданий (книжных памятников) в библиотеках РСФСР: Указатель. М., 1990.
- Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999.
- Черейский Л.А. Пушкин и его окружение / Отв. ред. В.Э. Вацуро. Л., 1989.
- Чистяков Б.М. Библиография изданий Ленинградского Общества Экслибрисстов // Летопись Ленинградского Общества Экслибрисстов / Труды Л. О. Э. Вып. XIII. Л., 1931. С. 2–9.
- Чистяков Б.М. Супер-экслибрис и библиофилия // Альманах библиофила. Л. 1929.
- Шавыркина Н.А. Издательская деятельность П.Б. и Н.П. Шереметевых // Книга: исследования и материалы. Сб. 74. М., 1997. С. 156–158.
- Шавыркина Н.А. История библиотеки Шереметевых // Книга: исследования и материалы. Сб. 65. М., 1993. С. 173–188.
- Эттингер П. Экслибрис у нас и за рубежом // Советский коллекционер. М., 1929. № 4/6. С. 39–43.
- Armorial General de la France. Т. 1–10. Paris, 1738–1768.
- Aviles J. Ciencia heroica, reducida a las leyes heraldicas del blason. Т. 1–2. Madrid, 1780.
- Bibliotheca Wittockiana. S., 1996.
- Bibliothèque Raphael Esmerian. P. 1–5. Paris, 1972–1974.
- Bogeng G.A. E. Deutsche Einbandkunst. Halle, 1911.
- Bogeng G.A.E. Die grossen Bibliophilen: Geschichte der Buchersammler und ihrer Sammlungen. Bd. I–III. Leipzig, 1922.
- Bohatta H. Das Supralibros. Wien, 1926.
- Bouchot H. Les reliures d'Art a la Bibliothèque Nationale. Paris, 1888.
- Bouland L. Marques de Livres anciennes et modernes francais et etrangeres. Paris, 1925.
- Bouton V. Nouveau traite de blason, ou science des armoiries... Paris, 1863.

Bucheinbande aus elf Jahrhunderten / Bayerische Staatsbibliothek 1558–1958. Munchen, 1959.

Burke J.B. A Genealogical and Heraldic Dictionary of the Landed gentry of Great Britain & Ireland, for 1850. T. 1–3. London, 1850–1853.

Burke J.B. The General Armory of England, Scotland, Ireland and Wales. London, 1878.

Carlander C.M. Svenska bibliotek och ex-libris. Bd. 1–3. Stockholm, 1889–1894.

Catalogue de la bibliotheque de Mr. le comte D. Boutourlin. P. 1. SPb., 1794.

Catalogue de la section des russica ou ecrits sur la Russie en langues etrangeres. T. I. SPb., 1873.

Catalogue des livres de la bibliotheque de S. E. M. le Comte de Boutourlin / Revu par MM. A.-A. Barbier...et Ch. Pougens. Paris, An. XIII (1805).

Catalogue des livres de la bibliotheque du prince Michel Galitzin / Redige d'apres ses notes autographes par Ch. Gunzbourg. M., 1866.

Catalogus bibliothecae bruhlianae. Pars I–IV. Dresdae. 1750–1756.

Cent Livres Reliures & Autographes de 1477 à 1948 / Eric Speeckaert, expert libraire / [Catalogue de vente]. [Amsterdam, 1994.]

Clements H.J.B. Armorial book-stamps and their owners // The Library: Transactions of the Bibliographical Society. Vol. XX. London, 1939. C. 12–35.

Cubrzynska-Leonarczyk M. Polskie supereklibrisy XVI–XVIII wieku: Centuria druga. Warszawa, 2001.

Davenport C.J.H. English Heraldic Book-stamps. London, 1909.

Davenport C.J.H. Roger Payne, English bookbinder of the eighteenth century. Chicago, 1929.

Davenport C.J.H. Samuel Mearne, Binder to King Charles II. Chicago, 1906.

Davenport J.S. European Crowns 1484–1600. Frankfurt an Main. 1985.

Derome L. La reliure de luxe: Le livre et l'amateur. Paris, 1888.

Devauchelle R. La reliure en France de ses origines a nos jours. T. 1–3. Paris, 1959–1961.

Devaux Y. Dix siecles de reliure. Paris, 1981.

Dudin R.M. L'art de relieur-doreur de livres. Paris, 1820.

Ebert F.A. Geschichte und Beschreibung der Koniglichen offentlichen Bibliothek zu Dresden. Leipzig, 1822.

Fairbairn's Crests of the Families of Great Britain and Ireland. T. 1–2. Edinburgh, London, 1860.

Fischer F. Catalogue systematique des livres de la bibliotheque de Paul de Demidoff... / Museum Demidoff. T. I. A Moscou, 1806.

Fletcher W.Y. English armorial book-stamps and their owners // Bibliographica: Papers on books their history and art. Vol. III. Part. XI. London, 1897. P. 30–43.

Foot M.M. The Henry Davis gift: A collection of bookbindings. Vol. 1–2. London, 1978.

Geldner F. Die Supralibros des Pfalzischen Wittelsbacher des 17 und 18 Jahrhunderts // Archiv fur Geschichte des Buchwesens. Band 5. Lieferung 2. Frankfurt am Main, 1963. S. 714–742.

- Geldner F. Überkannte "Fuggerbande", die Fuggerischen supralibros und die anonymen Augsburger "Fugger-Meister" // Archiv für Geschichte des Buchwesens. Band 5. Lieferung 3/4. Frankfurt am Main, 1963. S. 1190–1226.
- Gerlach M. Kronen Atlas. Wien, 1877.
- Gheusi P.B. Le Blason Heraldique. Dijon, 1833.
- Gruel L. Manuel historique et bibliographique de l'amateur de reliures. P. 1–2. Paris, 1887–1905.
- Guigard J. Armorial du Bibliophile. P. 1–2. Paris, 1870–1873.
- Guigard J. Nouvel Armorial du Bibliophile. T. 1–2. Paris, 1890.
- Haebler K. Deutsche bibliophilen des 16 Jahrhundert. Leipzig, 1923.
- Hamanova P. Zdejín knizni vazby. Praha, 1959.
- Helwig H. Handbuch der einbandkunde. Bd. I–III. Hamburg, 1956.
- Hobson G.D. Les reliures a la fanfare. Amsterdam, 1970.
- Husung M.J. Bucheinbande aus der Preussischen Staatsbibliothek zu Berlin. Leipzig, 1925.
- Klingspor C.A. Baltisches Wappenbuch, Wappen sammtlicher, den Ritterschaften von Livland, Estland, Kurland end Oesel zugehöriger Adelsgeschlechter. Stockholm, 1882.
- Korolev Sergey V. French books with Catherine II's coat of arms from the former Hermitage library // Cahiers du Monde russe. 47/3, Juillet-Septembre. Paris, 2006. P. 659–666.
- Krause Ch. L., Mishler C. Standard catalog of world coins 1601–1700. Iola, 1996.
- Krause Ch. L., Mishler C. Standard catalog of world coins 1801–1900. Iola, 1996.
- Krause Ch. L., Mishler C. Standard catalog of world coins eighteenth century 1701–1800. Iola, 1993.
- Krieger B. Die bibliotheken Friedrichs des Grossen // Monatshefte für bucherfreunde und graphiksammler. № 1. Leipzig, 1925. S. 3–19.
- Kyster A. The Royal Library Copenhagen / Bookbindings in the public collections of Denmark. Vol. I. Copenhagen, 1938.
- Le Roux de Lincy A.J.V. Researches concerning Jean Grolier, his Life and his Library. New York, 1907.
- Ledieu A. Les reliures artistiques et armoriees de la bibliotheque communale d'Abbeville. Paris, 1891.
- Ledieu A. Les reliures artistiques et armoriees de la bibliotheque communale d'Abbeville // Memoires de la societe d'emulation d'Abbeville. T. 1. Abbeville, 1891.
- Leiningen-Westerburg K.E. Deutsche und Oesterreichische bibliothek zeichen exlibris. Stuttgart, 1901. S. 117–164.
- Lier H.A. Bucheinbande aus dem Bucherschatze der Konigle offentliche Bibliothek zu Dresden. Leipzig, 1892.
- Lopez Serrano M. La encuadernacion Espanola: Breve historia. Madrid, 1972.
- Loza S. Historja orderu Orla Bialego. Warszawa, 1922.
- Loza S. Kawalerowie orderu sw. Stanislawy. Warszawa, 1925.
- Maly J. Vystava ceskeho exlibris a supralibros v Praze // Sbornik pro exlibris a jinou uzitkovou grafiku. Rocnik III. V Praze, 1931. S. 119–183.

Menestrier P. Nouvelle methode raisonnee du blason ou l'art heraldique. A Lyon, 1780.

Minzloff R. Notice sur les reliures anciennes de la Bibliotheque Imperiale de St. Petersbourg. Paris, 1859.

[Minzloff R.] Ueber die Ausstellung von Einbänden und Titelblättern in der Rotunde der Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg // St. Petersburger Zeitung. St. Petersburg, 1853. № 196, den 6/18 september (Beilage). S. 927–928;

[Minzloff R.] Ueber die Ausstellung von Einbänden und Titelblättern in der Rotunde der Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg // Magazin für die Kunde des geistigen und sittlichen Lebens in Russland: Wissenschaftliche Mittheilungen aus den Beilagen der St. Petersburger Zeitung. Jahrg. II / Herausgegeben von Clem. Fr. Meyer. St. Petersburg, 1854. S. 608–616.

Monumens typographiques de la bibliotheque du Comte Boutourlin. [Sans titre]. [Leipzig, vers 1805].

Niesiecki K. Herbarz Polski. T. 1–11. W Lipski, 1839–1845.

Nixon H.M. Five centuries of english bookbinding. London, 1978.

Olivier E., Hermal G., Roton R. Manuel de l'amateur de reliures armoriees francaises. Series 1–29. Paris, 1924–1935; table. Paris, 1938.

Prokisch B. Grunddaten zur europaischen Munzprägung der Neuzeit ca. 1500–1990. Vienna, 1993.

Ostrowski J.R. Ksiega herbowa rodow polskich. T. 1–19. Warszawa, 1897–1906.

Quentin-Bauchart E. Les femmes bibliophiles de France (XVI, XVII & XVIII siecles). T. 1–2. Paris, 1886.

Renesse J.L.T.F.A. de. Dictionnaire de figures heraldiques. T. 1–7. Bruxelles, 1894–1903.

Rentzmann W. Numismatisches Wappen-Lexicon... 2 aufl. Berlin, 1876.

Rietstap I. Armorial General. T. 1–2. Gouda, 1884–1887.

Rolland V., Rolland H.V. Planches de l'armorial general de J.B. Riet-stap. T. I–VI. Paris, 1903–1926.

Ruckman de Betz. Armorial General de la Noblesse de Belge. Liege, 1957.

Rudbeck J.R.G. Svenska bokband. Bd. 1–3. Stockholm, 1910–1914.

Schlumberger E. Les meilleurs modeles pour reconnaitre: Les reliures du XVIII siecle // Connaissance des arts. № 160: Juin. Paris, 1965.

Schmidt A. Bucheinbande aus dem 14–19 Jahrhundert in der Landsbibliothek zu Darmstadt. Leipzig, 1921.

Schunke I. Jakob Krause. Stuttgart, 1953.

Siebmacher's grosses und allgemeines Wappenbuch. Bd. 1–8. Nurnberg, 1856–1936.

Simon H. Armorial General de l'Empire Francais. T. 1–2. Paris, 1812.

Sjogren A. Svenska kungliga och furstliga bokngaremarken. Stockolm, 1915.

Spyllo M. Polskie superexlibrisy XVI–XVIII wieku. Warszawa, 1988.

Stradonitz S.K., von. Uber Super-Exlibris // Zeitschrift für bucheinbande. 8 Jahrgang. 1904 / 1905. Heft 9. Dezember 1904. Bielfeld und Leipzig, 1904.

Studemeister M. Bookplates and their owners in imperial Russia: An illustrated Survey of Holdings at Stanford University. Tenafly, 1991.

Teitge H.-E. Ruckenverzierungen und Superexlibris an altern bestanden der deutschen Staatsbibliothek // *Marginalien*. Heft 48. Berlin, 1972. P. 19–27.

Tettoni L., Saladini E. Teatro Araldico ovvero raccolta generale delle armi et insigne gentilizie... in tutta Italia. T. 1–8. Lodi, Milano, 1841–1848.

Vekene E. van der. Bemerkenswerte einbände in der nationalbibliothek zu Luxemburg. Luxemburg, 1972.

Vekene E. van der. Les reliures aux armoires de Pierre Ernest de Mansfeld. Luxembourg, 1978.

Vicente Casante I. Heraldica general y fuentes de las armas de España. Barcelona, 1956.

Wahlen A. Ordres de chevalerie et marques d'honneur. Bruxelles, 1844.

Архивохранилища: РГАДА, ОПИ ГИМ, СПФ АРАН, ОР РНБ, АГЭ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	7
К читателю	10
Введение	15
История изучения суперэклибриса в Европе, России и СССР	16

ГЛАВА I

Эвристика геральдических суперэклибрисов	51
--	----

ГЛАВА II

Типология и терминология суперэклибриса	63
Расположение суперэклибриса на книге	67
Типология суперэклибриса	69
Геральдический суперэклибрис	70
Шрифтовой суперэклибрис	72
Сюжетный суперэклибрис	74
Смешанный тип	74
Суперэклибрисы монархов	75
«Издательские суперэклибрисы»	78

ГЛАВА III

Мастера и образцы	82
-----------------------------	----

ГЛАВА IV

Метод атрибуции геральдических суперэклибрисов	101
Геральдическое исследование	101
Нумизматика в исследовании суперэклибрисов	144
Палеография в исследовании суперэклибрисов	145
Генеалогия в исследовании суперэклибрисов	146
Книжный переплет и суперэклибрис	148

ГЛАВА V

Применение метода атрибуции геральдических суперэкслибрисов	170
Суперэкслибрисы графов Разумовских	171
Атрибуция суперэкслибрисов графов Шереметевых	177
Суперэкслибрисы Сумароковых	187
Суперэкслибрис князя С.Б. Куракина	192
Суперэкслибрисы герцога Фердинанда Пармского	198

ГЛАВА VI

Геральдический суперэкслибрис как исторический источник	205
Геральдический суперэкслибрис как источник по истории русской культуры и просвещения	205
Геральдический суперэкслибрис как источник для установления происхождения и судьбы книжных памятников	214
Роль геральдического суперэкслибриса в установлении подлинности книжных памятников	226
Фальсификаты геральдических суперэкслибрисов	232
Суперэкслибрисы-палимпсесты	240
Так называемые издательские суперэкслибрисы	244
Заключение	250
Список литературы	253

Научное издание

Дружинин Петр Александрович

Геральдика и редкая книга
В двух томах

Том I

Москва, издательство «Трутень», 2014
119019, Москва, а/я 135

Е-mail: info@truten.ru
Формат 60x90 1/16. Печать офсетная. 16, 5 печ. л.
Тираж 500 экземпляров

Художественный редактор — П.А. Дружинин
Фотограф — А.А. Дружинин
Обработка иллюстраций — Н.П. Черепов
Верстка — А.С. Перевозов
Корректор — А.А. Соболева

ISBN 978-5-904007-08-9 (т. 1)

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Заказ № 000